

Вопросы иберо-романистики

Выпуск 21

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

*К 270-летию
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

ВОПРОСЫ ИБЕРО-РОМАНИСТИКИ

Выпуск 21

Сборник статей

МОСКВА – 2024

УДК 811.134
ББК 81.2
Б74

<https://elibrary.ru/mzssc>

*Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Под редакцией: *Ю. Л. Оболенской*
Составитель: *М. С. Снеткова*

Рецензенты:

О. Ю. Школьникова – доктор филологических наук
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Е. С. Федюкина – кандидат филологических наук
(ВАВТ Минэкономразвития России)

Вопросы иберо-романистики. Выпуск 21 : Сборник статей /
Б74 Сост. М. С. Снеткова; под ред. Ю. Л. Оболенской. – Москва :
МАКС Пресс, 2024. – 212 с.

ISBN 978-5-317-07149-3

<https://doi.org/10.29003/m3806.ibero-romance-21>

В настоящем сборнике опубликованы статьи по итогам трех международных научных конференций, проведенных кафедрой иберороманского языкознания филологического факультета МГУ в 2023 году: VIII Камоэнсовских чтений (24–25 марта 2023 г.), VII Международного семинара по каталанистике (21–22 апреля 2023 г.) и II Латиноамериканских чтений (23–24 ноября 2023 г.). Издание посвящено 270-летию МГУ имени М. В. Ломоносова и охватывает широкий спектр проблем иберо-романистики: лингвистических, культурологических, литературоведческих, искусствоведческих, исторических.

Для широкого круга филологов-романистов, а также журналистов, историков, философов, культурологов, искусствоведов. Статьи печатаются в авторской редакции.

Ключевые слова: иберо-романские языки, диалекты, национальные варианты, литература, история, культура, искусство, Пиренейский полуостров, Латинская Америка.

УДК 811.134
ББК 81.2

ISBN 978-5-317-07149-3

© Филологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024
© Авторы статей, 2024
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2024

Оглавление

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Абрамова М. А.</i> Риторика и вымысел: жанр судебного разбирательства в валенсийской поэзии XV века	7
<i>Агапова А. В.</i> Детская литература в Каталонии: историческая перспектива и современное состояние	17
<i>Баканова А. В.</i> Ф. Маспонс-и-Лаброс: между фольклористикой и этнографией	26
<i>Гринина Е. А., Романова Г. С.</i> Андское мировидение в современном Перу	37
<i>Гуццина Е. Э.</i> Угоден ли Господу торговец? Экономика глазами каталонских богословов	44
<i>Константинова Н. С.</i> В традиции на злобу дня	54
<i>Луна Руис Х. Э., Никифорова С. А.</i> Об «Атлантической» и «Тихоокеанской культуре», на материале испанского языка	70
<i>Оболенская Ю. Л.</i> Роль Альфонсо Рейеса Очоа в создании национальной школы академического перевода	86
<i>Огнева Е. В.</i> Аболиционистская проза на Кубе в первой половине XIX века	95
<i>Ростоцкая Л. В.</i> Кинематограф Мигеля Гомиша: особенности авторского стиля	105
<i>Соболева Е. С.</i> Заметки Г. Г. Манизера о культуре Бразилии 1914–1915 гг.	111
<i>Торощина Т. Г.</i> Португальские народные традиции Страстной недели и Пасхи	126

<i>Шелешинева-Соловникова Н. А.</i> Мексиканский художник Карлос Масиель: постмодернистская парадигма и национальная идентичность	136
 ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИКИ	
<i>Алыпова С. А.</i> Стативные глаголы в современном испанском языке: проблема акциональной вариативности	147
<i>Иванова А.В.</i> К вопросу о функционировании глагола <i>estar</i> в каталанском языке в свете корпусных данных	156
<i>Круглова М.С.</i> Языковая гендерная политика в странах Латинской Америки	164
<i>Кутькова А. В.</i> <i>¿Cómo estáí?</i> : опыт диахронического исследования чилийского <i>voseo</i>	173
<i>Михеева Н. Ф.</i> Контакты языков и языковое планирование	185
<i>Невокишанова А. А.</i> Авторские особенности ранних латиноамериканских словарей локализмов	195
<i>Ровенских Г. В.</i> Особенности формирования и развития антропонимов в Бразилии	203

Contents

LITERARY, FINE ARTS AND CULTURAL STUDIES

<i>Abramova M. A.</i> Rhetoric and Fiction: the genre of Trial in Valencian Poetry of the 15th Century	7
<i>Agapova A. V.</i> Children's Literature in Catalonia: Historical Perspective and Current Status	17
<i>Bakanova A. V.</i> F. Maspons y Labros: between Folklore and Ethnography	26
<i>Grinina E. A., Romanova G. S.</i> Andean Worldview in Modern Peru	37
<i>Guschina E. E.</i> Is a Merchant Pleasing to the Lord? Economy through the Eyes of Catalan Theologians	44
<i>Konstantinova N. S.</i> In the Tradition on the Event of the Day	54
<i>Luna Ruiz J. E., Nikiforova S. A.</i> On the "Atlantic" and the "Pacific culture", Based on the Spanish Language	70
<i>Obolenskaya Y. L.</i> The Role of Alfonso Reyes Ochoa in the Creation of a National School of Academic Translation	86
<i>Ogneva E. V.</i> Abolitionist Prose in Cuba in the First Half of the 19th Century	95
<i>Rostotskaya L. V.</i> Cinematography by Miguel Gomis: Features of the Author's Style	105
<i>Soboleva E. S.</i> Heinrich H. Manizer's Notes on the Brazilian Cultures, 1914–1915	111
<i>Toroshchina T. G.</i> Portuguese Folk Traditions of Holy Week and Easter	126
<i>Sheleshneva-Solodovnikova N. A.</i> The Mexican Painter Carlos Maciel: the Postmodern Paradigm and National Identity	136

STUDIES IN THE FIELD OF LINGUISTICS

<i>Alypova S. A.</i> Stative Verbs in Modern Spanish: Problem of Actional Variability	147
<i>Ivanova A. V.</i> An Approach to the Functioning of the Verb <i>Estar</i> in Catalan in the Light of Corpus Data	156
<i>Krugova M S.</i> Language Gender Policies in Latin American Countries	164
<i>Kutkova A. V.</i> <i>¿Cómo estai?: Diachronic Research on Voseo in Chilean Spanish</i>	173
<i>Mikheeva N. F.</i> Language Contacts and Language Planning	185
<i>Nevokshanova A. A.</i> Author's Features of Early Latin American Dictionaries of National Vocabulary	195
<i>Rovenskikh G. V.</i> Features of the Formation and Development of Anthroponyms in Brazil	203

Раздел I

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

И КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 82-993

М. А. Абрамова
МГУ имени М. В. Ломоносова

**РИТОРИКА И ВЫМЫСЕЛ: ЖАНР СУДЕБНОГО
РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В ВАЛЕНСИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XV ВЕКА**

Аннотация: Статья посвящена самому известному произведению так называемой валенсийской сатирической школы, возникшей в XV веке – «Тяжбе об оливках» (*Lo procès de les olives*), которое было написано на каталанском языке. Оно рассматривается, с одной стороны, в контексте европейской куртуазной традиции и активной литературной жизни Валенсии того времени, с другой – в русле многовековой, в том числе архаической – античной, библейской, скандинавской – практики словесного (но часто со смертельным исходом) поединка. Отмечается, что основные жанры валенсийской сатирической школы – дебаты, загадки, беседы, рассуждения и пр. – были порождены тем, что в ней подвизались представители самых разных сословий, выражавших различные, осмеивавшие друг друга точки зрения. С этим же связано и непременное коллективное авторство произведений. «Тяжба об оливках», где центральной темой обсуждения становится вопрос о том, чья любовь – молодых или старых мужчин – способна принести большее наслаждение, напрямую восходит к карнавальной смеховой культуре. В исследовании показывается, каким образом «Тяжба об оливках» меняет свой статус, превращаясь из риторического произведения в художественное.

Ключевые слова: валенсийская сатирическая школа; жанр тяжбы; пародирование куртуазной традиции; эrotические метафоры; карнавальная смеховая культура.

Жанр тяжбы, по сути своей представляющий спор между нескользкими сторонами и вынесение финального приговора, является одним из самых древних в мировой культуре. Спор, состязание в знании и сообразительности как выявление сильнейшего и мудрейшего, а также как выявление высшего закона (Божественного или же непреложности судьбы), как раскрытие некой онтологической тайны встречается во многих архаических культурах и описаны в классических трудах (достаточно назвать *«Homo ludens»* Й. Хойзинги, *«Золотую ветвь»* Д. Фрэзера). В этом споре изначально присутствуют две доминанты, две его основных составляющих – содержательная и формальная. И победа в словесном поединке равным образом зависит не только

от знания как такового, но и от умения словесно оформить свой довод. Это особенно хорошо заметно в таких архаических проявлениях судебного поединка, как решение загадки Эдипом или же в «Речах Альвиса» и других песнях «Старшей Эдды», где трудность разгадки заключается в расшифровке словесного кода и где проигравший расплачивается жизнью. Тот же неделимый сплав сущностного и словесного начал наблюдается в обряде испытания правителя особо сложным судом, в котором он должен вынести истинный приговор: здесь важны не только его справедливость, но и способность доказательства этой справедливости, его четкая формулировка. Это особенно заметно в «Библии», в первую очередь в решениях споров Давидом или Иисусом. Итак, онтологическая сущность суда, спора изначально связана с риторикой, с умением манипулировать словом.

В античной культуре риторика, собственно, с судебной практикой в первую очередь и связывалась. Однако в христианском ареале ее функции сильно расширились. Практически вся словесная христианская культура оказалась «риторизирована», поскольку ее цель была одна – доказательство истины христианского учения. По сути, поэтике нет места в **христианской** культуре и словесности, так как последняя трактует исключительно о реально случившемся, а не о вымыщенном¹.

Не случайно, одной из базовых дисциплин, входивших в тривиум, была диалектика, говоря современным языком – формальная логика, учившая правильно рассуждать и спорить, чтобы вести впоследствии теологические диспуты. В качестве своеобразной параллели этой письменной традиции следует упомянуть такие популярные в своё время жанры лирики трубадуров, как тенсона и её разновидности – джок партит, патимен, торнейамен, в которых обсуждались вопросы, связанные с любовью, ухаживанием, сталкивались взаимные жалобы влюблённых или же упрёки двух политических противников (нередко реальных), сеньора и вассала [Мейлах].

Нам, однако, хотелось бы обратить внимание на ту практику в более поздней светской литературе XV века, которая использует жанр судебного разбирательства как такового применительно к любовной тематике. Возможно, в ней проявилась еще одна традиция, которую

¹ В связи с нашей темой уместно вспомнить, как творчески использует античное судебное красноречие Августин в «Исповеди» применительно к сугубо христианской картине мира [Григорьева].

необходимо кратко наметить. Я имею в виду трактат Андрея Капеллана «О любви» [Андрей Капеллан] с приведенными в нем юридическими казусами и решениями суда любви. В каждом из примеров любовного конфликта (а их порядка 20) *дословно* воспроизведено неопровергимое мнение судьи – в его роли выступают Алиенора Аквитанская, Аделаида Шампанская (жена Людовика VII) и виконтесса Нарбоннская. Характерно, что в качестве судей выбраны дамы, занимающие высшие ступени сословной иерархии, ибо само их положение обеспечивает наиболее компетентное и мудрое решение суда. По сути, этот памятник напоминает о хорошо известном многим культурам процессе перехода от устного права к письменному, с той разницей, что здесь сфера действий закона ограничивается любовной, а характер наказаний – этическим. Иначе говоря, те законы куртуазного универсума, которые были выработаны в лирике и в вероятных реальных судах любви, были преданы письму, получили более высокий статус в обществе того времени. Дословная передача формулировок решений, подробная аргументация их подчеркивают важность словесной составляющей, собственно риторики. Тем не менее содержание здесь также первостепенно, ибо равнозначно причащению к таинствам любовного знания. Не случайно эта часть трактата дополняется сообщением «Правил любви», добытых якобы у самого короля Артура. Этот синтез сакральных знаний о любви, полученных либо от правителя идеального рыцарского мира, либо от самого Амора, вкупе с непременной контрверзой по поводу их реализации в «профанном» мире, станет непременной частью многих художественных произведений о любви, прежде всего – романов или повестей. Самый характерный пример, конечно, «Роман о Розе». Возможно, Андрей Капеллан в своем трактате выразил законы не только собственно куртуазной любви, но в определенной степени и законы повествовательных художественных жанров, рассказывающих о любви. Иными словами, сочиняя произведение в лучших традициях античной риторики (о связи его трактата с Овидием уже сказано достаточно много), Андрей предугадал некие законы поэтики куртуазных романов и поэм.

Важно при этом, что в своем трактате Андрей Капеллан использует исключительно высокий стиль. Даже нейтральный оказывается непригодным, во всяком случае в части, где приводятся решения суда любви и Правила любви. Это весьма важное отличие Андрея от Овидия, который не гнушается средним и даже низким стилем в рассуждениях о любви. Это связано как с различием понимания любви (куртуазная,

пройдя через горнило христианской веры и арабско-бедуинской поэзии, приобрела возвышенный характер, не связанный исключительно с плотским влечением), так и с разными задачами авторов. Подчеркнем еще раз, что Андрей, желая того или нет, придал высокий статус куртуазной любви, освятил ее авторитетом средневекового латинского трактата.

Однако уже в архаических культурах споры, перебранки приобретали комическую функцию, связанную с сакральным осмеянием богов и героев. Достаточно вспомнить «Перебранку Локки» или обязательное поношение двух эпических противников перед боем. Средневековое пародирование, восходящее к сакральному смеху и питающееся карнавальной традицией, естественно обращалось и к жанру суда. Сатира встречается, к слову, и в тенсонах. Но помимо пародий на обычное судопроизводство и иные сферы юридической деятельности, хорошо известные, в частности, по латинской пародийной литературе (*parodia sacra*), возникали пародии и на суды любви. Они включаются в русло более широкой традиции пародирования куртуазной культуры. Учитывая это, как своего рода расширенную пародию на суды любви можно рассматривать и вторую часть «Романа о Розе» с ее пространной контролерзой Дамы Разум и Природы, как двух противоположных начал: целомудрия и чувственности и с характерной развязкой на уровне сюжета в пользу второй. Жан де Мён явно отдает предпочтение естествству. Заметим, кстати, что и стилистика второй части Романа о Розе становится гораздо разнообразнее за счет активного использования сниженного регистра. Любопытно, что в рассуждениях дам-судей из трактата Андрея вопросы, связанные с природой человека, а не с этикой, выносятся за скобки. Так, королева Аделаида отказывается решать вопрос о том, чья любовь предпочтительнее – человека молодого или пожилого, равно как и вопрос о том, почему по естественному побуждению молодые мужчины предпочитают соединяться в страсти со старшими женщинами, а пожилые – с молодыми, а женщина в любом возрасте ищет утех с молодыми людьми. Мотивирует она свой отказ тем, что *рассмотрение сего вопроса есть забота скорее естествоиспытательская*¹. Таким образом можно

¹ Королеве был предъявлен вопрос, чья любовь предпочтительней, молодого ли человека или пожилого. На сие она дала ответ, удивительный по тонкости. Сказала она так: *“Мужи в любви почитаются лучшими или худшими не по летам, а по их познаниям, доблести и достохвальному добронравию.* По естественному же побуждению мужчины младших лет более склонны соединяться в страсти с женщинами старших лет, чем с молодыми сверстницами, а мужчины зрелых лет предпочитают принимать

сказать, что Жан де Мён, представитель иного, городского сословия, делает предметом обсуждения как раз то, что отвергалось в классической куртуазной традиции XII века.

Дистанция по отношению к куртуазному идеалу любви постепенно укореняется и усиливается в городской среде. Очень интересные и многочисленные плоды этот процесс принес в Валенсии XV века. Здесь были представлены разнообразные поэтические традиции, сформировавшиеся еще в XIV веке и унаследовавшие опыт предшествовавшей провансальской и французской поэзии. С одной стороны, практиковалась высокая куртуазная поэзия, правда уже изменившаяся под влиянием городской среды. Интересно, кстати, что один из крупнейших представителей куртуазной традиции Жауме Марк сочинил на рубеже XIV–XV вв. поэму «Веселая Гвардия» (*La joiosa garda*), в которой рассказывает о своем посещении Короля Любви, озабоченного тем, что про истинную Любовь в мире забыли, и сообщающего о том, что он якобы создал идеальный Город Любви. Эта параллель с трактатом Андрея Капеллана наглядно демонстрирует, как изменился контекст, в котором существует отныне куртуазный идеал. В XV веке крупнейшие валенсийские авторы, принадлежащие в большой степени высокой традиции, в разнообразных жанрах тем или иным образом отразят кризис прежнего идеала и попытаются его преодолеть. В поэзии это Аузиас Марк, Жуан Руис де Курелья, Жорди де Сан-Жорди, в прозе – Жуанот Мартурель и анонимный автор «Куриала и Гузлфы». Однако в XV столетии в Валенсии существовало множество литературных сообществ, практиковавших иной тип поэтического творчества. Многочисленные «тертульясы», своего рода салоны, где собирались не только мужчины, но и женщины, и положили основу так называемой валенсийской сатирической школы. Постоянные бурные обсуждения разнообразных тем породили основные жанры этой школы: дебаты, загадки, беседы, «парламенты»...¹ Их характерная черта – коллективное авторство. Авторы принадлежали к разным социальным группам (рыцари, священники, купцы, нотариусы, адвокаты, синдики, писари и др.), что

объятия и лобзания от младших женщин, чем от зрелых возрастом. Женщина же, напротив, будь она во младых летах или в зрелых, более ищет объятий и утех во младших мужчинах, нежели в пожилых. **По сей причине рассмотрение предложенного вопроса есть забота скорее естествоиспытательская**". [Андрей Капеллан, с. 395].

¹ Интересную параллель оживлению жанра дебатов на рубеже XV–XVI представляет собой распространение поэтических перебранок в шотландской придворной поэзии. См. [Ибрагимова, 2020], [Ибрагимова, 2023].

отразится в их диалогах. Известно несколько случаев «обмена мнениями», то есть стихами, о любви и об ослаблении веры между представителями этой школы и поэтами «высокой» традиции. Это явление многие исследователи связывают с влиянием итальянской гуманистической культуры на культурную жизнь Каталонии¹. Самыми выдающимися авторами этой школы являются Жуан Мурено, Жауме Гасуль, Бернат Фенульяр, Нарсис Виньолес, Балтазар Пуртель. Именно они и создали произведение, о котором мы скажем поподробнее, а именно – «*Lo procès de les olives*» («Тяжбу об оливках»). Ее продолжением является сочиненный одним только Гасулем «*Somni de Joan Joan*» («Сон Жуана Жуана») [Fenollar B., Moreno J., Gassull J., Lo Síndic, Vinyoles N., Portell B.]. Это, пожалуй, наиболее известные памятники, принадлежащие валенсийской сатирической школе.

Примечательно, что валенсийцы словно бы с жаром ухватываются за тему, нарочито отвергнутую королевой Аделаидой: основной предмет спора в произведении «Тяжба об оливках» – чья любовь лучше, молодых мужчин или пожилых? Иначе говоря, создателей этого произведения привлекает как раз «естественноиспытательская» задача, а не этическая сторона вопроса и высокая любовь. Любовь понимается исключительно как плотское наслаждение.

Что касается формальной стороны произведения, то оно построено в виде беседы между несколькими персонажами, причем это может быть как обмен репликами, то есть имитация устной беседы, так и обмен посланиями. Важно отметить, что оно имеет стихотворную форму. Однако участвуют в нем не вымышленные персонажи, а реальные люди, собственно, сочинители этого произведения. Спор затевает пожилой Бернат Фенульяр, утверждая, что старики не могут заниматься любовью как следует и не должны этого делать. Его собеседник, тоже пожилой Жуан Мурено, защищает сторону стариков, говоря, что они вполне способны доставить удовольствие дамам. В качестве третейской стороны выступает Жауме Гассуль, защищая Мурено от нападок.

Затем в спор на стороне Фенульяра вступает некий анонимный синдик, а Гассуль продолжает защищать пожилого Морено. Однако в следующей части, выводя из игры двух своих противников, Гассуль меняет тактику. Он выступает против Мурено, апеллирующего к

¹ О литературной жизни в Валенсии XV в., а также о сатирической школе см. [Riquer M. De], [Guinot S.], [Ferrando A.], [Jafer S.]

мудрости, добродетельной семейной любви, и восхваляет любовь плотскую, то есть присущую молодым. На данном этапе победа остается за Мурено. Однако на этом произведение не заканчивается – в спор вступают два новых персонажа, Нарсис Виньолес и Балтасар Пуртель. Первый защищает Мурено и стариков, а второй на него нападает и прославляет любовь молодых. Спор так и остается незавершенным в «Тяжбе об оливках».

Надо отметить: догадаться, о чем идет речь между спорящими, не просто. Во всяком случае людям, не посвященным в контекст спора, его предмет может показаться по меньшей мере странным. Ведь в «Тяжбе об оливках», в отличие от Андрея Капеллана, вопрос не задан прямо. Фенульяр всего-навсего интересуется тем, как Мурено выуживает косточку, поедая маслины, и как извлекает крошечную улитку из домика, ибо это сложно сделать без зубов (напомним, что сам Фенульяр стар). На что собеседник отвечает, что маслины – нежная пища, она сладче сахара, так что он не в силах от нее отказаться и страстно желает, чтобы полные вкуса маслины отдали ему косточку. И косточка эта доставит наслаждение улитке, которую он оберегает, чтобы натирать десны. Современный читатель, прочитав две реплики, явно оказывается шокирован тем, что взрослые люди обсуждают столь ничтожную, чтобы не сказать – абсурдную, тему. Правда, в самых первых строках своей реплики Фенульяр оговаривается: они с его собеседником на плохом счету у многих, поскольку «...tot nostre fet està en parlar, / cercant lo descans d'enuig i tristura»¹. Это предупреждение крайне важно, оно переводит сразу же все произведение в игровой регистр. Как уже отмечалось, «Тяжба...» написана стихами, что подчеркивает ее рекреативную функцию. Кроме того, в третьей и четвертой строфе речь идет о том, что собеседники толкуют не всегда правильно высказывания друг друга: Fenollar: *Puix també glosau la mia textura / i amb seny equívoc voleu postillar...*; Moreno: *Segons vostre text vós feu la lectura*². Это – косвенный намек и читателю на то, что следует выбрать нужный код прочтения. Постепенно, в последующих строфах, становится понятным, что все действия, связанные с поеданием оливок и с высунутыми рожками улиток, имеют не прямое,

¹ «единственное наше занятие – говорить, и мы ищем в этом отдохновения от тоски и грусти» [Fenollar B., Moreno J., Gassull J., Lo Sídic, Vinyoles N., Potell B., p. 81].

² Фенульяр: ведь Вы толкуете мой текст / и неправильный смысл хотите ему придать... Морено: Вы читаете всё только в соответствии с Вашим текстом. [Fenollar B., Moreno J., Gassull J., Lo Sídic, Vinyoles N., Potell B., p. 81–82].

а метафорическое значение. Сначала Мурено говорит о том, что оливки – плод дерева любви, они имеют целебное свойство оживлять холодных улиток. Затем Фенульяр заявляет, что в некоей книге любви написан закон (*és llei i escriptura*) о том, что когда мужчине переваливает за 60, он оставляет любовь и просит от нее защитить. Он непригоден есть оливки и вытаскивать из них косточки, и доблесть улитки уже стара. Общий контекст, подсказанный традиционной, в том числе карнавальной метафорой поедания как полового акта, помогает понять в конце концов, что оливки означают соответствующий женский, а улитка – мужской органы, а есть оливки, извлекая из них косточку – заниматься любовью, извлекая из этого наслаждение.

Первая серия реплик между Мурено и Фенольяром обыгрывает так или иначе только именно эту метафору. Однако в последующих речах набор метафор увеличивается. Каждый собеседник хвастается своими достоинствами не только в любовной сфере, но и в умении играть словами. Постепенно становится понятно, что основная цель спора – не выяснить или доказать, кто лучше в любви, а развлечься и развлечь читателя. Метафора приобретает иронический смысл, связывается с эротическим контекстом. Один из характерных комических приемов – включение юридической лексики и латинских выражений в явно сниженный контекст. Так, например, сомневаясь в том, что похвальба Мурено отражает истину, Фенольяр не желает узаконивать (*decretar*) фальшивую потенцию в столь преклонном возрасте, и советует не пренебрегать похвальным советом: *conosce te ipsum*.

Таким образом, начинает доминировать именно поэтическая функция языка. Не случайно конечную сентенцию участники спора выносят в продолжении «Тяжбы об оливках», которое носит характерное название «Сон Жуана Жуана» (*«Somni de Joan Joan»*) и подчеркивает таким образом вымышленный и игровой характер обоих произведений. Её сочинителем был один Ж. Гасуль. В «Сне...» на помощь спорящим придут Разум и Венера – это, между прочим, заставляет предположить, что валенсийские любители словесности, возможно, были знакомы с «Романом о Розе» и пародируют в том числе и его. Окончательное решение суда выносят, кстати, женщины, причем автор намеренно уходит от конкретного референта. Возможно, кстати, что это пародийная оглядка на Андрея Капеллана, выдившего в качестве высших куртуазных судей наиболее прекрасных и сведущих в куртуазии дам своего времени. Валенсийские же поэты делают женщин самыми искушенными в вопросах плотской любви и языка

эротики, но также и в юридической словесной процедуре и её пародировании. В заключительном слове многократно повторяется официфильная формула «принимая во внимание, что» (vist que), после которой женщины, употребляя массу фамильярных выражений, доказывают несостоительность любви стариков, предписывают им ходить в церковь и не связываться с дамами, если они не желают «пополнить ряды жителей Корнуэльса, членов братства Святого Луки или носить корону Моисея». Все эти варианты обозначают рогоносцев: Корнуэльс по звуанию (cogn, cognut по-кatalански «рог»), рогатый бык это символ евангелиста Луки, а корона Моисея отсылает к эпизоду, когда Моисей спустился с горы Синаи с сияющими рогами.

Таким образом, «Процесс об оливках» и «Сон Жуана Жуана» – это произведения, балансирующие между риторикой и поэтикой и отражающие процесс переоценки рекреативной функции словесного творчества в формировании нового типа литературы и писательского модуса поведения.

Литература

1. Андрей Капеллан. О любви // Жизнеописания трубадуров. М., «Наука», 1993. С. 383–400.
2. Гийом де Лоррис, Жан де Мён Роман о Розе. Пер. и comment. И. Б. Смирновой. М., ГИС, 2007. 403 с.
3. Григорьева Н. И. Жанровый синтез на рубеже эпох: «Исповедь» Августина // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М., «Наука», 1989. С. 229–276.
4. Ибрагимова К. Р. Притворная перебранка Дэвида Линдсея // Известия Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 364–369.
5. Ибрагимова К. Р. Образ поэта в «Перебранке Данбара и Кеннеди» // Stephanos, 2020, №1 (39). С. 111–117.
6. Мейлах М.Б. Язык трубадуров. М., «Наука», 1975.
7. Fenollar B., Moreno J., Gassull J., Lo Síndic, Vinyoles N., Potell B. Lo procès de les olives. Gassull J. Lo somni de Joan Joan. València, Tres i quatre, 1988. 307 p.
8. Ferrando A. Els certàmens poètics valencians del XIV al XIX. València, Ed. Aldons el Magnànim, 1983. 1129 p.
9. Guinot S. Tertulias literaris en la Valencia del siglo XV // Boletín de la Sociedad Castellonense de Cultura, II (1921). P 1–5, 40–45, 66–76, 97–104.
10. Jàfer S. Estudi introductori. Un debat i un somni: la dialèctica eròtica a finals del segle XV // Fenollar B., Moreno J., Gassull J., Lo Síndic, Vinyoles N.,

- Potell B. Lo procès de les olives. Gassull J. Lo somni de Joan Joan. València, Tres i quatre, 1988. P. 10–73.
11. Riquer M. de Història de la literatura catalana, vol. 3. Barcelona, Ariel, 1980. P. 315–370.

Marina A. Abramova

Lomonosov Moscow State University

m.a.abramova@gmail.com

**Rhetoric and Fiction: the genre of Trial in Valencian Poetry
of the 15th Century**

Abstract: *The article is devoted to the most famous work of the so-called Valencian satirical school, which arose in the 15th century – “The Trial of the Olives” (“Lo procès de les olives”), which was written in Catalan. It is considered, on the one hand, in the context of the European courtly tradition and the active literary life of Valencia at that time, on the other hand, in line with the centuries-old, including archaic – ancient, biblical, Scandinavian – practice of verbal (but often fatal) combat. It is noted that the main genres of the Valencian satirical school – debates, riddles, conversations, reasoning, etc. – were generated by the fact that representatives of various classes worked in it, expressing different points of view that ridiculed each other. The indispensable collective authorship of works is also connected with this. “The Trial of the Olives,” where the central topic of discussion is the question of whose love – young or old men – can bring more pleasure, directly goes back to the carnival culture of laughter. The study shows how “The Olive Trial” changes its status, turning from a rhetorical work into an artistic one.*

Key words: Valencian satirical school; litigation genre; parody of courtly tradition; erotic metaphors; carnival laughter culture.

УДК 821.134.1

А. В. Агапова
МГУ имени М. В. Ломоносова**ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КАТАЛОННИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Аннотация: В статье дан краткий исторический обзор развития детской литературы в Каталонии, проанализировано современное состояние данного феномена и его значение для каталонского общества. Автор рассматривает деятельность издательств и различных культурных институций, направленную на популяризацию детской литературы на каталанском языке внутри региона и на международном уровне, а также отмечает высокий интерес к данной теме со стороны каталонских исследователей. На основе приведённой информации делается вывод о том, что в последние десятилетия прослеживается значительное укрепление позиций каталанской литературы для детей и подростков, хотя при этом остаётся пространство для развития и повышения престижа этого вида литературы в глазах публики.

Ключевые слова: детская литература на каталанском языке; каталонские издательства; каталонские литературные премии.

В данной статье речь пойдёт о детской литературе на каталанском языке на территории Каталонии. За скобками останутся другие регионы Испании, где используется каталанский язык (Балеарские острова, Валенсия), а также каталаноязычные территории, расположенные за пределами Испании.

Кроме того, в рамках этой статьи мы сознательно не останавливаемся подробно на конкретных авторах и их творчестве, но в общем рассматриваем траекторию развития феномена детской литературы в Каталонии и его значение для каталонского общества.

Детская литература приобрела большое значение в Каталонии в эпоху модернизма в рамках масштабного культурного проекта по обновлению общества и усилению позиций каталанского языка. В тот период детской и подростковой литературе придавалось первостепенное значение в деле модернизации каталонского общества. Следствием стала совместная работа органов власти, издательств, образовательных и художественных проектов по созданию и

распространению журналов для детей, литературных собраний, переводов и иллюстраций высокого качества [Valrù].

До этого времени большинство детских произведений каталонских писателей создавалось на испанском языке. Теперь же прилагалось много усилий для увеличения объёма детской литературы высокого качества на каталанском языке, которая должна была найти своего читателя во всех социальных слоях. Достижению этой цели способствовало разнообразие в издательском секторе. Издательство *Boginuà* было ориентировано на самую широкую аудиторию. С 1904 по 1938 год оно выпускало первый детский журнал на каталанском языке *En Patufet*, для которого постоянно писал Ж. М. Фолк-и-Торрес, один из самых плодовитых каталонских детских писателей первой половины XX века. Издательство *L'Avenç*, выпускавшее переводы классиков детской литературы и публиковавшее рассказы каталонских и зарубежных писателей в своём еженедельнике, работало для более просвещённой публики. Стоит упомянуть издательство *Muntañola*, где выходили прекрасно иллюстрированные книги народных сказок, а также публиковались тексты таких именитых литераторов, как Ж. Карнер и К. Риба. Издательство Ментора и, впоследствии, издательство *Joventut*, знакомили каталонского читателя с мировыми классиками детской литературы.

«Приключения Перота Марраски» (1917) или «Шесть Жуанов» (1928) поэта К. Рибы, рассказы Лолы Англады для самых маленьких («Перет», 1928), «Лау, или приключения ученика пилота» (1926) К. Солдевилы и произведения Ж. М. Фолк-и-Торреса стали классическими произведениями каталонской литературы. В то же время такие издательства, как *Joventut*, начали большую работу по переводу на каталанский и испанский языки произведений мировой литературы, предназначенных для детей.

После Гражданской войны в Испании лучшие авторы и иллюстраторы детских книг вынуждены были покинуть страну. Было запрещено издание литературы на миноритарных языках и введена цензура. Всё это означало разрыв с предшествующей традицией.

В 1960-х годах, после отмены запрета на публикацию книг на языках национальных меньшинств, произошло возрождение детской и подростковой литературы на каталанском языке и возвращение к культурному проекту первой половины XX века. При этом аудиторию составляли дети, получавшие школьное образование на испанском языке. В 1961 году был основан журнал *Cavall Fort*, в 1963

учреждены премии имени Ж. М. Фолк-и-Торреса и Ж. Руйры, а также основано издательство *La Galera*, специализировавшееся исключительно на детской книге и публиковавшее книги как на каталанском, так и на испанском языке. Сразу выполнялись переводы каталонских произведений на испанский язык, что способствовало улучшению ситуации в области детской литературы в Испании в целом [Valriu].

Сегодня детская литература на каталанском языке продолжает играть большую роль в деле самоопределения и формирования национального самосознания в Каталонии. Поэтому вопросам детской литературы уделяется большое внимание со стороны местных властей, в том числе выделяются средства библиотекам на закупки книг для детей и подростков, что помогает расти довольно небольшому рынку детской книжной продукции на каталанском языке.

Если говорить об общих тенденциях развития детской литературы в современной Каталонии, можно отметить стремление писателей обращаться к таким темам, как дискриминация, насилие, буллинг в школе, социальные сети, права женщин, экология, осознанность и эмоциональный интеллект, при этом не прибегая к морализаторству. В детских книгах стали подниматься многие табуированные раньше вопросы. В этом смысле, каталонская детская литература развивается в общеевропейском русле.

Большое внимание уделяется созданию научно-популярных книг для детей. В каталогах издательств можно найти детские книги о различных областях науки, об устройстве мира, о функционировании человеческого тела. Подобные издания обычно богато иллюстрированы.

В целом наблюдается повышенный интерес к визуальной составляющей детских книг. Большой популярностью пользуются иллюстрированные альбомы, где изображения играют не менее важную роль, чем текст, которого обычно очень немного. Каталонские иллюстраторы работают и с зарубежными издательствами, что отчасти способствует повышению интереса к каталонскому рынку детской литературы.

Также стоит отметить стремление издательств и культурных институтов вывести каталанскую литературу для детей и подростков на международный рынок. Здесь просматриваются две цели: экономическая (зарубежные издательства платят за право публиковать у себя каталонские книги) и культурно-просветительская (читатели в разных странах смогут познакомиться с каталонской культурой через детскую литературу).

Большой вклад в дело популяризации за рубежом детских произведений на каталанском языке вносит Институт Рамона Льюля, который ежегодно составляет англоязычный каталог детских и юношеских произведений на каталанском языке, предназначенный для иностранных издателей. В этих каталогах обычно представлены иллюстрированные альбомы, нехудожественные произведения (нон-фикшн), романы и повести для детей и подростков. Также Институт Рамона Льюля предоставляет гранты для переводчиков, иллюстраторов и издательств, которые готовы знакомить своих соотечественников с произведениями каталанских писателей. Грантовые программы распространяются на разные литературные произведения (не обязательно созданные для детей), но, безусловно, помогают распространять детскую литературу Каталонии за рубежом. Так, в базе данных Института Рамона Льюля «TRAC» (*Traduccions del català a altres llengües*), можно найти информацию о том, что с 2010 года на английский язык было переведено 90 книг для детей и подростков, на французский – 168, на русский – 29 [Institut Ramon Llull].

Ещё один эффективный инструмент популяризации каталонской литературы для детей – книжные ярмарки. В частности, с 2015 года Каталония участвует в Болонской ярмарке детской книги, которая является одним из самых важных мероприятий в мире, посвящённых литературе для детей и юношества. В 2017 году Каталония совместно с Балеарскими островами удостоилась звания почётного гостя Болонской ярмарки. Если раньше каталонские издатели посещали ярмарку, в основном, с целью покупки прав на иностранные произведения, то теперь у них появился шанс громко заявить о своей продукции на международном уровне.

Разговор о детской литературе в современной Каталонии, едва ли возможен без упоминания о некоторых важнейших издательствах, которые специализируются на книгах для детей и подростков. Издатели вносят большой вклад в развитие этого сектора книжного рынка. Они принимают решения, какие именно произведения будут опубликованы, занимаются продвижением вышедших книг, представляют свою продукцию на книжных ярмарках. Также стоит сказать о том, что издательства принимают важное решение – на каком языке выпускать книги. Выход на небольшой по размеру рынок каталаноязычной литературы может представлять экономический риск для издателей, тем более, когда речь идёт о ещё более узкой нише – книгах для детей и подростков. Тем не менее, в последние годы детская литература в

Каталонии переживает рассвет, и те издательства, которые раньше выпускали свою продукцию только на испанском, начинают работать и с каталанским языком.

На сайте Гильдии издателей Каталонии представлен обширный список издательств, которые выпускают детские и подростковые книги на каталонском языке – порядка девяноста названий [Gremi d'Editors de Catalunya]. Назовём лишь некоторые из них.

Независимое издательство *Joventut*, уже упоминавшееся ранее, в 2023 году отметило столетний юбилей. Здесь выходят книги как на испанском, так и на каталанском языках. Издательство во многом специализируется на переводной литературе, но публикует и оригинальные произведения. *Joventut* выпускает много детских иллюстрированных альбомов, которые завоевали большую популярность на книжном рынке Каталонии.

Так же упоминавшееся ранее издательство *La Galera*, основанное в 1963 году, продолжает свою работу и сегодня, выпуская детские книги на испанском и каталанском языках, в том числе переводные произведения. Продукция издательства ориентирована на разные возрастные категории: в каталоге представлены и книги для детей раннего возраста, и литература для подростков.

Издательство *Animallibres* выпускает книги только на каталанском языке для детей и подростков всех возрастов. Тематика произведений разнообразна: фантастика, комиксы, волшебные истории, детективы, нон-фикш и т. д. Редакция *Animallibres* является частью группы издательств, в которую входят также издательства *Bromera*, *Tàndem* и *Algar*.

Издательство *Beascoa* основано четыре десятилетия назад, и всегда было ориентировано на детскую аудиторию. В 2001 году компанию приобрела издательская группа *Random House Mondadori*. Продукция *Beascoa* предназначена исключительно на младших читателей от 0 до 7 лет. В своих книгах издательство стремится сочетать обучающие и развлекательные элементы.

Также можно назвать следующие издательства, выпускающие детскую литературу на каталанском языке: *Takatuta*, *BiraBiro*, *Bambú*, *Combel* и многие другие.

Значение детской литературы для современного каталонского общества подчёркивается и большим количеством специализированных литературных премий, которые учреждаются издательствами, культурными организациями, местными властями. Перечислим лишь некоторые из них.

Премия имени Ж. М. Фолк-и-Торреса (*Premi Josep M. Folch i Torres de novel·les per a nois i noies*). Вручается с 1964 года, в конкурсе могут участвовать оригинальные и неопубликованные романы, написанные на каталанском языке и предназначенные для читателей в возрасте от 9 до 11 лет. Победившее произведение в течение двенадцати месяцев публикует издательство *La Galera*. Денежное вознаграждение составляет 6000 евро.

Премия имени Ж. Руйры (*Premi Joaquim Ruyra de Narrativa Juvenil*). Вручается с 1963 года. В конкурсе могут участвовать оригинальные и неопубликованные романы, написанные на каталанском языке и предназначенные для читателей в возрасте от 12 до 16 лет. Победившее произведение также публикует издательство *La Galera*. Денежное вознаграждение составляет 6000 евро.

Премия в области детской литературы *El Vaixell de Vapor* (*Premi de Literatura Infantil El Vaixell de Vapor*). Вручается с 1984 года. В конкурсе участвуют неопубликованные произведения, написанные на каталонском языке, объемом от 30 до 100 страниц, предназначенные для детской аудитории. Работа-победитель публикуется в издательстве *Cruïlla*. Денежное вознаграждение составляет 11000 евро.

Премия *Gran Angular* (*Premi Gran Angular*). Вручается с 1990 года. В конкурсе участвуют неопубликованные произведения, написанные на каталонском языке и не отмеченные ранее другими премиями. Победившее произведение публикует издательство *Cruïlla*. В 2022 году ни одна из представленных на конкурс работ не была удостоена награды. Денежное вознаграждение составляет 11000 евро.

Premi Crítica Serra d'Or de Literatura Infantil i Juvenil. Вручается с 1977 года. Жюри выбирает победителя среди детских и юношеских произведений на каталанском языке, опубликованных за предыдущий год. Премия не подразумевает денежного вознаграждения, но обладает большой известностью и престижем в культурной среде Каталонии.

Ещё одним подтверждением важности вопросов детской литературы для современного каталонского общества может служить и существование множества учреждений, которые занимаются изучением детской литературы и популяризацией детского чтения.

Так, сегодня продолжает свою работу Каталонский совет по вопросам детской и юношеской книги (*Consell Català del Llibre Infantil i Juvenil*), созданный в 1982 году. Среди прочего, совет организовывает вручение литературных премий *Atrapallibres* и *Protagonista Jove*, особенность которых заключается в том, что жюри полностью состоит

из детей и подростков от 9 до 16 лет. При этом ставится цель развить у юной аудитории навыки критического чтения качественной литературы на каталанском языке. Ещё одно направление деятельности совета – издание специализированного журнала *Faristol*, посвящённого каталонской детской литературе. Журнал был основан в 1985 году и выходит до сих пор два раза в год в электронном и в бумажном виде. В нём публикуются статьи, репортажи, интервью, подборки и обзоры новинок детской и юношеской литературы. Кроме того, совет проводит программу *Municipi Lector*, цель которой – привить детям любовь к чтению, объединив усилия библиотек, школ и родителей [Consell Català del Llibre Infantil i Juvenil].

Стоит уточнить, что Каталонский совет по вопросам детской и юношеской книги объединяет множество организаций, среди которых Ассоциация каталонских издателей, Ассоциация каталонских писателей, Гильдия книготорговцев Каталонии, Институт каталонской литературы, Институт Рамона Льюля и многие другие.

Ассоциация каталонских писателей каждые 3–4 года, начиная с 1998, проводит Конгресс, посвящённый детской и юношеской литературе на каталанском языке (*Congrés de Literatura Infantil i Juvenil Catalana*). В мероприятиях, которые проходят в рамках Конгресса, участвуют детские писатели и поэты, переводчики, иллюстраторы, исследователи детской литературы, представители детских библиотек. Круг обсуждаемых тем довольно широк: общие тенденции развития детской литературы в Каталонии, особенности разных жанров (например, нон-фикшн для детей или детский театр), проблемы издательской и переводческой деятельности, вопросы коммуникации с читателем (например, обсуждение табуированных тем). Последний на данный момент, седьмой конгресс состоялся в конце 2022 года и был посвящён игровому началу в литературе для детей [Associació d'Escriptors en Llengua Catalana].

Каталонская детская литература не только пользуется поддержкой культурных институций, но и вызывает большой интерес в академических кругах. Среди исследователей этой области, которые работают в университетах Каталонии, можно назвать Терезу Коломер, Терезу Дуран, Каталину Вальриу, Ану Диас-Плаха и др. Вопросы детской литературы начали привлекать каталонских учёных после падения режима Франко, и в 80-е и 90-е годы XX века превратились в полноправный объект научных исследований. В то же время

в университетах стали появляться программы высшего образования, связанные с изучением литературы для детей и юношества.

На сегодняшний день одна из самых заметных исследовательских групп – GRETEL (*Grup de recerca d'educació literària i literatura infantil i juvenil*) в Автономном университете Барселоны, которую на протяжении двадцати лет, с 1999 по 2019 год возглавляла Тереза Коломер (с 2019 года группа функционирует под руководством Аны Марии Маргайо). Группа ведёт работу по следующим направлениям: анализ литературных произведений для детей и подростков с точки зрения образовательных возможностей, которые они предоставляют читателю, детская и юношеская литература в цифровом формате, читательские привычки и чтение в школе, книги для детей раннего возраста и др. Кроме того, GRETEL предлагает несколько магистерских программ (в том числе в рамках *Erasmus Mundus*) [*Grup de recerca d'educació literària i literatura infantil i juvenil*].

Живой интерес к детской литературе на каталанском языке со стороны читателей, издательств, переводчиков, исследователей указывает на то, что за последние десятилетия этот феномен стал неотъемлемой частью культурной среды Каталонии и переживает свой расцвет. Несмотря на это, у широкой публики отчасти сохраняются предрассудки по отношению к литературе для детей в целом, её считают чем-то второродственным. Как отметила писательница Тина Вальес, в своей речи на церемонии награждения Премии имени Ж. М. Фолк-и-Торреса в 2020 году, многие обращают внимание на прилагательное «детская», забывая при этом о существительном «литература»¹. Писателям, критикам, издателям, библиотекарям и преподавателям предстоит продолжать свою работу, чтобы сформировать в обществе представление о детской литературе как о безусловно художественно ценном и социально значимом явлении.

Литература

1. *Cerrillo Torremocha, P.* Literatura infantil y juvenil y educación literaria. Barcelona: Ediciones Octaedro, S. L, 2010. 192 p.
2. *Colomer, T.* Introducción a la literatura infantil y juvenil actual. 2^a ed. ampl. Madrid: Síntesis, 2010. 356 p.

¹ «L'èmfasi es posa en infantil o juvenil i no en literatura, i no és una segona divisió, els nens que llegeixen seran els adults que llegiran». Видео церемонии награждения: <https://www.youtube.com/watch?v=XSJQ-QH3emk>

-
3. *Colomer, T.* La formació del lector literari a través de la literatura infantil i juvenil: tesis doctoral. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, 1995. 726 p.
 4. *Valriu, C.* Història de la literatura infantil i juvenil catalana. Barcelona, 1998. 256 p.
 5. *Associació d'Escriptors en Llengua Catalana*: [официальный сайт]. Режим доступа <https://www.escriptors.cat/> (дата обращения 24.01.2024).
 6. *Consell Català del Llibre Infantil i Juvenil*: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://www.ibbycat.cat/> (дата обращения 24.01.2024).
 7. *Gremi d'Editors de Catalunya*: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://www.gremieditors.cat/> (дата обращения 24.01.2024).
 8. *Gremi de Llibreters de Catalunya*: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://gremidellibreters.cat/> (дата обращения 24.01.2024).
 9. *Grup de recerca d'educació literària i literatura infantil i juvenil*: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://gretel.cat/> (дата обращения 24.01.2024).
 10. *Institut Ramon Llull*: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://www.llull.cat/> (дата обращения 24.01.2024).

Anastasia V. Agapova

Lomonosov Moscow State University
agapova.anastasia.17@gmail.com

Children's Literature in Catalonia: Historical Perspective and Current Status

Abstract: The article provides a brief historical overview of the development of children's literature in Catalonia, analyzes the current state of this phenomenon and its significance for Catalan society. The author examines the activities of publishing houses and various cultural institutions aimed at popularizing children's literature in the Catalan language within the region and internationally and also notes the high interest in this topic in the Catalan academic community. Based on the information provided, it is concluded that in recent decades there has been a significant strengthening of the position of Catalan literature for children and adolescents, although there remains space for the development and enhancement of the prestige of this type of literature in the eyes of the public.

Key words: children's literature in Catalan; Catalan publishing houses; Catalan literary awards.

УДК 811.134.1

А. В. Баканова
МГУ имени М. В. Ломоносова**Ф. МАСПОНС-И-ЛАБРОС: МЕЖДУ ФОЛЬКЛОРИСТИКОЙ
И ЭТНОГРАФИЕЙ**

Аннотация: В истории изучения каталанского фольклора научная деятельность Франсеска Маспонс-и-Лаброс занимает особое место, поскольку объединяет основные методы европейской фольклористики XIX в.: подходы костумбристов с их стремлением к литературной обработке текстов устной традиции, философию позитивизма и теорию заимствования фольклорных сюжетов Т. Бенфея. Маспонс-и-Лаброс собирал жанровые формы на каталанском языке: праздничный и обрядовый, детский и игровой фольклор. Вершиной его творчества стал сборник каталанских народных сказок *«Lo rondallayre»* в четырех частях (1871–1885). Также он издавал сказочный фольклор народов мира и тексты несказочной прозы (*«La llegenda de S. Jordi»*). Масштабная работа Ф. Маспонс-и-Лаброс по сохранению фольклорного наследия Каталонии подготовила начало научного этапа в европейской фольклористике.

Ключевые слова: каталанский язык; каталанский фольклор; фольклористика; сказки; легенды; детский фольклор; обрядовый фольклор.

В истории каталанской науки фамилия Маспонс-и-Лаброс (*Maspons i Labrós*) широко известна, нельзя не упомянуть неоспоримый вклад членов этой семьи – политиков, писателей, юристов – в развитие культурной жизни Каталонии XIX в. Время научной и общественной деятельности семьи Маспонс-и-Лаброс (*Francesc Maspons i Labrós, Marià Maspons i Labrós, Maria del Pilar Maspons i Labrós (Maria de Bell-lloc)*) приходится на важный период в истории каталанского фольклора – период активного сабирания фольклорных текстов и глубокого переосмысливания задач фольклористики как науки.

Говоря об основных этапах становления каталанской фольклористики, вспомним, что первым исследователем устного народного творчества, как и многих других областей знания, считается знаменитый средневековый поэт и философ Рамон Льюль (*Ramon Llull, 1232–1316*), в произведениях которого сохраняются элементы фольклорной

традиции и паремиологического фонда каталанского языка («*Llibre dels mil proverbis*»). В средние века в Каталонии можно выделить еще одну авторитетную фигуру в области народной культуры – богослова и писателя XIV в. Франсеска Эшимениса (*Francesc Eximeniç*, 1330–1409), автора «*Llibre de les Dones*», «*Llibre dels Àngels*» и других трудов на латыни и валенсийском. В своих произведениях Эшименис неоднократно обращается к заимствованию в качестве вставных элементов целого ряда фольклорных жанровых форм: пословиц и поговорок, загадок и суеверий, сказок и басен. О вкладе Эшимениса в изучение фольклора рассуждает каталанский исследователь Серра-и-Пажес (*Rossend Serra i Pagès*, 1863–1929) в работе «*El folklore d'En Eximeniç*»: «Reúne indicaciones de cuanto refiere Eximeniç sobre las adivinaciones, supersticiones y malas artes en general, de las trata largamente; y de refranes profusamente acoplados a los textos de sus obras. Ha reunido Serra y Pagés, con la competencia que tenía en tales materias, los datos comprobatorios de que fue el obispo Eximeniç un gran *folklorista* medieval» [Navascués, p. 31].

В последующие несколько столетий и вплоть до XIX в. в Каталонии и других каталаноговорящих областях выходят в свет отдельные сборники фольклорных текстов, отражающие жанровое своеобразие каталанского фольклора. Особым тематическим разнообразием отличаются работы XV–XVII вв. валенсийских авторов. Так, валенсийский врач Ж. Роч (*Jaume Roig*) выпускает в стихотворной форме насмешливое описание женских форм фольклора «*Espill*» (или «*Llibre de les dones*», 1460). В 1608 г. в Валенсии Гаспар Агилар (*Gaspar Aguilar*) издает работу «*Fiestas que la insigne ciudad de Valencia ha hecho por la beatificación del santo Fray Luis Beltrán*», посвященную, как указывается в названии, описанию традиционных праздничных форм: *luminarias, procesión, comedia, toros y cañas, fuegos artificiales, certamen poético*. Еще одна работа того же автора посвящена валенсийским свадебным традициям и называется: «*Fiestas nupciales que la ciudad de Valencia hizo al casamiento de Felipe III*». Следует также упомянуть вклад валенсийских литераторов в издание фольклорных текстов. Писатель и драматург Хуан де Тимонеда (*Juan de Timoneda*, 1518–1583) известен в том числе как собиратель песенных и сказочных жанров (*canciones, romances, cuentos*): «*Sobremesa y alivio de caminantes*», «*El buen aviso y portacuentos*», «*El Patrañuelo*». В знаменитом сборнике устных рассказов *Sobremesa* (1563) представлены 126 сказочных

текстов и приводятся размышления автора о происхождении тех или иных крылатых выражений.

В 1657 г. священнослужитель из Жироны Нарсис Камос (*Padre Narcís Camós*) публикует книгу «*Jardín de María, plantado en el Principado de Cataluña, (...)* que como plantas divinas descubrió en él milagrosamente el cielo, y adornado con muchos templos, y capillas dedicadas a su sabrosíssimo nombre», в которой собирает все упоминания образа Богоматери на территории Каталонии, в первую очередь, образы Черной Мадонны и тексты, в которых описываются чудесные явления. «*La obra del Padre Camós ofrece dos aspectos interesantes como colección folklórica. Uno es referente a las imágenes negras [...]. El otro aspecto es referente a los relatos de apariciones, hallazgos de imágenes y casos milagrosos*» [Navascués, p. 84].

Как можно увидеть, к началу XIX в. складываются определенные предпосылки для формирования научной фольклористической школы в Каталонии, собран и продолжает фиксироваться богатый материал. Исследовательская деятельность любителей каталанской народной культуры этого периода обширна, она подготовила почву для появления научного этапа, в том числе работ Ж. Амадеса и других фольклористов с мировым именем.

Отметим, что каталанская и баскская школы фольклористики, возникшие на севере и востоке полуострова и окончательно оформившиеся к XIX в., выделяются исследователями как наиболее значимые научные центры данного периода, способные возглавить фольклористическое движение на полуострове. Именно фольклористические традиции Каталонии, наиболее древние и глубокие, могли бы обеспечить ей лидерство в деле изучения устного народного творчества не только на каталанском языке. Однако в конце XIX в. благодаря активной позиции ученых юга страны пальма первенства перешла представителям севильской школы. «*Se da el caso curioso de que el Folklore español nació, por no decir malnació, en Sevilla, y es en Cataluña donde tiene, desde un poco antes, un cultivo más intenso y más profundo. Pero este fenómeno no es debido a las relaciones entabladas entre los catalanes Fiter, Vidal, Arabía, Maspons y Bertrán y los sevillanos Machado y Guichot y Sierra para lograr el establecimiento del Folklore catalán*» [Navascués, p. 160].

Как известно, в XIX в. сталкиваются два научных течения в фольклористике: костумбризм и позитивизм, борьба между которыми порождает острую дискуссию и влечет за собой изменение подходов

к периодизации истории фольклора в Испании. Вдохновленные идеями романтизма костумбристы первой половины века стремятся выявить и преумножить народные черты в национальном фольклорном наследии. В восьмидесятые годы XIX в. центром, определяющим распространение новых веяний, становится юг страны – Севилья. Благодаря инициативам нового поколения фольклористов во главе с Антонио Мачадо-и-Альваресом (*Antonio Machado y Álvarez*) и Александро Гичотом-и-Сьерра (*Alejandro Guichot y Sierra*) привычную методологию сменяет позитивистский подход с его масштабными попытками охватить фольклористическим движением все уголки страны. В 1881 г. заимствуется из английского языка термин «фольклор» и следом создается в Испании сеть обществ любителей фольклора, которая выводит на новый уровень научные дебаты о предмете и методах молодой науки. Активные контакты представителей севильской школы с зарубежными учеными способствуют установлению международного сотрудничества и постепенно встраивает пиренейскую традицию в общеевропейский контекст.

Каталанский фольклорист Франсеск Маспонс-и-Лаброс (1840–1901) за время своей профессиональной деятельности испытал влияние обеих школ пиренейской фольклористики. *Francesc de Sales Maspons i Labrós* (1840–1901) родился и умер в провинции Барселонес недалеко от Барселоны, где жил и работал большую часть жизни. Его профессиональные интересы врачаются вокруг трех основных тем: фольклора, литературы и юриспруденции. Отметим, что сочетание литературной деятельности и юридического образования (полученного под давлением семьи) нередко можно встретить у писателей и ученых этого времени, например, у поэта Сальвадора Эсприу: здравый смысл и способность увлечься (*seny i rauxa*) традиционно сочетаются в каталанском национальном характере. Получив юридическое образование, Ф. Маспонс-и-Лаброс начал работать по специальности, где достиг заметных высот: занимал почетные должности в суде, представлял каталонских правоведов на национальных ассамблеях, конгрессах нотариусов и юрисконсультов. Компетенции в области юриспруденции повлияли и на его научную деятельность, так, Маспонс-и-Лаброс публикует исследование о политических формах правления в Каталонии.

Первые его труды в области фольклора можно отнести к костумбрискому периоду, расцвет которого приходится на середину XIX в. В них отражаются ключевые подходы костумбристов, а именно:

восприятие элементов народной культуры как единого целого, тяготение к описательности, внимание к дидактической и эстетической стороне творчества, вера в силу народного духа и глубокую добродетельность народной души, получившая новый виток развития после эпохи Романтизма: «Lo gran amor que porto á las cosas de ma terra, m'ha mogut á publicar aqueix llibre de rondallas, que si be bonicas en lo fondo, no sé si totas ho serán prou ab la forma ab que son posadas» [Maspons i Labrós, p. 9].

Своими корнями костумбризм уходит в предыдущие столетия, в Золотой век испанской литературы, но именно в XIX в. описываемые в сатирическом ключе в «сценах нравов» картины из жизни жителей различных областей Испании привлекают наибольшее внимание. Исследователи-костумбристы не предъявляют строгих требований к точности фиксации фольклорных текстов, их методология имеет иные цели: с помощью литературной обработки добиться еще большей фольклорности материала.

Появление самого термина «костумбизм» связывают с именем Рамона де Месонеро Романос (*Ramón de Mesonero Romanos*) – автора столичного бытописания *«Panorama matritense: cuadros de costumbres de la capital observados y descritos por un curioso parlante»* (1832–1835). Именно Месонеро Романос, известный под псевдонимом *«El Curioso Parlante»*, впервые употребил его для обозначения нового течения в литературе и журналистике Мадрида первой половины XIX в., когда в среде интеллектуалов начинает остро ощущаться противопоставление традиционных культурных ценностей и нового уклада жизни – космополитизма больших городов.

Яркой фигурой испанской фольклористики периода костумбизма принято считать писательницу Сесилию Бёль де Фабер из Андалусии, работавшую под псевдонимом Фернан Кабальеро (*Fernán Caballero*) и подготовившую несколько авторитетных сборников фольклорных текстов: сказок, пословиц, загадок и проч. («*Cuentos y poesías populares andaluzas*», «*Cuentos, oraciones, adivinas y refranes populares e infantiles*»). В Стране Басков издает свои труды Антонио де Труэба-и-Ла Кинтана (*Antonio de Trueba y La Quintana*), один из первых собирателей баскского фольклора, благодаря научной и общественной деятельности которого складывается школа фольклористики на севере Испании.

В Каталонии ведет активную культурную работу выдающийся писатель и поэт Жасинт Вердагер (*Jacint Verdaguer*), автор сборника

«Folklore y Rondalles». Фольклористическая деятельность *моссена* Вердагера тесно связана со знаменитым монастырем Монтсеррат, которому посвящены его поэтические произведения 1870–80-х гг., вошедшие в стихотворный сборник «*Cançons de Montserrat*». Позднее увидит свет работа «*Llegenda de Montserrat*», которая посвящена знаменитой легенде IX века о Фра Гари и дочери графа *Guifré el Pelós* Ри-кильде, относящейся к мифологическому кругу сюжетов о ‘красавице и чудовище’. В 1898 г. Вердагер издает свои произведения цикла Монтсеррат в одном сборнике под названием «*Montserrat. Llegendari, cançons, odes*». Не только скалы Монтсеррат вдохновляют поэта, Вердагер много путешествует по Пиренеям и парку Монсень, любуясь горными пейзажами и восхищаясь фольклорным богатством тех мест («*Aires del Montseny*»). В основе эпической поэмы «*Canigó*», изданной в 1885–86 гг., также лежит цикл средневековых каталанских легенд. Исследователь творчества Вердагера Р. Торрентс (*Ricard Torrents i Bertrana*) обращает внимание на то, что произведения Вердагера строятся на фольклорных образах, глубоко укоренившихся в народном сознании, на отголосках пиренейской мифологической системы и отсылках к легендарному прошлому Каталонии. Другой известный каталанский поэт Жозеп Мария Сагарра (*Josep Maria de Sagarra i de Castellarnau*) в книге «*Verdaguer: poeta de Catalunya*» отмечает, что Вердагер – самый музыкальный и одновременно самый народный поэт Каталонии: «la paraula de Verdaguer arribà a ésser la viva i musical afirmació d'un poble adormit que es desvetlla de mica en mica [...]. Verdaguer fou el poeta més musicable i més musicat de la nostra terra» [Sagorra, p. 152].

Высоко оценивая работы современников в области фольклора, молодой исследователь Франсеск Маспонс-и-Лаброс увлекается изучением каталанских фольклорных текстов и начинает сотрудничество с ведущими специалистами и издателями. Характерное для костумбристов стремление выявить глубинные фольклорные основы народных текстов путем их литературной обработки можно встретить и в его ранних работах. В прологе к сборнику каталанских сказок «*Lo rondallayre*» Маспонс-и-Лаброс пишет, ссылаясь на авторитетный опыт братьев Гримм: «Perque jo be sé que la sencillesa es lo que millor las hi escau, com á fillas del poble, en lo qual mestres ne son los germans Grimm de l'Alemany, mes lo desitg de fer lluhir un poch la nostra llengua, ha fet qu'en algunas hi posás la forma literaria» [Maspons i Labrós, p. 9].

К середине века в пиренейской науке складываются предпосылки для развития иного подхода к сбору и анализу фольклорного материала. Ю. М. Соколов отмечает в работе «Русский фольклор» (1939): «В 50-х годах происходит крупный перелом в западноевропейской фольклористике. На ней сказывается общий переход от крайне идеалистических, романтических позиций к более реалистическому, позитивистическому мышлению, которым характеризуется философия и самые разнообразные науки в середине прошлого столетия» [Соколов, с. 69]. В 80-е гг. XIX в. в Испании разворачивается бурная дискуссия между представителями старой и новой школы, в рамках которой активно обсуждаются как прошлые достижения науки о фольклоре, так и новые пути развития. Ключевые фигуры испанского костумбризма получают незаслуженную критику из уст позитивистов. Так, о писательнице Фернан Кабальеро, Александро Гичот пишет, что она была всего лишь любителем-собирателем, а не ученым-фольклористом: «estimamos que Fernán Caballero no puede ser considerada como folklorista, pues no tuvo concepto ni idea de ello; fue recolectora diligente, amante y hasta fiel, pero no la primera» [Navascués, p. 25–26].

В годы распространения идей позитивизма по всей Испании появляются общества любителей фольклора, не отстает от моды на фольклор и Каталония, где в это время создается каталанская ассоциация экскурсионизма «Asociación Catalana de Excursiones» (AEC) с отделом *Folklore Catalán*, в работе которого принимают участие, Р. Арабиа-и-Соланас (*Ramón Arabia y Solanas*), член-корреспондент Испанской Королевской Академии К. Видаль де Валенсиано (*Cayetano Vidal de Valenciano*), Пау Берtran-и-Брос (*Pau Bertran i Bros*) и др. В их числе Маспонс-и-Лаброс, который сначала в любительском, а затем и в профессиональном ключе сотрудничает с АЕС. Кроме того, Маспонс-и-Лаброс активно печатается в издаваемых Ассоциацией журналах: *Lo Gay Saber*, *La Bandera Catalana*, *Revista Histórica*, *Lo Calendari Catalá*, *Butlletí de l'Associació d'Excursions Catalana*, *Biblioteca Folk-lore* и других. Содержание большинства периодических изданий имеет отношение не только к фольклору, но и к искусству, культуре и литературе Каталонии, например, 12-томный вестник «*Butlletí de l'Associació d'Excursions Catalana*» (1878–1891), литературный журнал *Lo Gay Saber* (1868–1883). Вклад Ф. Маспонс-и-Лаброс в деятельности Ассоциации экскурсионизма постепенно приобретает юридический статус: он становится ее президентом, а также участвует в качестве эксперта в развитии туристического сектора Каталонии.

Философия нового поколения фольклористов не могла не повлиять на научную деятельность Ф. Маспонс-и-Лаброс. Стремление соответствовать общеевропейским веяниям, возросший интерес к *теории заимствования* фольклорных сюжетов Теодора Бенфея – все это получает отражение в его работах. «Бенфей указал на поразительное свойство санскритских (индусских) сказок с европейскими и со сказками других, неевропейских, народов. Сходство сюжетов, по мнению Бенфея, вызвано не родством народов, а культурно-историческими связями между ними, заимствованием» [Соколов, с. 70]. Вслед за ориенталистами Маспонс-и-Лаброс активно издает фольклорные тексты народов мира, географическое разнообразие которых впечатляет: «Cuentos populares vieneses», «Endevinallas populares francesas», «Llegendas rusas», «Cuentos populares del Zulús», «Literatura popular italiana», «Un cant popular hebreu», «Literatura popular bolonesa». Каталанский исследователь как будто ощущает ту посредническую задачу в распространении фольклорного знания, которую Испания неоднократно выполняла в истории мировой фольклористики: «Испании было уготовано судьбой, историей, самим географическим положением стать мостом между двумя цивилизациями – западной и восточной, европейской, арабской, афроазиатской» [Оболенская, с. 8].

Маспонс-и-Лаброс интересуется в первую очередь фольклорными сказками, которые называет *дочерьми народа*, он призывает не подстраиваться под вкусы публики, сохранять фольклорные тексты в их естественном виде, избегать вмешательств в сюжетную или художественную форму, которые могли бы их отдалить от устной традиции. Тексты собранных им сказок он противопоставляет по этому критерию текстам Шарля Перро и других авторов: «No per aixó perden res de la sua naturalitat porque hi so posat esment; *fillas del poble, dehu en esser com ell, naturals y sencillas*, propias pe'l mateix, que las entengui y conegui y no com *las de Perrault*, que arregladas al gust de l'época en que varen colecccionarse son gaire be, com casi totas las coleccions francesas, novas rondallas y en las que, com diu Beauvois en sa colecció de cuentos noruegos, finlandeses y borgonyons, transformant las Princesas, creadas y coneigudas pe'l poble, en veritables Princesas, modificant los caracters y llenguatje al gust de l'época y societat en que vivia, cambiant arbitrariament l'element mistich y maravellós de las seues rondallas, *tot ho tenen menos lo esser populars*» [Maspons i Labrós, p. 9].

Не только сказочный фольклор интересен исследователю. Маспонс-и-Лаброс не оставляет без внимания праздничные формы

Каталонии, календарный фольклор, тексты несказочной прозы: «Lo Calendari Català», «Creencias populars catalanas», «Las bruixas», «Lo poll y la pussa», «La tonada maravillosa», «El dia de difuntos», «La fiesta de S. Juan», «Lo ball de gitana en lo Vallés», «La llegenda de S. Jordi». Детский и игровой фольклор также становятся предметом исследования, в 1874 г. выходят «Libro de la infancia» и «Jochs de la Infancia. Collecció de jochs populars catalans». Интересует Маспонса и обрядовый фольклор («Las bodas catalanas. Costums populars catalanas»), главным образом, он собирает традиции и обряды в регионе Бальес: «Tradicions del Vallés», «Lo Vallés».

Но все же вершиной собирательской деятельности Ф. Маспонс-и-Лаброс становится сборник каталанских народных сказок «Lo rondallayre», первая часть которого выходит в 1871 г., вторая – в 1872 г., третья – в 1875 г. Всего в трех книгах увидели свет 80 фольклорных текстов. Десятью годами позже, в 1885 г., Маспонс-и-Лаброс издает еще 20 сказок. Все четыре выпуска вошли в библиотеку фольклора Ассоциации эскурсионизма Каталонии. Издания сказок Маспонса имели счастливую судьбу, они были любимы читателями и известны исследователям. Так, сохранилось свидетельство, что сюжет сказки «Три розы» лег в основу либретто одной из поставленных в Австрии опер.

Помимо перечисленных достижений Франсеска Маспонс-и-Лаброс на ниве каталанской фольклористики следует упомянуть его международную деятельность: он неоднократно представляет каталанскую фольклористику за рубежом, является почетным членом Международного общества фольклористов в Лондоне и Общества по сохранению народных традиций в Париже.

Кроме того, Маспонс умело сочетает в своих работах интерес к фольклору и юриспруденцию, например, рассуждая о традициях испанской охоты, он опирается на регламентирующие этот вид деятельности законы: «La caza. Derechos y deberes del propietario y del cazador».

Как можно увидеть, жанровое и сюжетное разнообразие собранных им текстов настолько велико, что уступает разве что собранию сочинений такого известного фольклориста первой половины XX века, как Жоан Амадес. А общественная и международная деятельность Ф. Маспонс-и-Лаброс способствует становлению нового этапа каталанской фольклористической традиции.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что столь бурное развитие науки о фольклоре в Каталонии XIX в. было обусловлено несколькими факторами. В первую очередь, свое плодотворное влияние

оказал сам культурный контекст этого периода, а именно – Каталанское Возрождение второй половины века, главной целью которого на территории Каталонии и Валенсии становится поддержать каталанский язык как язык литературы и общения, ощутить гордость за культурное наследие каталаноговорящих регионов и способствовать росту патриотических настроений.

Культурный расцвет в этот период переживают и другие регионы страны (вспомним *Rexurdimento gallego*), но для Каталонии этот расцвет оказывается связан не только с литературным процессом (такими выдающимися поэтами, как *J. Maragall* и *J. Verdaguer*), но и с небывалым подъемом фольклористического движения, единого в своем стремлении возродить золотой век каталанской культуры. Этот подъем не случился на пустом месте, а был подготовлен поколениями любителей и собирателей каталанского фольклора, которые сделали возможным временное лидерство Каталонии в фольклористическом движении на полуострове: «*Nadie se hubiera conseguido si en Cataluña no se hubiera iniciado el entonces magnífico renacimiento de su cultura que llevó a determinados individuos al estudio de las manifestaciones de la actividad popular catalana*» [Navascués, p. 160–161].

В свете перечисленных достижений научная и общественная работа представителей семьи Маспонс-и-Лаброс видится как деятельность, отражающая основные веяния времени: открыто декларируемая любовь к своему языку и своей стране, ее фольклорному наследию; движение в сторону принятия новых юридических опор деятельности общественных организаций; стремление к установлению контактов с международными центрами изучения фольклора. Ученые фольклористы XIX века возглавляют процессы реформирования каталанской фольклористической науки, стоят у истоков создания главных культурных организаций Каталонии и своей работой вдохновляют новое поколение исследователей каталанского фольклора.

Литература

1. Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. М., 1960. 694 с.
2. Оболенская Ю. Л. Легенды и предания Испании. М., 2004. 127 с.
3. Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 2007. 542 с.
4. *Maspons i Labrós F.* Lo rondallayre. https://ca.wikisource.org/wiki/Lo_rondallayre_-_Pr%C3%B3lech (дата обращения 09.03.2023)
5. *Navascués J. M.* Historia del Folklore // Folklore y costumbres de España. Т. 1, Madrid, 1988. Р. 3–164.
6. *Sagarrà J. M.* Verdaguer: poeta de Catalunya. Barcelona, 1968. Р. 152.

Anna V. Bakanova

Lomonosov Moscow State University

asia_sim@mail.ru

F. Maspons y Labros: between Folklore and Ethnography

Abstract: *In the history of Catalan folklore, the scientific activity of Francesc Maspons i Labrós occupies a special place, since it combines the main approaches of European folkloristics of the XIX century: The Costumbrism movement, the philosophy of Positivism, and the theory of borrowing folklore plots. Maspons i Labrós collects various genre forms: ritual folklore, children's folklore, and games. The pinnacle of his work is the collection of Catalan folktales "Lo Rondallayre" in four parts (1871–1885). The work of F. Maspons i Labrós for the preservation of the folklore heritage of Catalonia has prepared the beginning of a scientific stage in European folklore studies.*

Key words: *Catalan language; Catalan folklore; folklore studies; folktales; legends; children's folklore; ritual folklore.*

УДК 930.85-091'811.34.2/811.8

Е. А. Гринина, Г. С. Романова

МГИМО МИД России

АНДСКОЕ МИРОВИДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРУ

Аннотация: В настоящее время многие страны Латинской Америки переживают период поиска самобытности, обращаясь при этом к утраченным традициям, фольклору и языковым корням древнего мира. Перу, страна с богатейшим цивилизационным прошлым, занимает одно из первых мест в этом процессе. В частности, она стремится восстановить функции автохтонных языков (например, кечуа), придав им статус официальных, и находится в процессе перехода от диглоссии к подлинному двуязычию. Создавая огромный экономический потенциал традиционного уклада и образа жизни – наследия великой империи инков, администрация создает социальные лифты для коренного населения, содействуя их участию во всех областях общественной жизни. Цель статьи – показать своеобразие жизни сегодняшних перуанцев, в которой элементы андского мировидения играют важнейшую роль.

Ключевые слова: андское мировидение; Перу; язык кечуа; межкультурная коммуникация; диглоссия; билингвизм.

В настоящее время многие страны Латинской Америки переживают период поиска самобытности, обращаясь при этом к утраченным традициям, фольклору и языковым корням автохтонного населения. Перу, страна с богатейшим цивилизационным прошлым, занимает одно из первых мест в этом процессе. В частности, она стремится не только восстановить функции языков коренных жителей (например, кечуа), придав им статус официальных, но и возродить богатейший экономический и культурный потенциал, опиравшийся на андское мировидение.

Что же представляет собой андское мировидение и насколько сильно оно отличается от европейского, к которому мы так привыкли?

Ответ на этот вопрос мы находим в перуанской хронике конца XVI века. Это ныне знаменитая «Первая новая Хроника и Доброе Правление»¹, написанная индейцем кечуа и католическим монахом по имени

¹ Рукопись была случайно найдена в 1908 г. в Королевской библиотеке Копенгагена немецким ученым Рихардом Питшманном. Первое, факсимильное, издание вышло в 1936 г. [Рома 1936]. А самым полным изданием текста Хроники считается издание

Фелипе Гуаман Пома де Айяла для испанского короля Филиппа Второго с целью открыть глаза далекому монарху на истинное положение дел на новых территориях. Автору, как переводчику, объехавшему всю страну с испанской миссией по искоренению идолопоклонства, ситуация была досконально известна. Немаловажно, что эта Хроника была создана в тот период, когда многие страны переживали переломный этап своей истории, связанный с выбором дальнейшего пути развития. Этот документ стал подлинным ключом к открытию состояния населения этих территорий, сложившегося к моменту Конкисты, а также в начальный период слома инкской системы. Многое из того, что сказал Гуаман Пома в своей Хронике, оказалось для Перу пророческим и на много лет вперед определило вектор формирования перуанской нации. Представленный им идеал «доброго правления» лег в основу того, как перуанцы хотят видеть окружающий мир и себя в нем.

Одним из главных отличий мировосприятия является представление о **времени и пространстве**. В привычной нам европейской системе координат время линейно: оно летит как стрела, события разворачиваются от прошлого через настоящее к будущему. Мезоамериканская пятеричная модель, подробно описанная в Хронике Доброго Правления, подразделяет весь известный автору исторический процесс на пять эпох, и при этом относит к пятой, современной ему эпохе, все, что представляется самым важным, и потому актуальным. Так в Хронике Фелипе Гуамана Помы де Айяла в одном временном ряду оказываются появление на землях империи инков *Тауантинсуйу* (*Tahuantinsuyo*) Франсиско Писарро¹, рождение Христа, правление последнего Инки², строительство Эскориала³ и все другое, важное

1980 г. [Рома 1980]. В нашей стране изучением Хроники занимался известный исследователь культуры Латинской Америки В. А. Кузьмишев, который перевел и подготовил к изданию первую часть рукописи [Пома 2011]. Более подробно см. [Ракуц, 2011, с. 269–284; Гринина, Романова, 2023, с. 152–160].

¹ Франсиско Писарро (Francisco Pizarro y González, 1473? или 1478?–1541) – испанский конкистадор родом из обедневшей дворянской семьи. Стал знаменитым благодаря тому, что завоевал империю инков (1533) и основал город Лиму, ставший в дальнейшем столицей Перу (1535).

² Гуаман Пома де Айяла называет последним Великим Инкой Уаскара, который правил с 1527 по 1532 годы и был убит, потерпев поражение в гражданской войне, которую он вел со своим сводным братом по имени Атауальпа (годы жизни: 1502–1533). Правление последнего оказалось совсем недолгим: он был убит испанскими конкистадорами после того, как передал им выкуп (заполненную золотом комнату) в обмен на свою жизнь.

³ Эскориал – архитектурный комплекс, служивший монастырем, дворцом и королевской резиденцией, построенный по приказу испанского короля Филиппа II

для него как индейца и христианина. Как это может быть? На самом деле индейский автор излагает гораздо более сложную модель, стремясь совместить две известных ему мировые истории: христианские пять эпох (*edades*) и пять эпох перуанских. Христианская первая эпоха начинается от Адама, а пятая от рождения Христа и продолжается современными хронисту событиями, включая Конкисту. Пять перуанских эпох, начинаются с эпохи богоподобных людей (*Wiracocha runa*), а заканчиваются смертью последнего Великого Инки Уаскара. При этом в андском мировидении это происходит как бы одновременно и параллельно: Гуаман Пома пишет, что родной ему индейский народ второй эпохи (*uarsi runa*), возможно, также произошел от ветви Адама, а после смерти Инки Уаскара история закольцовывается, так как роль Сына Солнца переходит к королю Испании Филиппу Второму, которого хронист называет Инка Король (*Inca Rey*). Такое циклическое восприятие времени контрастирует с привычным нам, о чём свидетельствует резкая критика со стороны авторов некоторых современных перуанских исследований, которые, следуя линейной концепции времени, насчитывают в Хронике девять эпох, располагая их в строго хронологическом порядке. Линейное время нашло отражение в темпоральных системах европейских языков. А в языке кечуа категории времени позволяют отражать имманентное восприятие происходящего, и при этом в нем отсутствуют некоторые привычные нам глагольные времена. Конечно, современные грамматики этого агглютинирующего языка описывают способы выражения и простого прошедшего, и давно прошедшего, и протяженного прошлого и т. д., но все же в речи коренного населения (называемой *руна сими*) наиболее релевантным является противопоставление «вижу / не вижу» («вижу» – значит, было; «не вижу» – значит, не было). И автор Хроники доброго правления, родным языком которого был кечуа, много-кратно сетует на то, что по-испански невозможно отобразить события так, как он их представляет на языке своей памяти-кечуа.

Время тесно связано с пространством, которое также пятерично. Огромная империя инков *Тауантинсуйу* до сих пор существует в бытовом сознании большинства жителей, в их верованиях, сказках, способах организации жизни. Их мир по-прежнему состоит из четырех

архитектором Хуаном Баутиста де Толедо, учившимся у знаменитого Микеланджело. Строительство заняло 21 год (с 1563 по 1584). Эскориал включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

наземных частей, расположенных в горизонтальной плоскости (*суйю*), и пятой, расположенной по вертикали, которая проходит через столицу город Куско¹ и соединяет верхний мир *hurín pacha* и подземный *hanan pacha*. Наверху царит верховное божество *Инти* (Солнце), которое через своего сына – верховного Инку, проживающего в Куско, управляет жизнью империи как наземной, так и подземной. Последняя очень важна для занятия земледелием, что и отражено в традиционных празднованиях, подробно описанных и изображенных на *tokapu* – графических картинках в Хронике. Имманентность восприятия пространства и времени в том, что перуанец не делит мир на живых и мертвых, то есть между жизнью и смертью нет непреодолимой границы. Так картофель, посаженный в землю, не умирает, а живет в нижнем мире, дает новые всходы и новый урожай. Такой хронотоп подразумевает постоянное сосуществование противоположностей, их взаимодополнение. Но холистическая модель андского мировидения нечетна, и пятый компонент отличается от предыдущих как в пространстве, так и во времени, потому что он аксиологичен, и на кечуа он звучит как *chawpi*, и может быть приблизительно переведен как 'медиатор'. Недаром, в топологии он вертикален, а в хронологии включает события, которые воспринимаются как актуальные.

Упомянутое выше кечуанское слово *pacha* перуанский хронист Гуаман Пома переводит как *mundo 'мир'*, но для него, как и для современных носителей кечуа, это гораздо более широкое понятие, включающее не только топологическое пространство и хронологическое время, но и аксиологический «медиатор». Для индейца кечуа все человеческие действия подчинены цикличным космическим ритмам, которыми управляет некая животворящая вертикаль, важнейшей из функций которой является валоративная.

Хроника подробнейшим образом описывает все элементы окружения, в котором жил Фелипе Гуаман и его предки, соседние племена. Географические сведения, отражающие как систему андского мировидения, так и европейские сведения, полученные этим индейским автором в католических учреждениях, вплетены в родную и неоспоримую для него схему. Даже само название *Las Indias*, утвержденное за этими землями со времен Колумба, он объясняет, используя народную

¹ Город Куско считается исторической столицей Перу, поскольку являлся таковой в течение трех веков (с XIII до начала XVI века). Расположенный на высоте 3400 метров и сохранивший уникальные памятники архитектуры времен империи инков, он является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО.

этимологию, исходя из автохтонного хронотопа и материнского языка: *up dia* он переводит как 'дневные земли'. Это слово происходит, по его мнению, от важнейшего кечуанского термина *yndiaya scina*, обозначающего точку захода солнца (*Инти*) и восхода луны, и от термина *yndi illus scina*, обозначающего противоположную точку, где солнце восходит в день декабрьского солнцестояния.

По словам современного перуанского исследователя З. Депаса Толедо [Depaz, 2015], в своей Хронике Фелипе Гуаман Пома де Аяяла пишет не только об исчезнувшей империи инков, но и о нынешних перуанцах, живущих в XXI веке. Несмотря на разрушение цивилизационного порядка, созданного их предками, они сохраняют древнее мировосприятие, оно вплетено в новую реальность и существует с ней. Элементы картины мира, описанные Пома де Аяяла, и в наши дни сохраняются в сознании его современных соотечественников.

Основой их мировидения является, безусловно, национальный язык, и для многих это кечуа. К концу XX века осознание этого привело к интенсивной работе по его нормализации и кодификации, что было совсем не просто из-за наличия более двадцати диалектов.

Согласно Конституции Республики Перу, принятой в 1993 году, в стране, помимо общенационального испанского, существуют официальные языки [Constitución Perú, 1993]: кечуа (родной для 13,2% жителей) и аймара (родной для 1,8% жителей)¹. Реальное языковое состояние может быть определено как диглоссия, однако очень важно отметить тенденцию к ее переходу в билингвизм. Фактически перуанская нация столетиями жила как разделенная по языковому и имущественному принципу: креольское население с родным испанским языком изучало его, к тому же, в школе, и с рождения существовало в бытовой и официальной испаноязычной среде. Поэтому перуанский вариант испанского было принято характеризовать как наиболее «правильный» по отношению к кастильской академической норме. Однако, в последние десятилетия положение существенно изменилось. После принятия в 2011 году Закона об автохтонных языках [Ley N.º 29735], который гарантирует языковые права коренных этносов и защиту их родного языка, краеугольным камнем языковой политики, проводимой в Перу, становится реформа образования. Её суть состоит в том, что языки коренного населения вводятся в систему школьного и университетского образования на всех уровнях

¹ Согласно переписи 2007 года [Demografía del Perú].

[Гринина, Романова, 2023, т. 3, с. 500–502]. Более того, знание этих языков оказывается престижным, потому что дает возможность быстрого карьерного роста, то есть превращается для граждан автохтонного происхождения в своего рода социальный лифт, содействуя их участию во всех областях общественной жизни.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что по сути перуанский автор Хроники XVI века Фелипе Гуаман Пома де Айяля предсказал стране дорогу создания единой нации, по которой она пытается следовать сегодня, и активный процесс восстановления своей культурно-языковой идентичности показывает, что андское мировидение не только не препятствует, а напротив, является базой для дальнейшего формирования национальной идентичности Перу.

Литература

1. Гринина Е. А., Романова Г. С. Андская цивилизация в Хронике Помы де Айяля // Философия и культура. – 2023. № 9. С. 152–160. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.9.43781 URL: https://e-notabene.ru/pfk/article_43781.html
2. Гринина Е. А., Романова Г. С. Реформа образования в андских странах: расширение функций автохтонных языков» / Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.): тр. и матер.: в 3 т. / под общ. ред. И. Э. Ярмакеева, Ф. Х. Тарасовой. Казань: Издательство Казанского университета, 2023. Т. 3. С. 500–502.
3. Гуаман Пома де Айяля, Фелипе. Первая новая Хроника и добroe правление. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 290 с.
4. Ракуц Н. В. Хроника Гуамана Помы в начале XXI века: открытия и метаморфозы // Гуаман Пома де Айяля, Фелипе. Первая новая Хроника и добroe правление. М.: Памятники исторической мысли, 2011. С. 269–284.
5. Constitución política del Perú, 1993. <https://www.gob.pe/institucion/presidencia/informes-publicaciones/196158-constitucion-politica-del-peru> (дата обращения 20.01.2024).
6. Demografía del Perú. https://es.wikipedia.org/wiki/Demografía_del_Perú (дата обращения 20.01.2024).
7. Depaz Toledo, Z. La cosmo-visión andina en el Manuscrito de Huarochirí. Lima, Perú: Ediciones Perpetuo Vicio Perfecto Vicio, 2015. 345 p.
8. Guamán Poma de Ayala, Felipe. El primer Nueva corónica y buen gobierno [1615] / Ed. por John V. Murra y Rolena Adorno, traducciones del quechua por Jorge L. Urioste. México, D. F.: Siglo Veintiuno, 1980. 3 томос.
9. Ley que regula el uso, preservación, desarrollo, recuperación, fomento y difusión de las lenguas originarias del Perú N.º 29735, 2011,

<https://www.gob.pe/institucion/minedu/normas-legales/118448-29735> (дата обращения 20.01.2024).

10. Nueva corónica y buen gobierno: codex péruvien illustré. Felipe Guamán Poma de Ayala. Paris: Ed. Institut d'Ethnologie, 1936. 1262 p.

Elena A. Grinina, Galina S. Romanova

Moscow State University of International Relations

(MGIMO University)

eagrinina@yandex.ru

gromanova.home@gmail.com

Andean Worldview in Modern Peru

Abstract: Currently, many Latin American countries are going through a period of searching for identity, while turning to the lost traditions, folklore and linguistic roots of the Andean world. Peru, a country with a rich civilizational past, occupies one of the first places in this process. In particular, it seeks to restore the functions of autochthonous languages (for example, Quechua), giving them the status of co-official, and is in the process of transitioning from diglossia to genuine bilingualism. Aware of the enormous economic potential of the traditional way of life and lifestyle – the legacy of the great Inca Empire, the administration creates social elevators for the indigenous population, facilitating their participation in all areas of public life. The purpose of the paper is to show the uniqueness of the life of today's Peruvians, in which elements of the Andean worldview play a crucial role.

Key words: Andean worldview; Peru; Quechua language; intercultural communication; diglossia; bilingualism.

УДК 339.1-051

Е. Э. Гущина

АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

УГОДЕН ЛИ ГОСПОДУ ТОРГОВЕЦ? ЭКОНОМИКА ГЛАЗАМИ КАТАЛОНСКИХ БОГОСЛОВОВ

Аннотация: В статье анализируются взгляды каталонских богословов В. Ферре и Ф. Эщимениса на торговцев и их роль в жизни общества. Экономическая жизнь XIV века ставила вопрос о возможности соединения спасения души и кошелька. Экономическая реальность, базирующаяся на рациональности, вынуждает Церковь принять торговца, встроить в жизнь города и обозначить пути спасения его души. С этой точки зрения правильное экономическое поведение особенно важно. Оба каталонских теолога рисуют общество, в котором каждый индивид (включая торговца) живет для достижения общего блага, приносит общественную пользу и таким образом реализует в повседневной деятельности принципы христианской морали. Ферре и Эщименис стремятся дать пример правильного морального экономического поведения.

Ключевые слова: экономическая этика; Франциск Ассизский; «нищенствующие ордена»; городская экономика; торговец; город; Арагонская Корона; Средние века.

На протяжении всех Средних веков христианские богословы пытались примирить «жизнь и кошелек», как определил это Жак Ле Гоф. Христианская Церковь не отрицает частную собственность, признавая в ней экономическую основу общества. Однако она порицает «чувство собственности» [Булгаков, с. 99]. Церковь начала накапливать собственность очень рано, буквально с самых своих истоков. С ростом богатства Церкви приходилось решать проблему совместимости материального с христианской доктриной, ведь «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем войти богатому в Царство Божие» (Лк. 18–25) [Голубев]. К тому же невозможно было отрицать экономические потребности общества и живущих в нем людей. Такое примирение возможно только при соблюдении ряда условий [Лупандин]. Прежде всего – людьми и обществом должны соблюдаться определенные правила ведение экономической жизни. И, затем, часть накопленных милями благ должна передаваться Церкви, чтобы она имела

возможность выполнять свои социальные функции (финансирувать различные общественно значимые услуги, такие как церкви, монастыри, школы, больницы и т. п.). Для этого постепенно формулировался особый свод законов, касающихся экономических и финансовых вопросов. Как отмечает французский экономист Тома Пикетти в монографии «Капитал и идеология», «проблема, к которой церковь применяла все более pragматичный подход, заключалась скорее в регулировании приемлемых форм инвестиций и собственности и установлении адекватного социального и политического контроля для обеспечения того, чтобы капитал служил социальным и политическим целям, изложенным в христианской доктрине» [Piketty, с. 123].

Исходя из этого, в Средние века богословы регулярно обсуждают проблему «привязанности» человека к материальному. Основой материальной жизни является торговля, которая, в свою очередь, неразрывно связана с деньгами и кредитом. Но, с точки зрения вероучительной доктрины Церкви, где есть торговля, там есть обман, а где есть кредит, там есть погибель души. Как сказал еще в V веке папа Лев I Великий, «*Fenus pecuniae, funus est animae*¹» [Leo Magnus, Tr. XVII, pars 3]. Вся торгово-кредитная деятельность извращает само понятие труда, ибо торговец «жнет, где не сеял, и собирает, где не рассыпал» (Мф. 25:24 – 27). Быстрый рост денежного обращения в конце XII века заставил Церковь задуматься о торговле и ее месте в жизни человека еще больше. Моральное богословие озабочено воплощением идеала христианской жизни в повседневную жизнь мирян. Как совместить спасение души и материальные потребности? Наибольшую известность приобрела дискуссия о собственности, начатая «нищенствующими орденами» (в первую очередь – францисканцами) в XIII веке².

Стремясь вернуть Церковь к ее истокам, они напоминают, что в основе христианской жизни должно лежать нестяжание и отречение от мирских благ: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из

¹ «Ростовщическая прибыль – погибель души» (лат.). Leo Magnus Tractatus XVII, pars 3 <https://frcouler.com/leo/latin/tractatus17.html> (дата обращения: 20.01.2024).

² Естественно, при этом не обсуждалось то, что рост числа последователей христианства и их неизбежная интегрированность в социум продемонстрировало незэффективность модели «братьской коммуны». Уже в шестой главе Деяний апостолов описаны проблемы, которые возникали при организации равного распределения в общине (Деян. 6:1 – 6).

него» (1 Тим. 6, 7). Собственность, которой человек владеет на земле, дана ему Богом и принадлежит Ему, поэтому мы можем взять себе только то, что необходимо для удовлетворения насущных потребностей. Примером такой жизни была жизнь христианской общины, сложившейся вокруг апостолов: «Все же верующие были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деян. 2:44 – 45). «И никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4:32).

Отказ от любого имущества был одним из основных богословских маркеров «нищенствующих орденов». Основываясь на строчке «Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение» и далее (Лк. 6:24 – 26), они ставят во главу угла добродетель бедности (paupertas). Святой Франциск учит накоплению богатств не земных, а небесных. Автор канонического жизнеописания Франциска Фома Челанский создает оппозицию «алчный купец» (*avaritia mercator*) – «счастливый купец» (*felix mercator*). В роли счастливого купца выступает Франциск, который тоже жаждет приобрести, накопить богатства, но не земные, а небесные (*divitia caelesta*).

Его биограф Фома Челанский рассказывает такую историю: «Друг Божий... больше всего презирал деньги. Они ему были особенно противны. Случилось однажды, что некий мирянин зашел помолиться в церковь и в качестве жертвы положил деньги возле креста. Эти деньги... один из братьев, просто своей рукой взяв их, бросил в окно. Обличил его святой [Франциск] и суворейшим образом ругал его за то, что он прикоснулся к деньгам. Приказал ему собственным ртом достать из-за окна деньги и своим же ртом отнести и положить поверх ослиного помета»¹.

Во главу угла Святой Франциск и его ученики ставят добродетель бедности (paupertas). Папская булла «Mira Circa Nos» (1228 г.), которой была инициирована канонизация Франциска, фиксирует, что «Подражая Тому (Рим. 8:29), Кто, будучи богат, ради нас обнищал (II Кор. 8:9), он снял с себя тяжкий груз материальных ценностей, чтобы легко пройти через узкие врата (Мф. 7:13). Он раздал свое богатство бедным, чтобы Его справедливость пребывала вовек

¹ De Celano T. Secunda Vita (2 Cel) De exemplis contra pecuniam. Caput XXXV. http://centrofranciscano.capuchinhossp.org.br/fontes-leitura?id=1982&parent_id=1915. (дата обращения: 20.01.2024) Пер. Лупандин И.: <https://proza.ru/2019/01/16/530> (дата обращения: 20.01.2024).

(Пс. 111:9)»¹. Из Евангелия святой берет мысль о том, что проповеднику слова Божия не должно владеть «ни золотом, ни серебром, ни прочими деньгами»². Однако достаточно быстро стало понятно, что идеал бедности входит в противоречие с экономической реальностью.

Радикальный подход, пропагандируемый святым Франциском, Церковь развитого экономического общества уже принять не могла. Папа Иоанн XXII в булле «*Cum inter nonnullos*» (1323) зафиксировал, что Христос и апостолы обладали собственностью и полноправно ею распоряжались. Отрицать это – «ошибочно и еретично». Симптоматично, что в новом жизнеописании святого Франциска «*Большая Легенда*» указывается, что: «Он не надеялся ни на деньги, ни на сокровища среди жадных торговцев, хотя и стремился получить прибыль. Счастлив богач, который оказался безукоризненным и который не гонялся за золотом» (Сирах 31:8).³ То есть, уже формулируется условие, которое позволяет человеку совместить материальное и духовное: не стремиться преумножить богатство. Этую мысль потом разовьёт главный средневековый теолог – доминиканец Фома Аквинский. Аквинат считает моральным грехом приобретать или удерживать у себя больше собственности, чем необходимо для поддержания своих жизненных условий (ST IIa Paе. 18. 1). И человек должен обращаться с ней не как с собственной, но как (в принципе) общей, то есть должен быть готов употребить ее на общее благо (ST IIa Paе. 66. 2).

В итоге, ордена, принципиально объявившие себя нищенствующими, – францисканцы и доминиканцы – становятся не только самыми влиятельными, но и богатыми. Они стремились обновить мир, вернув ему христианскую идею в ее «чистом» виде, однако мир, в свою очередь, воздействовал на них, «приземляя» и подстраивая под свои потребности. Это был уже городской мир, а город – это денежная экономика.

Поэтому неслучайно развитие средневековой экономической мысли оказывается тесно связано с экономическим развитием конкретных европейских регионов – южной Франции, Каталонии

¹ Gregorius IX. Mira Circa Nos, p. 4. <https://www.papalencyclicals.net/greg09/g9mira.htm> (дата обращения: 20.01.2024).

² «Non debere aurum sive argentum seu pecuniam possidere». De Celano T. Prima Vita (1 Cel) – 22.2. http://centrofranciscano.capuchinhossp.org.br/index.php?option=com_fontes&view=leitura&id=1785&parent_id=1760 (дата обращения: 20.01.2024).

³ «nec inter cupidos mercatores, quamquam intentus ad lucra, speravit in pecunia et thesauris (cfr. Sir 31,8)». Sanctus Bonaventura Legenda Magna [I, 1.2]. <http://centrofranciscano.capuchinhossp.org.br> (дата обращения: 20.01.2024).

и Валенсии. Среди каталонских богословов, высказывающихся об экономике, в первую очередь выделяются доминиканец Винсент Ферре (1350–1419) и францисканец Франсеск Эщименис (1330–1409). Влияние Ферре и Эщимениса, которые были близки к королевскому двору и выступали в качестве советников королей Арагона, является свидетельством распространения в Средиземноморье идей «нищенствующих орденов», посвященных экономической морали, и их адаптации в различных географических областях. Особо следует отметить, что оба богослова писали свои труды и проповеди на каталанском языке. Это объясняется тем, что динамика развития коммерческой жизни в Каталонии и Валенсии требовала от них донести экономическую мораль до членов городской общины доступным способом, то есть, используя народный язык.

Экономическая реальность, базирующаяся на рациональности, вынуждает общество принять торговца [Vicente Navarro]. Его следует встроить в жизнь города и присвоить ему собственную социальную идентичность – то есть, вписать в гражданскую группу, наделенную смыслом (социальным, профессиональным, символическим), а также наделить юридической легитимностью. Теперь быть торговцем означает принадлежать к группе благонадежных граждан, которые умеют правильно распоряжаться своим богатством ради общего блага города [Igual Luis]. Несмотря на то, что определенное недоверие к тем, кто занят торговлей, остается (поскольку, как мы помним, торговля тесно связана с деньгами), но одновременно утверждается представление о том, что те, кто соблюдают правила ведения торговли, имеют право называться честными гражданами.

Однако теологи (особенно из нищенствующих орденов) теперь еще больше озабочены тем, как совместить материальную необходимость жизни и спасение души. Спасению души безусловно мешает желание владеть мирскими благами, накапливать и удерживать их. Поэтому экономическое поведение человека должно определяться этикой: человеком может двигать либо благочестие, либо алчность.

Святой Винсент объясняет, что человек не должен желать богатства по трем причинам: «Во-первых, потому что мы никогда не получаем столько, чтобы удовлетвориться; во-вторых, оно ненадежно, как трость из тростника: снаружи выглядит крепко, но обопрешься на нее – и упадешь и, в-третьих, оно не приносит доброго плода,

но ввергает в ад и лишает вечного блаженства»¹. Тот, кто «желает» большого богатства, побуждаем к тому жадностью, и таким образом служит не Богу, но мamonе.

Винсент Ферре в проповеди говорит: «что значит мирское благоденствие? Иметь достаток богатства, много почестей, и никогда при этом не быть довольным. Однако славу сии люди будут иметь, если... имущество было заработано добрым путем, а не ростовщичеством или грабежом, или симонией и тому подобным». То есть, доминиканский богослов допускает, что в жизни есть место материальному благополучию, если будут соблюдены определенные этические условия. Истинное благочестие заключается в том, говорит он в одной из проповедей, «что те, у кого есть временные блага, дают их другим, кто не имеет их».

Ключевой момент для Винсента Ферре и Франсеска Эщимениса состоит в том, что торговец – это часть общего дела. Экономическое поведение каждого должно быть частью коллективной полезности. Тот же, кто служит самому себе, служит деньгам и не имеет ни одной свободной минуты, чтобы подумать о своей душе. Винсент Ферре говорит: «жадный человек никогда не имеет отдыха: днем работает, ночью же не может спать, ибо одолевают его мысли». А в другой проповеди объявляет, что тот, кто озабочен увеличением богатства, обречен на вечную муку: «Когда душа покинет тело, то предстанет перед Господом и скажет ему Иисус Христос: «О, ничтожный человек! Дьяволы, вьзмите его и заточите прямиком в ад». Оба теолога считают, что богатство по сути своей лживо и губит душу.

Богатство приносит пользу человеку, только когда он распоряжается им во благо ближнему. Святой Винсент говорит: «дела милосердия должны совершаться с богатством, ведь бедный не может творить телесные дела милосердия». Богатство же ради богатства бесплодно и подобно евангельской смоковнице, не приносящей плода. За что, как известно, и была проклята Иисусом. Богатство следует заставить работать, то есть, как говорит Ферре, совершать «дела щедрости». Тогда человек побеждает богатство и становится его властелином, такие люди достойны похвалы и места в Раю.

Однако, в отличие от Эщимениса, проповедник осуждает всякую торговлю, подозревая в ней стремление к наживе. Эщименис же был уверен в способности людей противостоять искушениям. Хотя город

¹ Здесь и далее цитируется по: <https://www.svfsermmons.org> (дата обращения: 20.01.2024).

Эщименис рассматривал как место соблазна, тем не менее он представлялся ему включенным в Божественный план творения. По мысли Эщимениса град человеческий должен быть предвкушением Небесного Иерусалима. Такое видение абсолютно логично, если вспомнить идею францисканцев об отражении небесного в земном.

Традиционно христианская философия истолковывала отношения индивида и общества через аналогию с человеческим организмом, где отдельные части организма поставлены на службу целому. В этом теологи опираются на отрывок из Первого Послания Коринфянам апостола Павла: «Ибо все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело». (1 Кор. 12:12). В одной из проповедей Винсент Ферре, описывая структуру общества, говорит, что «чрево, принимающее мясо, которое человек ест, – суть торговцы». Если вспомнить о средневековой аналогии между «животом» и «жизнью», то признание торговцев «брюхом» общества представляется очень знаменательным. Впрочем, святой Винсент немедленно проклинает торговцев, ибо «они больны ростовщичеством».

Соображения об общей полезности, как считает Эщименис, оправдывают коммерческую деятельность. Если купец правильно (этично) ведет дела, то его ждет материальное процветание, что является доказательством того, что он был избран Богом, который обращается с ними с «особой благодатью». Поэтому Эщименис выводит две фигуры торговца. Одна – тот, кто своим трудом и богатством служит общественному делу. Другая – тот, кто стремится разбогатеть за счет каких-то манипуляций. Этот купец своекорыстно ловит экономические возможности: накапливает товары с намерением затем получить максимальную прибыль (реализуя принцип «покупай дешево – продавай дорого»). Своими действиями он вредит обществу и ведет себя не как добрый торговец, но как злокозненный. Поэтому такого рода торговец должен быть подвергнут законному преследованию и изгнан из общества. Таким образом мы видим, что торговлю и торговцев Эщименис оценивает по моральным категориям.

Город (в котором сосредоточена вся экономика) видится Эщименису как единое «мистическое тело» [Iglesias]. Эщименис в трактате «Regiment de la Cosa Pública» также уподобляет городскую коммуну человеческому телу. Купцам в общественном теле Эщименис, как и Ферре, отводит роль чрева. «Торговцев, – говорит Эщименис, – надо предпочесть всем светским людям на свете, ибо они /.../ сокровище

общества. Без торговцев города приходят в упадок, государи становятся тиранами, молодежь не знает, чем заняться, а бедняки плачут¹.

Эщименис выступает с открытой защитой торговой деятельности. Он пишет, что «среди прочих профессий, которые приносят общественному достоянию большую пользу, есть купцы, потому что земля, где товары текут и изобилуют, всегда /.../ находится в добром состоянии». Более того, они чрезвычайно важны для общества, «потому что рыцари и горожане, живущие на ренту, не являются источниками даров милосердия, одни только купцы есть источник подобных даров и великие радетели общественного дела».

Мы видим, что экономическая рациональность позволяет Эщименису совершить большой скачок и перейти от осуждения торговли к защите. Он даже заходит так далеко, что объявляет купцов отмеченными Божьей благодатью. С его точки зрения, успех и процветание купцов является доказательством того, что «Господь наш Бог проявляет к ним особую милость и в смерти, и в жизни».

Эщименис рассматривает мир торговли не только как францисканский богослов, но и как человек, вышедший из определенной социальной и экономической среды. Поэтому он отводит купцам спасительную роль в обществе и добивается принятия конкретных решений в их пользу. В главе 34 (XXXIV) «Regiment de la Cosa Pública» Эщименис пишет: правителям необходимо рекомендовать, «чтобы они защищали их на море и на суше, и чтобы они суверенно охраняли их от усугубления налогами, пошлинами или другими способами» и чтобы «им были предоставлены привилегии, особые милости и почести более высокие, чем прочим людям».

Подводя итог, мы можем сказать, что проповеди Ферре и трактаты Эщимениса являются частью тенденции, которая началась в двенадцатом веке и продолжается на протяжении всего средневекового периода: стремление примирить требования экономики городского общества со спасением души человека, а также забота о том, чтобы выработать правила, которые бы регулировали поведение верующих в повседневной экономической жизни.

Каталонские богословы, принадлежащие к нищенствующим орденам, стараются решить проблему экономической справедливости

¹ Здесь и далее цит. по: Eiximenis Francesc *Regiment de la cosa publica* (= *Crestiá*, XII part. 3). <https://bivaldi.gva.es/es/consulta/registro.cmd?id=333> (дата обращения: 20.01.2024).

в христианском мире через правильную организацию городской жизни [Brines i Garcia]. Они рассматривают город как место, где через экономику и правильные законы может возникнуть справедливость. И приходят к мысли, что справедливость и спасение человека может обрести в городе, чья экономика будет основана на принципах добра и справедливости.

Каталонские теологи исходят из того, что экономическое поведение членов сообщества должно быть доведено до максимальной коллективной полезности. В рамках этой задачи экономические действия торговцев служат общественной пользе, потому что способствуют круговороту товаров, через который достигается общее благо, а их богатство позволяет Церкви и городу осуществлять свои социальные функции.

Литература

1. Булгаков С. Н. Церковь и социальный вопрос / Христианский социализм: Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. 350 с.
2. Голубев К. И. О некоторых аспектах формирования отношения к собственности на материальные блага в христианском обществе // Проблемы современной экономики, 2013. № 3 (47). С. 450–453.
3. Лупандин И. В. Католическая церковь: богатство, бедность и культ потребления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2015. Т. 8, № 4. С. 27–31.
4. Brines i Garcia L. La Filosofia Social i Política de Francesc Eiximenis. Novaedició. Grupo nacional de editors, Sevilla, 2004. 656 p.
5. Iglesias A. A. La ciudad ideal según fray Francesc Eiximenis y Rodrigo Sánchez de Arévalo // En la España Medieval, 1985. № 6 (6). P. 27–50.
6. Igual Luis D. Poder, mercat i espai urbà a València entre els segles XIII i XV / El espais de poder a la ciutat medieval. Sabaté Curull F. [Publ.]. Pagès Editors, S L, Lleida. 2018. 410 c. С. 155–188.
7. Piketty T. Capital et Idéologie. Le Seuil, Paris, 2019. 1232 p.
8. Vicente Navarro F. Concejos e identidades urbanas en las villas de la bailía de Cantavieja (siglos XIV–XV). / Identidades urbanas Corona de Aragón – Italia. Redes económicas, estructuras institucionales, funciones políticas (siglos XIV–XV). Iradiel P., Navarro G., Igual D., Villanueva C. (eds.). Prensas de la Universidad de Zaragoza, Zaragoza, 2016. 348 p. P. 131–142.

Ekaterina E. Guschina

European University at Saint-Petersburg

eguschina@eu.spb.ru

Is a Merchant Pleasing to the Lord? Economy through the Eyes of Catalan Theologicians

Abstract: *The article analyzes the views of Catalan theologians V. Ferrer and F. Eiximenis on merchants and their role in society. The economic life of the 14th century posed the question of the possibility of reconciling salvation of the soul with financial gain. The economic reality, based on rationality, forces the Church to accept the merchant, integrate him into the city life, and outline paths for the salvation of his soul. From this perspective, correct economic behavior is particularly important. Both Catalan theologians depict in their works a society in which every individual (including the merchant) lives to achieve the common good, brings public benefit, and thus implements the principles of Christian morality in everyday activities. Ferrer and Eiximenis strive to set an example of correct moral economic behavior.*

Key words: *economic ethics; Francis of Assisi; "mendicant orders"; urban economy; merchant; city; Crown of Aragon; Middle Ages.*

УДК 792, 792.03

Н. С. Константинова

Институт Латинской Америки РАН

В ТРАДИЦИИ НА ЗЛОБУ ДНЯ

Аннотация: Статья посвящена ярчайшему явлению бразильской культуры – театру, который по ряду объективных причин значительно меньше известен за рубежом, чем другие ее сферы. Вкратце рассматриваются генезис и основные этапы эволюции драматургии и театрального искусства Бразилии на протяжении пяти столетий своего существования. Подчеркивается исключительно важная роль Недели современного искусства, состоявшейся в Сан-Паулу в 1922 году, ознаменовавшей рождение бразильского модернизма, кардинально повлиявшего на весь последующий культурный процесс. Особое внимание уделяется становлению и развитию демократической традиции, доминирующей в бразильском театре с момента возникновения и по сей день. Рассматривается феномен «нового театра» в различных формах его проявления. Анализируется театральная теория и практика одной из харизматичных фигур бразильской культуры XX столетия – Аугусту Боала. Акцентируется внимание на именах наиболее известных драматургов страны, и в качестве примера анализируются некоторые из принципиально значимых театральных постановок, вошедших в «золотой фонд» национальной культуры.

Ключевые слова: бразильский театр и драматургия; демократические тенденции; Театр «Арена»; Аугусту Боал; «новый театр».

Бразильская культура прочно заняла свое, особое место в культуре мировой. Однако бразильский театр по сей день в значительной степени остается в тени. Причина, на мой взгляд, техническая. Прежде всего это связано с «транспортировкой». Очень непросто перенести готовый спектакль с одной сцены на другую, тем более – зарубежную, требующую перевода на другой язык. Между тем театральное искусство и драматургия Бразилии заслуживают не меньшего внимания, чем музыка, архитектура, живопись или художественная литература.

История бразильского театра насчитывает более пяти столетий. С самого начала колонизации португальцы, разрабатывая стратегии христианизации индейцев, интуитивно почувствовали, что одним из самых действенных способов могут стать театрализованные представления. В результате возник театр катехизации, оказавшийся достаточно

успешным предприятием с точки зрения поставленной конкистадорами задачи, учитывая склонность автохтонного населения к творческим манифестациям, прежде всего песенно-танцевальным.

Залог успеха заключался в том, что в традиционные для европейского театра формы органично вплетались элементы индейских культур. Тут нельзя не вспомнить имя падре Жозе ди Аншиета (1534–1597), посвятившего жизнь миссионерской деятельности и создавшего ряд талантливых произведений в жанре ауто сакаменаталь¹. В своих театральных постановках на «новой земле» Аншиета привлекал в качестве актеров местных жителей. Он по праву считается первым драматургом Бразилии.

С тех давних времен и до наших дней бразильский театр прошел не просто долгий, но и тернистый путь, однако никогда, даже в самые трудные эпохи, не прерывая своего существования.

И всё же подлинный расцвет театрального искусства Бразилии датируется XX веком, с наступлением которого начался процесс концептуального осовременивания, охвативший культуру в целом.

В театре, созвучно новым веяниям, незамедлительно возникает стремление сконцентрироваться на национальной проблематике. В период господства романтизма на бразильской сцене это означало противоборство с влиянием старой Европы, которое было весьма значительным (что вполне естественно) и в предшествовавшие эпохи.

Важнейшим катализатором кардинальных преобразований в национальном театре стало зарождение бразильского модернизма, старт которому дала Неделя современного искусства, состоявшаяся в Сан-Паулу в 1922 году. Концептуальная основа движения разрабатывалась «группой пятерых». В «пятерку» входили писатели и поэты Мариу ди Андради, Менотти дел Пикья, Освалд ди Андради, художницы и скульпторши Анита Малфатти и Тарсила ду Амарал. Именно эта команда сформулировала идеи и представила образцы нового, модернистского искусства Бразилии. Его рупором стал журнал «Клаксон» – ежемесячное издание, первый номер которого печатается сразу после завершения Недели. С этим журналом сотрудничали такие известные деятели бразильской культуры, как Мануэл Бандейра, Эмилиу ди Кавалканти, Анита Малфатти, Сержиу Буарки ди Оланда, Граса Аранья.

¹ (исп. «священное действие»), жанр испанского театра 16–17 вв., одноактная аллегорическая пьеса на сюжет из Священного писания.

Журнал публиковал эссе, хроники, критические статьи, графику. Предисловие к первому номеру можно считать программным документом.

Позже манифесты модернистских движений могли сыпаться как из рога изобилия. Но в каждом не составит труда уловить отголоски Недели. Например, Пау Бразил – направление, возникшее в 1925 г. с выходом в свет одноименного сборника стихов О. ди Андради (так называется дерево, от которого произошло и название страны), пропагандирует связь литературы с бразильской действительностью и зовет новому открытию Бразилии. Среди лозунгов выдвигается необходимость сплава народной архаики и современности. В том, что касается языка, предлагается отказаться от строгого соблюдения правил грамматики и пунктуации, очистить лексику от устаревших форм и научообразности, смело использовать неологизмы, то есть говорить «по-бразильски», «так, как мы говорим, пусть даже и с ошибками»¹.

Понятно, что сходства позиций (неизбежно многовекторных и многослойных) здесь видны невооруженным глазом еще и потому, что и на этот раз ключевой фигурой стал Освальд ди Андради, так же, как и три года спустя, когда появилось движение под осознанно провокационным названием «Антропофагия». В его программном документе провозглашалось, что обновление искусства должно произойти благодаря «восстановлению индейских ценностей, высвобождению инстинктов и валоризации первозданности»².

Роль Недели, во многом определившей дальнейшее развитие культуры во всём её многообразии, трудно переоценить.

В стране один за другим появляются театральные коллективы, цель которых сделать бразильский театр более аутентичным за счет обращения к национальной жизни. Самым известным стал созданный в 1938 году «Бразильский Студенческий Театр» (Teatro do Estudante do Brasil – TEB). С ним и другими подобного рода театральными труппами связано становление демократической традиции, которая в предшествующие времена и, в частности, в XIX веке, прослеживается слабо. Но именно эта традиция оказалась наиболее устойчивой и в значительной степени характеризует сегодняшний бразильский театр.

Вместе с тем театральные критики Бразилии неустанно подчеркивают чрезвычайно важную роль европейских режиссеров

¹ Andrade Oswald de. Manifesto da Poesia Pau-Brasil. *Correio da Manhã*, 18 de março de 1924.

² Ibid.

в формировании национального сценического искусства. Само их появление на латиноамериканской земле было обусловлено сложившейся ситуацией в Европе в годы Второй мировой войны. Как писал впоследствии известный бразильский критик польского происхождения Ян Мишалски, «страна, полная парадоксов со стольких точек зрения, Бразилия парадоксальным образом обязана трагическому событию – Второй мировой войне – началом современного этапа в развитии ее театра»¹.

Эмигрировавшие из Европы, получив возможность остаться в профессии, с энтузиазмом принялись за работу, де-факто внедряя своими постановками передовой опыт мировой сцены. Исследователи часто подчеркивают, что европейские иммигранты заложили в стране основы режиссерского и актерского мастерства. Не думаю, что с подобными утверждениями можно согласиться безоговорочно, но в то же время нельзя недооценивать роль, которую сыграли в процессе обновления театра зарубежные режиссеры, в частности, итальянцы Адольфо Чели и Джанни Ратто, а также поляк Збигнев Зембински. В Новом Свете им удалось осуществить свои творческие планы, реализовать которые у себя на родине помешала война. В Бразилии же они нашли благодатную почву для новаторских художественных поисков и экспериментов.

Збигнев Зембински в 1943 году основал группу «Комедианты» («Os Comediantes»). По мнению американского критика Дэвида Джорджа, «именно он познакомил бразильский театр с системой Станиславского, методикой Брехта и наиболее передовыми творческими направлениями западного театра»².

В том же 1943 году, увлеченный идеями театрального экспрессионизма, Зембински ставит на сцене «Комедиантов» пьесу бразильского драматурга Нелсона Родригеса (1912–1980) «Подвенечное платье». Этот спектакль буквально произвел переворот и стал реперной точкой, с которой принято отсчитывать историю современного этапа. «Впервые постановка была столь неукоснительно подчинена единому режиссерскому замыслу, впервые был столь последовательно проведен принцип актерского ансамбля, и, наконец, впервые привычную сцену-коробку с традиционными подмостками и примостками заменили сложные декорационные конструкции, образующие продуманное

¹ Michalski Y. *Introduccion al teatro brasileño moderno*. São Paulo, 1995. P. 43.

² George D. *The Modern Brazilian Stage*. Austin, 1994. P. 20.

до мелочей сценическое пространство. На премьере, состоявшейся в Муниципальном театре Рио-де-Жанейро, «после окончания спектакля публика пребывала в молчании, казавшемся бесконечным, за которым последовали нескончаемые овации»¹.

Работа Зембински стала своеобразным триггером в сознании многих бразильских режиссеров, актеров, драматургов, театральных художников, остро почувствовавших невозможность работать по-старому. Стремление быстро освоить все многообразие художественного опыта западной сцены, накапливавшегося десятилетиями, толкало на путь ускоренного развития, которое отличалось сосуществованием различных, апробированных в Европе театральных школ и направлений.

Наиболее ярким проявлением европейского «кrena» стала деятельность созданного Франко Зампари в 1948 году «Бразильского театра комедии» («Teatro Brasileiro de Comédia» – ТВС). В нём европейские режиссеры работали бок о бок с самыми талантливыми режиссерами и актерами Бразилии. На сцене этого театра ставились лучшие произведения мирового классического репертуара.

Однако ко второй половине пятидесятых годов как раз «Бразильский театр комедии» стали упрекать в излишнем космополитизме, в оторванности от национальных корней, в политическом конформизме. Критика сопровождалась призывами придать бразильскому театру национальный характер, обратиться к собственным корням. Эта очередная волна позитивного национализма имела под собой основания более общего порядка, чем искусствоведение.

Закономерно, что призывы обратиться к поискам «бразильского» (позже появился термин («brasiliadade») пришелся на вторую половину 1950-х, на время правления президента Жуселину Кубичека (1956–1960). Новый президент провозгласил своей основной задачей демократизацию страны и борьбу за ее полную экономическую и политическую независимость, вызвав у значительной части населения прилив патриотических настроений. Крупнейший бразильский драматург Алфреду Диас Гомис (1922–1999), вспоминая это время, писал: «В стране произошли политические изменения, глубоко затронувшие сознание людей. Национализм Жуселину, эйфория по поводу новой столицы, строившейся “всеми вместе”, сама идея, что “мы можем”, “мы сделаем”, – все это дало импульс национальной драматургии.

¹ Michalski Y. Introducción al teatro brasileño moderno. São Paulo, 1995. P. 4.

Она стала с обостренным вниманием относиться, к бразильской действительности, к самим бразильцам, к содержанию и форме театральных спектаклей, ко всему нациальному»¹.

К слову сказать, перу Диаса Гомиса принадлежит одно из самых известных произведений бразильской драматургии XX века – пьеса «Исполнитель обета» («*Pagador de Promessas*»), по которой кинорежиссер Ансельму Дуарти в 1962 году снял одноименную картину, ставшую первым бразильским фильмом, получившим «Золотую пальмовую ветвь» на Канском фестивале и номинировавшимся на «Оскар» в категории «лучший фильм на иностранном языке». Социально-политическая направленность этого произведения была очевидной. Действие разворачивается в бразильском штате Баия. Главный герой по имени Зе ду Бурру (вигто по-португальски осёл) – бедняк, единственное богатство которого – старый осёл Николау. Однажды осёл тяжело заболевает. Зе ду Бурру даёт обещание Святой Варваре, что в случае выздоровления Николау, он водрузит на себя тяжелый деревянный крест и донесёт его до церкви в столице штата – Салвадоре. Ослик выздоравливает и Зе ду Бурру начинает свой долгий изнурительный путь. Достигнув цели, он сталкивается с непреодолимым препятствием: настоятель церкви, узнав причину его прихода, просто-напросто не пускает его в храм. Придумав такой сюжет, Диас Гомис, конечно же, стремился привлечь внимание к полному безразличию церкви и государства к «простым людям», к проблемам большинства граждан Бразилии.

В атмосфере эмоционального подъема в 1953 году был основан и «Театр Аrena» («*Teatro de Arena*»), целиком посвятивший себя острой социально-политической проблематике. Спектаклем, ставшим своего рода манифестом труппы, явилась постановка пьесы Жиан-франсиску Гуарниери (1934–2006) «Они не носят смокингов» («*Eles não usam black-ties*», 1958). Создатель коллектива – драматург, режиссер, теоретик театра и актер Аугусту Боал, написал книгу под названием «Театр угнетенных» («*Teatro do Oprimido*»), в которой сформулировал свое творческое кредо, включавшее в себя, в том числе, методы подготовки деятелей театра. Ему казалось принципиально важным, чтобы люди театра мировоззренчески видели этот вид искусства максимально демократичным.

¹ Diaz Gomez A. Invasão / A Revolução Dos Beatos. Rio de Janeiro, 1962. P. 133.

После 1964 года театр Боала ставит серию спектаклей «“Арена” рассказывает...». Наибольший успех имели: «“Арена” рассказывает о Зумби» и «“Арена” рассказывает о Тирадентисе». Обе пьесы, обращенные к прошлому, явно перекликались с современностью. Первая воскрешала в памяти один из эпизодов героической борьбы негров за свое освобождение, вторая – заговор «Инконфиденсия минейра» – начало борьбы за освобождение Бразилии от португальского колониального господства. «“Арена” рассказывает о Зумби» поразила зрителей своим новаторством, отказом от многих условностей коммерческого театра. Именно в работе над этим спектаклем начали выкристаллизовываться те принципы, которые впоследствии легли в основу театральной эстетики Боала, отражавшей специфические условия Латинской Америки в целом и Бразилии в частности.

Согласно Боалу, основные усилия театральных деятелей должны быть направлены на создание дидактического контента, не столько на воспроизведение действительности, сколько на ее правильное толкование. Бразилец преследовал ту же цель, что и Брехт в своей концепции «эпического театра» – сделать театр эффективным орудием борьбы за переустройство мира. При этом Боал руководствовался идеей, которую сформулировал следующим образом: «Всякий театр неизбежно является политическим, поскольку политическими являются все виды человеческой деятельности, а театр – лишь один из них»¹.

Благодаря обращению к принципам новой театральной эстетики, пьеса «“Арена” рассказывает о Зумби» обрела подчеркнуто актуальный характер, причем актуальность подчеркивалась довольно своеобразным способом. В пьесе широко использовался непривычный для зрителя материал: от газетной информации до кулаарных, но известных всем, благодаря «сарафанному радио», высказываний политических деятелей. Это придало спектаклю налёт документальности. Выстроенный таким образом мостик между прошлым и настоящим, позволял и заставлял увидеть события далеких лет в современном ракурсе.

Основным своим вкладом в театральное движение региона сам Боал считал так называемую систему «коринга», впоследствии широко используемую многими латиноамериканскими театрами «коллективного творчества».

Слово «коринга» обозначает «джокер» – карту в некоторых играх, например в покере, способную заменить любую другую. Термин,

¹ Boal A. Teatro do Oprimido e outras Poeticas Politicas. Rio de Janeiro, 1977. P. 151.

естественно, был выбран не случайно. Коринга – это новый герой, своеобразный стержень представления, действующее лицо, способное в случае необходимости заменить любого участника спектакля. Однако этим далеко не исчерпываются функции данного персонажа. Он одновременно и рассказчик, и комментатор, поддерживающий прямой контакт с публикой, нередко более близкий к ней, чем к персонажам, о которых повествует. Он и рупор авторского «я», обращенного непосредственно к зрителям. Иногда его можно рассматривать и как исследователя-социолога, изучающего внутренний смысл поступков людей, поставленных в те или иные обстоятельства. Кроме того, коринга – это своего рода маг и волшебник, творец «магической реальности», без которой, по мнению Боала, невозможен подлинный театр.

Спектакль отличало свободное обращение с историческим материалом, который сознательно был освобожден от событийных подробностей. Главное обвинение, предъявлявшееся в спектакле участникам заговора во главе с Тирадентисом, видевших свою миссию в освобождении страны от колониального господства Португалии, состояло в том, что они были далеки от народа, не сумели привлечь его к борьбе.

Интересен опыт еще одного коллектива – «Союз и зоркое око» («*União e Olho Vivo*»), созданного в 1972 году. С самого начала и на протяжении последующих лет творчество этой труппы было связано с ее главным спектаклем – «Король Мому» («*Rei Moto*»), название которого совпадало с наименованием одной из знаменитых школ самбы, фигурировавшей в представлении. Принцип «коллективного творчества» неуклонно соблюдался на всех этапах работы над этой постановкой. Все члены коллектива, включая технический персонал, совместно изучали труды по народному искусству. Труппа горячо обсуждала, какой должна стать первая и одновременно программная работа. Были установлены постоянные контакты со школами самбы. В результате появился спектакль, в котором все было достоверно.

Премьера состоялась 6 ноября 1972 года. Успех был ошеломляющим, чему, по всей видимости, способствовало и то обстоятельство, что подавляющая часть зрителей состояла из студентов и жителей рабочих кварталов Сан-Паулу.

Сюжет пьесы вкратце таков. Традиционный бал в Муниципальном театре Рио-де-Жанейро в дни карнавала собирает «сливки» бразильского общества – аристократическую элиту, звезд телевидения и кино, шоу-бизнеса, богатых зарубежных туристов и т. д. Предстоят выборы

Короля Мому – главного героя карнавала, символически правящего страной в дни праздника. В качестве претендентов на этот почетный титул в пьесе фигурировали различные персонажи национальной истории. Каждый из них появлялся в сопровождении той или иной школы самбы, которые, в соответствии с карнавальной традицией, рассказывали о славных деяниях своего кандидата и призывали публику голосовать именно за него. Таким образом, перед зрителями поочередно проходили исторические персонажи, связанные с эпохой борьбы за независимость. Но это были не те национальные герои, которыми привык гордиться народ. Среди претендентов оказались отец Педро I (первого императора Бразилии), сам Педро I, члены португальской королевской семьи, бежавшей в колонию после наполеоновского вторжения на Иберийский полуостров. Подлинные же герои находились на втором плане, как бы готовясь к тому, чтобы занять свое место в истории. После того как зрители могли оценить всех кандидатов на звание Короля Мому, ведущий спектакля – Зе-ду-Леау – восходил на трон и надевал корону победителя. Он символизировал собой народ – главное действующее лицо праздника, уходящего корнями в глубинные слои национальной культуры.

В этом насыщенном местным колоритом спектакле нашла свое яркое воплощение театральная концепция Боала, и прежде всего система «коринга». Зе-ду-Леау выступал в качестве объективного, беспристрастного рассказчика, а исполнители по ходу пьесы сменяли друг друга.

Вскоре после премьеры «Короля Мому» коллектив отправился в гастрольную поездку по стране. В какой-то момент часть труппы была арестована по обвинению в «подрывной деятельности», что в глазах общественного мнения лишь добавило уважения к коллективу, каждый раз находившему в себе силы возобновлять деятельность театра.

После гастролей по Европе престиж коллектива «Союз и зоркое око» значительно вырос. Приняв участие в Международном театральном фестивале во Вроцлаве, труппа затем показала «Короля Мому» в ряде городов Югославии, Италии и Франции. И везде спектакль пользовался неизменным успехом.

В 1978 г. коллективу удалось опубликовать книгу «В поисках народного театра» – документальную хронику, прослеживавшую шаг за шагом его путь с момента создания. Этот скрупулезный, детальный отчет о поистине колоссальной работе, которая была проделана за

годы существования театра, стал существенным вкладом в развитие латиноамериканского театрального движения «коллективного творчества».

В годы военной диктатуры (1964–1985) оппозиционно настроенные деятели театра, как и представители других сфер искусства, в полной мере испытывали на себе цензурные ограничения. Некоторые драматурги, режиссеры и актеры были вынуждены покинуть страну. Многие из оставшихся в Бразилии подвергались арестам. Ситуация обострилась после принятия в 1968 г. Институционального акта № 5, максимально ужесточившего режим. До этого какое-то время все же удавалось преодолевать цензуру. Так, в 1965 г. была осуществлена постановка пьесы «Смерть и жизнь Северину» («Morte e Vida Severina») Жоау Кабрала ди Мелу Нету на музыку Шику Буарки. Спектакль буквально потряс критиков и публику своей острогоциальной направленностью в сочетании с яркой образностью и великолепной scenicографией. «Пьеса отливалась изысканной постановкой и ознаменовала собой целую эпоху», – вспоминает драматург и театроред Селсу Нуниес. Крайне неблагоприятная, давящая политическая ситуация вызывала в среде творческой интеллигенции пессимистические настроения. Но театральная жизнь не умерла. В начале десятилетия семидесятых заявляет о себе молодое поколение драматургов, объединившихся в движение «нового театра»¹. Они начинали в обстановке несвободы, политической апатии, связанной с крушением надежд на возможность демократического развития Бразилии, и это незамедлительно отразилось в их творчестве.

«Новый театр» обратился к исследованию внутренней драмы отдельного человека, мучительно ощущающего свое одиночество и неприкаянность во враждебном ему окружающем мире. Пристальное рассмотрение отчужденного от общества бытия обусловило мировоззренческий сдвиг, стало своеобразной идейной позицией «нового театра». Один из лейтмотивов творчества его основателей – трагическое одиночество человека в больших городах, в бурлящих мегаполисах, в которых внешне неугомонная жизнь резко контрастировала с внутренней опустошенностью и депрессией.

Освоение урбанистической тематики, характерное для «нового театра», выдвинуло в центр анатомию личности, поиск внутренних

¹ Nunes S. A breve história do teatro brasileiro e suas reviravoltas dramáticas. Globo Universidade, <http://redeglobo.globo.com/globouniversidade/noticia/2013/06/breve-historia-do-teatro-brasileiro-e-suas-reviravoltas-dramaticas.html> (дата обращения 25.07.2023).

нравственных опор, проблему отчужденного рассыпающегося сознания.

Вопросы, поднятые «новым театром», в наиболее заостренном виде отразились в творчестве крупнейшего драматурга 1970-х годов – Плиниу Маркуса (1935–1999). Театру, уверенному в незыблемости духовных ценностей, устремленному к социальной проблематике, пытавшемуся незамедлительно решать кардинальные вопросы переустройства общества, Плиниу Маркус противопоставил натуралистически-жестокую правду жизни, изображаемую, по его собственному определению, с документальной точностью репортера.

Драматургия Плиниу Маркуса – эмоционально необычайно сильное свидетельство происходящего в мире городских трущоб, где единственный закон ограничивается грубым насилием и нечеловеческой жестокостью. Драматург без прикрас говорит о бездне человеческого падения, от которого не застрахован никто. Каждый может оказаться на «дне».

О Творчестве Плиниу Маркуса, достаточно подробно пишет Е. Н. Васина. Поэтому назову лишь одну его пьесу – «Лиловый абажур» («O abajur lilás», 1969). Она знаковая. «В ней драматург, оставаясь верным своей теме, создает метафорический образ авторитарного государства, основанного на насилии и приводящего к “коллективному оподлению”, проявляющемуся в самых разных сферах»¹.

Эта пьеса во многом предопределила идеино-эстетические искания второй половины 70-х годов, когда театр начинает тяготеть к широким обобщениям, требующим обращения к новому художественному языку. Давление цензуры обусловило появление в театре метафорических и условных форм, в которых постоянно присутствует второй план, а поступки персонажей не замыкаются на самих себя и легко соотносятся с современными социально-политическими реалиями. Заметную роль в драматургии начинает играть гротеск, позволяющий в акцентированной форме вскрыть аномальные, извращенные формы социальной действительности.

Детальную психологическую разработку характеров, типичную для «нового театра» в гротескной драме сменяет принципиальный антипсихологизм, ибо ее герои – прежде всего обыватели, бездумные марионетки режима, способные приноровиться даже к самым

¹ Васина Е. Н. Основные тенденции развития бразильского театра 70-х годов: дисс. канд. искусствоведения. М., 1984.

уродливым формам бытия. И именно этим «куклам» театр гротеска предъявляет сурое обвинение в социальной пассивности и мещанском конформизме.

Но ничто не вечно под луной. Мрачные времена сменяются периодом демократизации, так называемой абертуры. Театр выходит из подполья, многие возвращаются из вынужденной эмиграции, наступает новый этап в театральной жизни, о чем свидетельствует в частности рождение яркой молодежной группы «На улице» («Tá na Rua»), созданной режиссером Амриор Аддадом.

1990-е гг. продемонстрировали разнообразие тенденций, стилей и проблематики. Во многом этот выплеск творческой энергии связан с деятельностью труппы «Театральная мастерская» («Teatro de Oficina»). Коллектив, созданный еще в 1958 г. и оказавший существенное влияние на формирование многоцветной театральной панорамы Бразилии, сегодня чрезвычайно успешно работает под руководством Жозе Селсу Мартиниса Корреа.

В конце XX – начале XXI в. в бразильской драматургии появилось целая когорта талантливых авторов, вынесших на сцену актуальные темы и проблемы, всесторонне отражающие жизнь современного общества. Среди новых имен следует упомянуть Алешандри Да Фара, Силвиу Гомис, Леонардо Кортеса, пьесы которого похожи на социально заостренные рентгенограммы в жанре трагикомедии, Ньютона Морену (его считают главным открытием последнего десятилетия), Анжелу Рибейру, Ивама Кабрала и Родольфу Гарсиа Васкиса, Леу Ламу – автора хита «Мўки любви» («Dores de amor»).

Уроженец Сан-Паулу, драматург, режиссер и писатель Алешандри Да Фара (род. в 1961 г.) лауреат многих национальных театральных премий, создал более двадцати пьес, которые обрели сценическую жизнь не только в своей стране, но и за рубежом. Особое место в его творчестве занимает «Трилогия об отречении» («Trilogia Abnegação»). Лейтмотив трилогии – проблема политической власти, ее внутренние конфликты, трудности, подстерегающие на пути к вершине, а затем – связанные с ее удержанием. По мнению авторитетного бразильского театрального критика Дирсеу Алвиса Жуниора, «Да Фара – один из лучших летописцев современной бразильской действительности»¹. За пьесу «Матеус, 10», в 2012 году он был удостоен престижной

¹ Dirceu Alves Jr. Sao Paulo Review. <http://saopauloreview.com.br/15-dramaturgos-da-atualidade-que-voce-precisa-conhecer/>

национальной театральной Премии «Шелл» в номинации «Лучший драматург года». В этом произведении автор выразил свои мысли относительно роли религии в жизни современного человека.

Эта пьеса во многом предопределила идеино-эстетические искания второй половины 70-х гг., когда театр начинает тяготеть к широким обобщениям, требующим обращения к новому художественному языку. Давление цензуры обусловило появление в театре метафорических и условных форм, в которых постоянно присутствует второй план, а поступки персонажей не замыкаются на самих себя и легко соотносятся с современными социально-политическими реалиями. Заметную роль в драматургии начинает играть гротеск, позволяющий в акцентированной форме вскрыть аномальные, извращенные формы социальной действительности.

Силвия Гомис (род. в 1977 г., Белу-Оризонти) дебютировала пьесой «Небо за пять минут до грозы» («O Céu Cinco Minutos Antes da Tempestade») в постановке труппы под руководством Антуниса Филью. Дебют оказался успешным. Признание своего таланта ей удалось закрепить драмой в жанре театра абсурда «Держать вне доступа ребенка» («Mantenha Fora do Alcance do Bebê») и пьесой «Марс, ты здесь?» («Marte, Você Está Aí»), повествующей о судьбах двух женщин разных поколений, ставших жертвами политических репрессий во времена военной диктатуры. Важной вехой в ее творчестве стала пьеса «В этом сумасшедшем мире, в эту изумительную ночь» («Neste mundo louco, nesta noite brilhante»). Премьера состоялась в Сан-Паулу в 2019 году. Впоследствии ставилась на разных сценах за рубежом.

Драматург, режиссер и актер Леонарду Кортес (род. в 1975 г., Сан-Паулу) прославился в первую очередь двумя трагикомедиями – «Проклятая выгода» («Maldito Benefício») и «Профессорская» («Sala dos Professores»). Последняя в 2016 г. удостоена премии Aplauso Brasil. Более поздняя пьеса «Гостиница “Убежище”» («Pousada Refúgio»), рассказывающая о группе друзей, недовольных жизнью в мегаполисе и лелеющих мечту избавиться от стресса повседневной жизни поселившись в сельской местности, так же имела большой успех как у публики, так и у театральной критики.

Одним из самых значительных открытий бразильской драматургии стало творчество Ньютона Морену (род. в 1968 г., Ресифи). Ему принадлежат такие тексты для театра, как «Агрести» («Agreste»), «Долгожительницы» («As centenárias»), «Книга» («O livro»), либретто мюзикла

«Кангасейрас, воительницы сертан» («As cangaceiras, guerreiras do sertão»), «Бессмертные» («Imortais»), «Справедливая» («Justa»).

Обращаясь к региональной тематике, драматург стремится найти ключи к решению глобальных проблем существования. Морену – обладатель практически всех национальных театральных премий, в числе которых APCB, Shell и Aplauso Brasil.

Леу Лама (сценический псевдоним Леонарду Мартинса ди Баррус) родился в 1964 г. в Сан-Паулу. В возрасте 23 лет дебютировал в качестве драматурга уже упоминавшейся пьесой «Любовные муки», имевшей оглушительный успех. Фильм, созданный на ее основе, посмотрели более 4-х млн. бразильцев. За этой пьесой последовали другие – «Брюшко» («Pança»), «Магдалена, опьяненная блюзом» («Madalena bêbada de blues»), «Наш Иерусалим» («Jerusalém de nós»). В своем творчестве Лама отдает предпочтение темам любовных отношений, осмысливая их как этику и эстетику, как путь духовного развития.

Конечно же, список бразильских драматургов, успешно работающих в наши дни, легко расширить. Задача состояла не в том, чтобы составить полный перечень известных и признанных, а в том, чтобы показать, что искусство Мельпомены в Бразилии не только не отошло на задний план с наступлением «цифровой эры», но и находится на подъеме. Об этом свидетельствует и неуклонно возрастающее число драматургических произведений, и качество драматургии, и рождение новых театральных коллективов, и увеличение зрительской аудитории, о чем свидетельствует ведущаяся в стране соответствующая статистика.

Театр продолжает активно развиваться, оставаясь верным лучшим национальным традициям. Во многом это происходит благодаря цивилизованной культурной политике государства. В том, что такая политика проводится в жизнь, есть особая заслуга действующего президента – Лулы да Силва. В 2003 г., в ходе своей первой предвыборной кампании, он представил проект под названием «Воображение на службе Бразилии» имевший подзаголовок «Программа государственной культурной политики». Документ изначально предусматривал сотрудничество государства с гражданским обществом как равноправным партнером. Именно этот принцип лег в основу всей деятельности Министерства культуры после того, как Лула получил свой первый президентский мандат.

Культуру иногда называют «хорошим бизнесом». Часто так оно и есть. Но это действительно хороший бизнес, если она направлена

на укрепление демократии и утверждение социальной справедливости, если в культуре видеть – поверх всех прочих определений – «очищение души от скверны», катарсис, моральное возвышение человека, «звездное небо» Канта. Эти звезды, библейские, по сути, заставляющие человека осознавать свое существование и личную ответственность за все происходящее в мире, определили путь, пройденный Бразилией и ее театром во времена колонии и в период борьбы за независимость, а также в более поздние времена фашистующего режима Варгаса и относительно недавно ушедших с политической сцены военно-авторитарных режимов.

Задним числом может показаться, что теоретические концепции, получившие развитие в бразильском театре, эстетика и сама театральная практика излишне политизированы, слишком зациклены на злобу дня. Однако так кажется лишь когда оглядываешься назад, когда путь пройден. Цивилизационно пройден единственно возможный путь. Объективно он был обусловлен политической турбулентностью, чересполосицей демократии и диктаторских военных режимов.

К сожалению, в России бразильские пьесы не идут. Бразильский театр приезжал всего два раза – на Чеховский фестиваль в 2005 и 2023 году. Поэтому о нем приходится судить в основном по драматургии и критике. При этом, разумеется, понятно, что культура всегда окрашена в цвета национального флага. Театр и драматургия Бразилии яркое тому свидетельство.

Литература

1. *Васина Е. Н.* Основные тенденции развития бразильского театра 70-х годов: дисс. ...канд. искусствоведения. М., 1984. 245 с.
2. *Константинова Н. С.* Страна карнавала: несколько эссе о бразильской культуре. М., 2003. 144 с.
3. *Константинова Н. С.* Неделя продолжает жить // Иностранный литература. 2017, №10. С. 234–238.
4. *Andrade Oswald de.* Manifesto da Poesia Pau-Brasil. Correio da Manhã, 18 de março de 1924.
5. *Boal A.* Teatro do Oprimido e outras Poeticas Politicas. Rio de Janeiro, 1977. 303 p.
6. *Gomez A. D.* A Invasão / A Revolução Dos Beatos. Rio de Janeiro, 1962. 255 p.
7. *George D.* The Modern Brazilian Stage. Austin, 1994. 196 p.
8. *Michalski Y.* Introducción al teatro brasileño moderno. São Paulo, 1995. 518 p.
9. *Michalski Y.* O palco amordaçado, 1979. 95 p.
10. *Nunes S.* A breve história do teatro brasileiro e suas reviravoltas dramáticas. Globo Universidade, <http://redeglobo.globo.com/globouniversidade/noticia/>

-
- 2013/06/breve-historia-do-teatro-brasileiro-e-suas-reviravoltas-dramaticas.html
(дата обращения 25.07.2023).
11. *Overhoff Ferreira C.* Uma Breve História do Teatro Brasileiro Moderno // Revista Nuestra América, 2008. №5. P. 131–143.
 12. *Patriota R.* A escrita da história do teatro no Brasil: questões temáticas e aspectos metodológicos. São Paulo, 2010. 32 p.
 13. *Ramos L. F.* Neste século, teatro brasileiro cresceu e criou centenas de grupos . Folha de S. Paulo, 5 Dez 2019.

Natalia S. Konstantinova
Institute of Latin America RAS
natkonst@hotmail.com

In the Tradition on the Event of the Day

Abstract: The article is devoted to the brightest phenomenon of Brazilian culture – theater, which, for a number of objective reasons, is much less known abroad than its other spheres. The genesis and main stages in the evolution of drama and theatrical art in Brazil over the five centuries of its existence are briefly examined. The extremely important role of the Week of Contemporary Art, held in São Paulo in 1922, which marked the birth of Brazilian modernism, which radically influenced the entire subsequent cultural process, is emphasized. Particular attention is paid to the formation and development of the democratic tradition that has dominated the Brazilian theater from its inception to the present day. The phenomenon of “new theater” in various forms of its manifestation is considered. The theatrical theory and practice of one of the charismatic figures of Brazilian culture of the twentieth century – Augusto Boal – is analyzed. Attention is focused on the names of the most famous playwrights of the country, and as an example, some of the fundamentally significant theatrical productions included in the “golden fund” of national culture are analyzed.

Key words: Brazilian theater and drama; democratic trends; Arena Theater; Augusto Boal; “new theater”.

УДК 572

Х. Э. Луна Руис

Городской автономный университет Истапалапа

УДК 811.134.2

С. А. Никифорова

МПГУ

ОБ «АТЛАНТИЧЕСКОЙ» И «ТИХООКЕАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ», НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Для достижения успешной коммуникации между представителями разных народов, а иногда даже между представителями одного и того же народа, важно понимать, к какому культурному контексту – высокому или низкому – они принадлежат. Испаноговорящие культуры принято относить к высококонтекстным, что не означает, что все они находятся на одном градусе контекстных величин. В статье предлагается глобальное деление испаноязычных культур на две большие группы – «Атлантическую» и «Тихоокеанскую культуру».

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; высокий контекст; низкий контекст; испаноговорящие культуры; Атлантическая культура; Тихоокеанская культура.

El presente artículo tiene por objetivo tan solo ser un esbozo de un futuro estudio sobre el lugar que ocupan diferentes culturas hispanohablantes en la escala de valores del contexto. Actualmente estamos desarrollando una encuesta – la que proponemos enviar a los representantes de varios países hispanohablantes (si fuera posible a todos) – para determinar su lugar en la escala de valores del contexto. Los resultados del estudio serán publicados.

La lengua es considerada no sólo como una herramienta de comunicación, como un cierto conjunto de sistemas de signos, sino también como un **código cultural** [Фирсова, 2012, с. 37]. Aparte de la lengua existen otros **códigos de comunicación** tales como los medios paralingüísticos, los gestos, pantomimas, proxemia, taquésica¹, etc. [Леонович, 2007, с. 38]; asimismo, toda clase de fenómenos de la cultura, por ejemplo: la arquitectura y el diseño, la música, el baile y el canto,

¹ Taquésica – comunicación no verbal de las personas a través del tacto.

la vestimenta, las preferencias gastronómicas, los olores, hasta las normas de la higiene personal, los rituales sociales, casi todo lo que se incluye en el concepto de la cultura. Además todos los códigos de comunicación los que acabamos de enumerar sean lingüísticos, paralingüísticos, culturales o sociales están estrechamente relacionados con el pensamiento y las opiniones sobre este mundo de las personas que los manejan [Вежбицкая, 2001, c. 15].

En particular, los interlocutores tienen que usar las mismas **formas de procesar la información**: filtrar y simplificar la información de forma conocida para cada participante del acto de comunicación, crear las asociaciones comprensibles para cada uno, combinar y reorganizar la información de forma igual, poder llenar correctamente los vacíos y, en fin, sacar las conclusiones correctas.

Para que un acto comunicativo sea exitoso, los interlocutores deben tener **competencia lingüística, comunicativa e intercultural** parecidas, lo que no siempre es posible, ya que las personas pertenecientes a diferentes espacios culturales puede ser que desconozcan los códigos que usa cada uno, procesen la información a su manera, no dispongan de la suficiente competencia lingüística, comunicativa e intercultural.

Pero cuando somos conscientes de que nuestro interlocutor es diferente de nosotros, somos capaces de aclarar la situación tras hacer una pregunta y/o explicar un tema complicado; en este sentido, la violencia simbólica a la que alude Pierre Bourdieu, [Bourdieu, 1995, p. 101] ocurre cuando uno de los interlocutores habla un lenguaje quebrantado y es víctima de dominio. Pero en otros casos, eso pasa cuando la lengua que hablan los interlocutores no es nativa por lo menos para uno de ellos. Entonces los interlocutores – o por lo menos uno de ellos – se da cuenta de que está hablando con un extranjero; por eso, por omisión, supone que en algún momento puede surgir incomprensión. Por ejemplo: *“Hasta el ruido de la quebrada, que era un ruido permanente, cesó...”* [Cabezas, 1983, p. 148]. La persona que conoce el sustantivo solo en las acepciones de: 1. f. Paso estrecho entre montañas y 2. f. Hendidura de una montaña [<https://dle.rae.es/quebrada?m=form> último acceso 22/01/24] 3. (o, si es mexicano, sabrá que se refiere a cierto risco en el puerto de Acapulco, desde donde los clavadistas ofrecen espectáculo a los turistas), al instante se dará cuenta de que esta palabra debe de tener algún otro significado y se lo preguntará a su interlocutor, entonces la comunicación se realizará exitosamente.

Los problemas suelen surgir cuando los interlocutores creen que se entienden uno al otro, mientras que están utilizando en la comunicación diferentes códigos comunicativos, es decir, que cada uno se refiere a algo suyo. En este caso, se trata de la así llamada presuposición, o sea, información que ambas partes dan por sentado. Pero lo que es lógico y natural para el representante de una cultura no es nada lógico ni natural para otro, puesto que las variantes nacionales del idioma español en nuestra época no se ven como fenómenos puramente lingüísticos o culturales, sino como todas unas *cosmovisiones* de los pueblos que los hablan [Чеснокова, 2006, c. 7] o *weltanschauung* en los términos de la lengua germánica [Dilthey, 1990, p. 23].

La incomprensión intercultural ha existido durante toda la historia de la humanidad, siendo superada con métodos diferentes – a veces pacíficos y a veces por medio de conflictos bélicos. Definido en la acepción del “etnocentrismo”, esto es, como un vicio sociológico que radica en una idea de superioridad cultural de la propia sociedad sobre otras, hoy asistimos a una regresión ilusoria a un mundo utópico creado en el imaginario de la complejidad de los múltiples medios de consumo cultural. A la situación actual se le está contribuyendo el proceso de la globalización que va paralelamente con el proceso de la descentralización de todos los aspectos de la vida [Никифорова, 2018, c. 36–37] o a una suerte de “Descentralamiento de Cosmovisiones” como lo sugirió Beriaín [Beriaín, 1998, p. 102], que implica un distanciamiento del núcleo duro cultural en las sociedades más tradicionales. Todo eso nos empuja a buscar urgentemente formas de lograr el máximo de comprensión, de establecer un “diálogo intercultural, la paz y el trabajo de resolución de conflictos, el desarrollo internacional, la formación intercultural y la formación de equipos” [Deardorff, 2020, p. 15].

Pero las situaciones de incomprensión no solo pueden surgir entre las personas que hablan lenguas diferentes – a menudo se dan cuando los comunicadores, siendo ambos hispanohablantes nativos, pertenecen a diferentes países del habla hispana o cuando uno de ellos sin ser hispanohablante nativo, tiene un alto dominio del idioma, pero también entre los interlocutores nativos del mismo país, aunque pertenecientes a diferentes grupos sociales, profesionales, de edad o de género, etc. De esta manera se puede decir que, para comprendernos, tenemos que tener un nivel suficiente de la competencia lingüística y cultural.

La incomprensión puede radicar en el desconocimiento de una palabra, como en el ejemplo de *la quebrada*; también puede ser estilística (la palabra

se comprende, pero en diferentes culturas donde se usa, ocupa grados diferentes en la escala estilística); puede ser gramatical, pero todos los casos enumerados se refieren a la lingüística.

Veamos más ejemplos de la incomprensión lingüística:

Incomprensión léxica:

Ejemplo №1.

Durante una reunión organizada por la Junta de Andalucía entre los empresarios de España (dos mujeres andaluzas) y Colombia (hombre y mujer de Bogotá), las españolas mostraron interés por el sector farmacéutico en Colombia al pronunciar la siguiente frase: “En Colombia nos interesa el sector de la drogería.” Los colombianos no entendieron el significado de la palabra “drogería”, tras pensar que las españolas les estaban tomando el pelo insinuando a la mala fama que tiene Colombia como centro de tráfico de drogas. Quedaron tan aturdidos por lo que consideraron un insulto intencional y de mal gusto, que permanecieron sentados con las bocas abiertas durante varios segundos. Las españolas también se dieron cuenta de que habían cometido algún error sin entender cuál fue. No sabemos cómo se hubiera resuelto todo si la situación no fuera aclarada por la coautora de este artículo.

Ejemplo № 2

Una señora española (Pamplona) tiene problemas con el grifo de la cocina y llama al plomero. Viene un especialista de origen venezolano con su maletín de herramientas, arregla el grifo y se prepara para irse. En este momento, la señora le dice que también tiene problemas con el grifo del baño, a lo que el venezolano le dice: “Ok, de la llave del baño me ocupo ahora.” Tras decirlo, el venezolano recoge sus cosas, su chaqueta y se dirige a la puerta para irse. La española no sabía que el adverbio “ahora” en Venezuela significa “después, más tarde, otro día, en algún otro momento, en otra ocasión”.

Ejemplo №3

Dos amigos mexicanos se encuentran, luego de muchos años de no verse, en Puerto Rico, isla lingüística del idioma español por su tozuda usanza. El primero ha vivido por un largo tiempo en la isla. Cuando el segundo le llama, acuerdan verse y el primero le dice: “Iré por ti ahora”, en un estilo dialectal puertorriqueño distinto a la semántica del “ahorita” mexicano, que en definitiva denota que la cita será en breves momentos. El amigo no sabe – pero lo intuye – que su amigo está ahora aculturado y ha

empleado el “ahora” caribeño para indicar que irá por él en cuanto se desocupe y que la cita tendrá lugar por la noche.

Todos sabemos que este tipo de incidentes lingüísticos ocurren con bastante frecuencia. Y es por eso que, en los últimos 150 años, la dialectología de la lengua española se estudia tanto como en los países de habla hispana, así como en Rusia (los últimos 60 años) [Степанов, 1963, c. 8].

Incomprensión estilística:

Un mexicano educado puede encontrar grosera la forma de hablar de un venezolano o un español educados, los que hablando con personas de cualquier sexo, a cada paso utilizan la interjección “¡coño!” (Venezuela) o “¡joder!” (España) para expresar casi cualquier sentimiento (sorpresa, confusión, alegría, irritación, susto, etc.) Dichas palabras en México están prácticamente vetadas, mientras que en Venezuela y en España han perdido por completo sus nociones iniciales. En México usan interjecciones más neutras: ¡híjole! ¡épale! ¡éjele! ¡chin! ¡sopas! Con razón los venezolanos y los españoles de cualquier nivel educativo les suelen parecer tremadamente vulgares a los mexicanos educados, mientras que la forma de hablar de los mexicanos les parece excesivamente empalagosa a los venezolanos y los españoles. Ejemplos: en México suelen usar palabras que pueden sonar a estilo alto o arcaico a los venezolanos y españoles: “los senos” en vez de “las tetas”, la “colita” en vez del “culo”, etc.

Incomprensión gramatical:

Ejemplo № 1

Conversación de un mexicano con una pareja de españoles de Pamplona: El mexicano: «¿Y ya se van?» Para preguntar si sus interlocutores ya se iban.

Los españoles: «¿Quiénes?» En realidad, esto puede suceder incluso si ese “¿Ya se van?” muchas veces implica en el metalenguaje mexicano una virtual expulsión de huéspedes no deseados.

Para los mexicanos, así como para cualquier hispanoamericano, es natural usar la forma de la tercera persona en plural (Ustedes) dirigiéndose a los amigos a los que tutean, pero en España esta forma casi automáticamente se les aplica a los terceros: “ellos” o “ellas” si en la frase no se usa el pronombre “Ustedes” (¿Y ustedes ya se van?). En muchas zonas de España, incluso cuando a cada uno de los interlocutores se le trata de Usted, en conjunto no se les aplica el pronombre “Ustedes”, sino el “vosotros”. Eso pasa porque en España se está proliferando el uso del

tuteo en todos los grupos sociales, en todas las edades, sexos y casi en todas las situaciones.

Pero, como hemos dicho antes, la incomprensión puede radicar fuera del ámbito lingüístico. Pongo algunos ejemplos de mi propia experiencia.

Ejemplo № 2

Costarricense (San José): “Ay, la taza se rompió, ¿qué le digo a la abuela?”
Español (Sevilla): ¿Cuándo se rompió?

La tasa acababa de romperse, lo que estaba bastante claro para cualquier hispanoamericano, ya que América Latina ha heredado el uso antiguo del Pretérito Indefinido de Indicativo, mientras que en España el uso de los tiempos del plan pasado tuvo un desarrollo diferente, por lo que el Pretérito Indefinido se refiere a una acción realizada en el pasado sin tener ninguna relación con el presente.

Pero la incomprensión puede ir mucho más allá de la lingüística. Los problemas más profundos y muchas veces intransigentes presenta la incomprensión cultural. Veamos varios ejemplos:

Incomprensión cultural

Ejemplo № 1

Representante del Departamento Económico de la Junta de Andalucía – sevillana de unos cuarenta años – trabajó cinco años en Chile y nunca pudo acostumbrarse al comportamiento de los empresarios chilenos. Su función consistía en hacer llamadas a los importadores chilenos, ofreciéndoles recibir en sus oficinas a los representantes de empresas andaluzas para que éstos pudieran presentarles su producto. Para su gran asombro, en casi todas las empresas a las que llamaba le contestaban con un sí. Pero a la hora de concretar las reuniones, los teléfonos de los gerentes chilenos se apagaban, nadie le contestaba, así que las reuniones no se cerraban. ¿Por qué? La española y los chilenos hablaron la misma lengua, pero su comunicación fracasaba una y otra vez.

Ejemplo № 2

Los costarricenses consideran sumamente ofensivo demostrar cariño en público. En Costa Rica no se acostumbra besarse en la calle o en los parques, andar sin franela aunque haga mucho calor, pues lo perciben como un desafío público. Un costarricense después de vivir treinta años en Rusia y tras perder las costumbres locales, fue detenido y llevado a la comisaría por practicar yoga en paños menores estando en un parque de San José.

Ejemplo № 3

Trabajando con los empresarios andaluces, la coautora de este artículo más de una vez escuchó sus comentarios sobre los representantes de diferentes regiones autónomas de España. En particular, le asombraron los comentarios que hacían algunos andaluces con respecto a los vascos – ellos decían que los vascos son rudos. A la pregunta del por qué pensaban eso, cada vez recibía la respuesta de que eran “demasiado directos.”

Vemos que los españoles del norte le parecen rudos a los españoles del sur y, a su vez, los españoles del sur le parecen rudos a los chilenos; los venezolanos no les parecen rudos a los españoles, pero sí a los chilenos, costarricenses y mexicanos, etc. ¿Por qué pasa eso? Todos hablan el mismo idioma sin ganas de ofender a nadie y, sin embargo, no terminan de entender los unos a los otros.

La incomprensión en todas las situaciones descritas ha sido provocada por el déficit en la competencia intercultural. En este sentido, nos hacemos la pregunta de cómo pueden ser clasificados los pueblos hispanohablantes de acuerdo a su cultura. ¿Cuáles pueblos se comprenden mejor y cuáles tienen el mayor número de casos de incomprensión?

A la hora de analizar la cultura española, suelen tomar en consideración el clima y la situación geográfica del país, la historia de sus pueblos: la influencia de las culturas de los íberos y celtas, fenicios y griegos, cartagineses, godos y visigodos, romanos y moros... Pero a pesar de que este artículo contiene ejemplos en los que aparecen los españoles, en este momento preferimos centrarnos en la división cultural de Hispanoamérica. Hablando de los factores que contribuyeron a los caracteres nacionales de los pueblos hispanohablantes de América, los especialistas suelen mencionar los siguientes substratos: por un lado, se identifican las diferencias culturales en América Latina que parten de la dominación colonial y que incidieron en su diferenciación. Así, la influencia de la cultura de los conquistadores (españoles de diferentes orígenes) y de la cultura indígena local (la influencia africana y la influencia de los colonos europeos y no europeos), hicieron esa diversidad. En un primer orden, están las dos grandes áreas civilizatorias que definieron la cultura en Mesoamérica y en los Andes centrales, caracterizadas por la dominación política de ciudades-Estado sobre amplias regiones de etnias campesinas subordinadas, agricultura tecnificada, calendarios agrícolas que definían las conductas rituales de los pueblos campesinos (38 calendarios, en el caso de México), agricultores de temporal y bandas de cazadores recolectores

merodeando en torno de los límites culturales de estas dos áreas. En segundo término, el contingente de origen africano que fue importado y se constituyó en diferentes pueblos, lenguas y culturas, si bien fue el propio sistema colonial el que propició su dispersión. El tercer componente original básico fue el de los colonizadores que iniciaron su arribo al continente a partir del siglo XVI, integrado por viejos y nuevos cristianos españoles, cripto-judíos, franceses, belgas y holandeses, pero también el contingente de inmigrantes cuya ola colonizadora arribó masivamente en los siglos XIX y XX.

D. Ribeiro resalta tres tipos de sociedades nacionales existentes en América en el momento de la llegada de los españoles: los *Pueblos Testimonio* (Méjico, Centroamérica y los países andinos), los *Pueblos Nuevos* (los grancolombianos, los antillanos y los chilenos) y los *Pueblos Trasplantados* (los rioplatenses) [cita de D. Ribeiro por Bonfill Batalla, 1992, p. 26]; se estudia la estratificación cultural en las clases (baja, media, media baja, media alta, alta); la división entre las zonas rurales y urbanas. La influencia de todos los factores y substratos arriba mencionados es importante y será estudiada en adelante, pero como ha dicho el famoso etnógrafo y antropólogo mexicano G. Bonfill Batalla: “para caracterizar a las sociedades <...> en términos de su diversidad cultural, es preciso tomar en cuenta factores de otra índole...” [Bonfill Batalla, 1992, p. 26]. Así que proponemos una visión desde lejos.

Empezaremos con el concepto de culturas de Alto y Bajo Contexto, el que fue introducido en 1976 por el antropólogo estadounidense E. Hall. E. Hall le dio el nombre del Contexto a toda la información que rodea un evento comunicativo [Hall, 1976, p. 82] siendo sumamente importante éste para la comunicación intercultural.

Cuáles son las características básicas de las culturas de Bajo y Alto Contexto:

Representantes de las culturas de Bajo Contexto	Representantes de las culturas de Alto Contexto
Tienden a hablar directamente sin rodeos, leen mal las señales no verbales, valoran el individualismo, tienen confianza en la lógica, la que utilizan de forma lineal, es decir, prefieren decir un “no” directamente, se	Prefieren la interacción verbal indirecta, son capaces de comprender significados ocultos, leen bien las señales no verbales. Estiman la organización en grupos, son colectivistas. Confían en el contexto y en el estado de ánimo.

comunican mediante oraciones bien formuladas, enfatizando el significado literal de lo que quieren decir.	Utilizan la lógica espiral, es decir, evitan decir directamente un “no”. Se comunican mediante mensajes simples, a veces ambiguos.
---	--

[Guffey, 2013, p. 64].

Aunque la cultura española e hispanoamericana en general se consideran de contexto bastante alto, se cree que las culturas de diferentes países hispanohablantes e incluso de ciertas regiones dentro de un mismo país, pueden pertenecer a registros diferentes dentro de un mismo contexto, es decir, son *más o menos de Alto o Bajo Contexto*. En este caso, podemos hablar de **la variabilidad contextual de culturas cercanas que hablan el mismo idioma** (A. A. Leontiev utilizó el término variabilidad nacional-cultural de la psicolingüística) [Леонтьев, 1999, с. 189]).

Por el momento, está claro que la variabilidad contextual de las culturas hispanohablantes es bien grande y requiere estudio profundo. Richard Lewis – investigador cultural inglés y fundador de la escuela de comunicación intercultural para empresarios – ha dicho: “Se puede hablar de una sola Inglaterra o Francia, pero hay muchas Españas”. [Lewis, 1996, p. 239]. Dejemos en la conciencia del autor de esta réplica la mención de los ingleses y franceses en este contexto, pero estamos de acuerdo con él en lo que se refiere a los españoles: son muy diferentes, de lo que hay muchos anécdotas, bromas e historias, por ejemplo, es el famoso comercial de detergente para lavar platos sobre Villarriba y Villabajo, el que da una buena imagen de la rivalidad existente entre los pueblos de España [<https://www.youtube.com/watch?v=q11B-gnGdWk>, último acceso 27/11/23]. Sería lógico pensar que los hispanoamericanos, cuyos antepasados provienen de una España tan diversa desde el punto de vista cultural, los que viven en un vasto territorio de 11,5 millones de km², tienen que ser aún más diferentes que los españoles. En cierto modo es así, si nos profundizamos en las costumbres y tradiciones de los pueblos que habitan estas tierras y de lo que hay miles de estudios, mientras que nosotros proponemos abstraernos de los detalles para ver el panorama global. Parece que, mirando desde lejos, el contexto cultural de la América hispanohablante es bastante homogéneo y que el continente puede ser globalmente dividido en dos grandes grupos culturales. En parte coinciden con la división dialectal de la América hispanohablante en Tierras altas y Tierras bajas de M. L. Wagner [Wagner, 1920]) o de los Pueblos Nuevos y los Pueblos Trasplantados de D. Ribeiro, pero con ciertas correcciones.

Así, cuando hablamos de la Cultura costera, nos referimos a la costa del Mar Caribe y del Océano Atlántico. Proponemos llamarlos: “Cultura del Atlántico” – ocupa un registro inferior en el contexto cultural – y “Cultura del Pacífico” – ocupa un registro superior. Dicha aseveración proviene de años de observaciones de los autores de este artículo de los representantes de diferentes regiones del habla hispana (han sido recopilados muchos ejemplos), pero también tiene una base histórica: la mayoría de los contactos entre España y la América de habla hispana se realizaban a través del océano Atlántico. Los puertos del Océano Atlántico estaban llenos de vida, las culturas y los dialectos se encontraban y se chocaban, sus representantes entraban en conflictos, la moral no era estricta, los modales no se observaban, era una zona libre como son libres todas las zonas portuarias, mientras que las “regiones del Pacífico” llegaron a ser mucho más religiosas y conservadoras. Dicha aseveración se comprueba con la localización de las capitales y ciudades más importantes de los países hispano- y latinoamericanos:

Las capitales y ciudades más importantes de las culturas de más Bajo Contexto se encuentran en la Costa Atlántica: Santo Domingo (República Dominicana) La Habana (Cuba) San Juan (Puerto Rico) Miami (Estados Unidos) Houston (Estados Unidos) Veracruz (México) Bluefields (Nicaragua) Limón (Costa Rica) Barranquilla (Colombia) Santa Marta (Colombia) Cartagena (Colombia) Caracas (Venezuela) Montevideo (Uruguay) Buenos Aires (Argentina)	Las capitales y ciudades más importantes de las culturas de más Alto Contexto están en la Costa Pacífica o en la parte interior del país: México (México) Acapulco (México) Guatemala (Guatemala) San Salvador (El Salvador) Tegucigalpa (Honduras) Managua (Nicaragua) San José (Costa Rica) Bogotá (Colombia) Quito (Ecuador) Guayaquil (Ecuador) Lima (Perú) Sucre (Bolivia) La Paz (Bolivia) Santa Cruz (Bolivia) Asunción (Paraguay) Santiago (Chile)
--	---

La única capital que supuestamente rompe esta regla ha sido la ciudad de Panamá, pero en realidad no lo hace, ya que se encuentra en el cruce de los océanos – o sea, en el Canal.

[<https://mapadeamerica.net/wp-content/uploads/2018/03/mapa-de-america-ciudades-capitales.jpg> último acceso 27/11/23]

A manera de Conclusión

Concluyendo esta breve introducción en la distribución de las culturas de los pueblos hispanohablantes, nos atrevemos a sacar la siguiente proposición: los antepasados de los habitantes actuales de las regiones del Atlántico fueron conquistadores (aventureros, francotiradores, gente atrevida que no tenía mucho que perder, pero sí mucho que ganar) y, en el otro extremo de su herencia (los pueblos colonizados), se encontraban

los pueblos caribeños con formas muy elementales de organización estratificación política y social, extinguidos por el sistema de explotación colonial y las epidemias europeas, mientras que los del Pacífico eran colonos (sus objetivos se concentraban en el hogar: crear una familia, construir una casa, ganarse la vida) y, predominantemente, altas culturas civilizatorias con formas más complejas de organización política y social, con cuyos antiguos habitantes formaron un mestizaje cultural que resultó definitorio. De esta forma, actualmente las regiones del Atlántico ocupan un registro más bajo en la escala contextual de las culturas, mientras que el registro de las culturas del Pacífico ocupan un registro más alto.

En un intento por empatar las perspectivas de Ribeiro y Guffey, adentrando en la lógica sociolingüística [Sapir, 1997 y Whorf, 1997] encontramos que a las ciudades en Culturas del Pacífico y del más Alto Contexto (Méjico, Acapulco, Guatemala, San Salvador, Tegucigalpa, Managua, San José, Bogotá, Quito, Guayaquil, Lima, Sucre, La paz, Santa Cruz, Asunción y Santiago de Chile) corresponden los Pueblos Testimonio, pero también una parte de los Pueblos Nuevos (sólo en el caso de Chile), en tanto que a las ciudades del Atlántico y del más Bajo Contexto (Santo Domingo, La Habana, San Juan, Miami, Houston, Veracruz, Bluefield, Limón, Barranquilla, Santa Marta, Cartagena, Caracas, Montevideo, y Buenos Aires) corresponden los Pueblos Nuevos y los Pueblos Trasplantados. Así, es importante notar que en el primer grupo de ciudades y países del Pacífico – Pueblos Testimonio, existe una importante definición por parte del Núcleo Duro Cultural, es decir, la presencia en todos ellos de las instituciones culturales que garantizan la tradición y la determinación lingüística en la cultura regional, sin olvidar que la distribución geográfica de Méjico lo ubica en ambos contextos (Pacífico y Atlántico). En el caso de Chile, hay toda una historia de innegable resistencia cultural del pueblo mapuche en el sur y que actúa en los rasgos de identidad del lenguaje español en esa nación.

Al parecer, la definición de Guffey acerca de las culturas del Pacífico y del Atlántico, se inscribe en la más pura escuela de Cultura y Personalidad, al esencializar aquellos rasgos culturales a los que se considera propios del Pacífico y otros propios del Atlántico, entendiendo por rasgos culturales como “...asociación de una forma y una sustancia particulares con una función sociocultural y también con el sentido que una entidad así tiene para las gentes entre quienes se manifiesta o que la usan.” [Harris, 1999, p. 341].

Obedeciendo a esta orientación contextualizadora de la cultura, es necesario atender a la perspectiva de análisis de lo global, en esta época en que la cultura se desterritorializa y las ciudades se reordenan para formar sistemas trascnacionales de información, comunicación, comercio y turismo. Se trata de este momento en que las ciudades han caído en un desequilibrio propiciado por una desbocada urbanización y una expansión territorial masiva que ha reducido las interacciones barriales. Éstas han sido sustituidas por los lazos construidos en la televisión y las redes sociales, los que, si bien de manera anónima, ahora “...diagraman los nuevos vínculos invisibles de la urbe” [García Canclini, 1994, p. 35]. Otras ciudades mexicanas como Mérida, capital del estado de Yucatán, histórica y culturalmente vinculada al Caribe (en el contexto Atlántico), ha vivido en los últimos lustros crecimientos urbanos desproporcionados propiciados sobre todo por la inmigración, lo cual ha traído grandes consecuencias en el lenguaje, sin duda fuertemente influido por la lengua maya.

Pero otros contextos de la globalización, más bien de orden político y económico, han impactado también el panorama de las lenguas en el continente, como el Tratado de Libre Comercio, firmado entre México, Canadá y Estados Unidos. Han sido las actuales condiciones de producción las que han provocado la adaptación y transmutación de viejos signos: *verbi gratia*, los descendientes culturales del *pachuco* – los *cholos* –, lejos de jugar el papel del extremo mexicano, son más bien iconoclastas de la imagen anglosajona-norteamericana y se han convertido en moda e incluso *establishment*, tal vez en una emulación étnica, en tanto que el ser cholo configura una distinción peculiar ubicada en un nivel de un círculo concéntrico del imaginario nacionalista del ser cholo-mexicano-norteamericano y, naturalmente, esta adhesión étnica voluntaria es la configurante de un lenguaje o variante dialectal del español fronterizo: “El ladino trata de ubicarse a sí mismo no en términos de simple ascendencia, sino en términos de Estados – nación, continentes, niveles económicos de desarrollo, grados variables de cercanía lingüística o geográfica y así sucesivamente. El concepto ladino de identidad es un producto global, mientras que el maya es explícitamente limitado y localizado” (Adams, en: [García Canclini, 1994, p. 49]).

Otra consecuencia de las dinámicas poblacionales latinas dentro de esos subcontextos regionales del contexto Atlántico y que cuestionan la premisa de la dominación de las lenguas de los grupos sociales y económicos dominantes, ocurre en la ciudad de Miami (Contexto Atlántico), donde un nuevo dialecto toma forma a partir de la inserción de la lengua española

desde el año de 1959, bajo la inmigración cubana, que se ha impuesto sobre la inglesa en usos dialectales. Esta convergencia lingüística ha trastocado la estructura de la lengua inglesa, primero, a partir de la invención social del *spanglish* y luego a partir de un “calcado” o *calque* literal del inglés al castellano, trastocando su estructura y conformando así un dialecto, ello en sentido contrario del principio de que la dialectización de una lengua ocurre en una lengua subordinada o minoritaria y en fase de desaparición (no se supone que la lengua inglesa esté en franca decadencia en Estados Unidos). En este caso, el grupo aloglota es el grupo subordinado y no el dominante [Maurais, en: García Canclini, 1994, p. 71]. En un caso más, el afianzamiento de la lengua española en el Estado Libre Asociado de Puerto Rico, ocurre en el subcontexto en que ese lenguaje ha recibido el Premio Príncipe de Asturias de las Letras en el año 1991, por su persistencia popular en el uso lingüístico, pese a la impuesta política cultural de la administración norteamericana, que pretendía desterrar ese uso de la lengua para educarle en la lengua inglesa.

Del lado del contexto Atlántico, lenguas originarias en México, como el *ñahñú* y el *náhuatl*, actúan a nivel regional como lenguas basilectas (en lo más bajo del escalafón de la triglosia), pero al fin usuales en los circuitos de los trabajadores en migración pendular campo-ciudad-campo, particularmente en el estado de Hidalgo. De hecho, esa movilidad poblacional ha definido ya desde tiempo atrás el estilo lingüístico del español en ciudades como Pachuca, salpicado con palabras de origen indígena como *xirgo*, *xenga*, *tlapehue*, *xaxtle*, *pepezcludo*, *xixi*, *chichi*, *tazcal*, etc.

Así, el movimiento de la globalización no significa la negación de las culturas locales o nacionales; antes bien, ha significado una cohabitación y globalización de las culturas en un movimiento intercultural que, en muchos casos, se han valido de la tecnología para consolidarse en el panorama de la multiculturalidad.

Литература

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007.
3. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
4. Никифорова С. А. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Эмоционально-экспрессивный потенциал лексико-

- семантических ресурсов Коста-риканского варианта испанского языка», М., РУДН: 2018.
5. Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963.
 6. Фирсова Н. М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. М.: Книжный дом "Либроком", 2012.
 7. Чеснокова О. С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира. М.: РУДН, 2006.
 8. Beriain, J. Representaciones colectivas y proyecto de modernidad, Anthropos, Barcelona, 1990.
 9. Bonfill Batalla, G. Pensar nuestra cultura, Alianza ed. México, 1992.
 10. Bourdieu, P. Respuestas por una antropología reflexiva, Grijalbo, México, 1995.
 11. Darcy Ribeiro, Las Américas y la civilización, Extemporáneos, Colección Latinoamericana, México, 1977.
 12. Deardorff D. K. Manual para el desarrollo de competencias interculturales. París: Organización de las Naciones Unidas para la Educación, la Ciencia y la Cultura (UNESCO), 2020.
 13. Dilthey, Wilhelm, Teoría de las concepciones del mundo, Alianza-CNCA, México, 1990.
 14. García Canclini, N. Lo local y lo global. Un debate, UAM, México, 1994.
 15. Guffey M. E., Lowey D., Rhodes K., & Rogin P. Business communication: Process & product. 4th brief Canadian ed. Nelson, 2013.
 16. Hall E. Beyond culture. New York: Anchor press, 1976.
 17. Halliday, M. A. K. El lenguaje como semiótica social. La interpretación social del lenguaje y del significado. FCE, México, 2013.
 18. Harris, M. El Desarrollo de la teoría antropológica. Una historia de las teorías de la cultura. S. XXI, Madrid, 1999.
 19. Lewis R. D. When cultures collide. London: Nicholas Brealey Publishing, 1996.
 20. Recurso electrónico: <https://dle.rae.es/quebrada?m=form> (último acceso 29/11/23).
 21. Recurso electrónico: <https://www.youtube.com/watch?v=q11B-gnGdWk> (último acceso 27/11/23).
 22. Recurso electrónico: <https://mapadeamerica.net/wp-content/uploads/2018/03/mapa-de-america-ciudades-capitales.jpg> (último acceso 27/11/23).
 23. Sapir, E. El estatus de la lingüística como ciencia, en: P. Bohannan y M. Glazer, Antropología. Lecturas. Mc Graw Hill, Madrid, 1997.
 24. Wagner M. L. Amerikanisch-spanisch und Vulgärlatein, 1920.
 25. Whorf, B. L. La relación del pensamiento y el comportamiento habituales con el lenguaje, en: P. Bohannan y M. Glazer, Antropología. Lecturas. Mc Graw Hill, Madrid, 1997.

Juan E. Luna Ruiz

UAM-Iztapalapa

juan.luna@uacm.edu.mx

S. A. Nikiforova

Moscow State Pedagogical University

sa.nikiforova@mpgu.su, svnikiforova2020@gmail.com

**On the "Atlantic" and the "Pacific culture",
Based on the Spanish Language**

Abstract: *To achieve successful communication between representatives of different nations and sometimes even between representatives of a single nation, it is important to understand which cultural context – high or low – they belong to. Spanish-speaking cultures are usually attributed to High Context, which does not mean that they all have the same degree of contextual values. The article proposes a global division of Spanish-speaking cultures into two large groups – the “Atlantic Culture” and the “Pacific Culture”.*

Key words: *intercultural communication; high context; low context; Hispanic Cultures; Atlantic culture; Pacific culture.*

УДК 811.134.2

Ю. Л. Оболенская
МГУ имени М. В. Ломоносова**РОЛЬ АЛЬФОНСО РЕЙЕСА ОЧОА В СОЗДАНИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА**

Аннотация: Статья посвящена практически неизвестной стороне творчества крупнейшего мексиканского писателя А. Рейеса – его переводческой деятельности, опыту собственных переводов с английского, французского и русского языков, а также его деятельности по созданию национальной школы академического перевода в Мексике. Приводятся неизвестные данные о его ссылке в Испании, сотрудничестве с мадридским издательством Кальпе, Х. Р. Менендесом Пидалем, Н. Тасинным, Х. Висенсом, дружбе с Х. Л. Борхесом, а также рассматриваются теоретические положения его статьи «О переводе».

Ключевые слова: Альфонсо Рейес; переводы; создание национальной школы перевода.

Латиноамериканистам хорошо известна роль классика мексиканской литературы Альфонсо Рейеса Очоа (1889–1959) в создании национальной литературной традиции. В многочисленных исследованиях, посвященных его литературной деятельности, подчеркивается безупречный стиль этого выдающегося писателя и при этом отмечается новаторский язык его прозаических и поэтических произведений. На родине и за ее рубежами он известен еще и как философ, журналист, дипломат, деятель культуры, педагог и филолог-испанист, который преподавал историю испанской литературы в университете Мехико и написал исследования о литературе испанского Золотого века. Произведения Рейеса были изданы в 26 томах собрания сочинений (изд. 1955–1993), переведены на 15 языков. Наконец, международную литературную премию его имени, учрежденную в 1972 г., получили Хорхе Луис Борхес, Алексо Карпентьер, Анри Мальро, Хорхе Гильен, Карлос Фуэнтес, Октавио Пас, Марио Варгас Льоса и многие др., а сам он выдвигался на Нобелевскую премию 5 раз, и просто не дожил до нее!¹ Но эта статья посвящена тем

¹ Он умер в 70 лет, а мексиканский нобилеат О. Пас получил премию в 84!

обстоятельствам его жизни и творчества, которые остаются в тени и до сих пор не стали предметом исследований его наследия, хотя очень важны для его понимания.

Итак, А. Рейес, юрист по образованию, лидерские и организаторские качества которого, равно как и рано пришедшее к нему понимание необходимости реформы образования, позволили ему уже в 19 лет в 1908 г. стать одним из создателей «Атенея мексиканской молодежи», целью которого стало распространение новых эстетических взглядов и достижение культурной и духовной независимости Мексики. С 1910 г. он стал секретарем факультета перспективных исследований и начал преподавать. Завершив университетский курс, он в 1913 г. попытался начать адвокатскую практику, хотя уже с 1911 г. вел курс испанского языка и литературы в «Колео Насьональ» при Национальном автономном университете Мексики, но в 1913 г. направлен на дипломатическую работу в Париж. С началом 1 Мировой войны и захватом Франции Германией в 1914 г. Рейес едет на Кубу, а затем начинается его испанская ссылка 1914–1924 гг. – важнейший десятилетний испанский период его становления как писателя, литературного критика, философа и переводчика. Рейес становится известным журналистом, а скоро и признанным писателем. Он завсегдатай литературных тертулий (позже напишет об этом в эссе «*Tertulia de Madrid*»), начинает работать в Центре исторических исследований Мадрида под руководством Рамона Менендеса Пидаля, в 1919 г. участвует в редактуре и издании прозаического перевода «Песни о моем Сиде», затем он становится сотрудником «*Revista de filología Espanola*» и «*Revue Hispanique*». В том же году он назначен секретарем мексиканской комиссии «Франсиско дель Пако и Тронкосо» и национальной школы «Альтос Эстудьос» при университете Мехико. В это время он увлекается испанской идеалистической школой стилистки, эстетикой и философией В. Бенедетто Кроче, пишет работы по испанскому барокко, знакомится с Х. Ортегой-и-Гассетом, сотрудничает в его знаменитом журнале «*Ревиста де Орьенте*». В 1911 г. выходит программное эссе Рейеса «*Cuestiones estéticas*», а в 1912 г. – ставший знаменитым рассказ «Сена» – предшественник сюрреализма и магического реализма. Как отмечают его биографы – в то время Рейес бедствует, но отказывается от испанского гражданства, и именно поэтому не мог получить достойное место работы.

В это же время он и обращается и к переводческой практике – это для него одновременно литературная учеба и заработка.

Сотрудничество с мадридским издательством Кальпе для него начинается с переводов Маларме, затем он получает заказ на переводы Стерна и Честертона, а вскоре знакомится с очень интересным эмигрантом из России – Наумом Яковлевичем Коганом (1873–1943?). Этот русский литератор, журналист, прозаик, критик и переводчик, публиковавшийся под псевдонимом Н. Тасин, сразу после революции 1917 г. эмигрировал в Германию, затем оказался в Париже, откуда был выслан уже в 1918 г., и переезжает в Испанию.

Наум Тасин был одним из самых известных переводчиков еще в России, в 1910 г. переводил на русский П. Мериме, Э. Золя и др. В Мадриде он сотрудничал в нескольких издательствах, и особенно активно – в русофильском «Кальпе», перевел Л. Андреева, М. Горького, Чехова, Гарина, Короленко, Куприна, Шмелева, Кропоткина, Троцкого и Ленина. Как правило, Тасин сам писал предисловия к изданиям переводов, сначала переводил на испанский язык в паре с испанскими литераторами, а потом и самостоятельно. Ну а как писатель стал известен после публикации романа о нашествии марсиан – «Катастрофа» (1920 г.), который был переведен на немецкий, французский и испанский языки.

Именно вместе с ним Рейес предпринимает свой единственный перевод с русского – перевод чеховской «Палаты №6», выполненный в русле ранних европейских переводов с русского: в нем есть купюры, некоторая корректировка и улучшение текста оригинала, поскольку оба переводчика рассматривали французский язык и французскую литературную традицию как образец хорошего вкуса и стиля. Возможно, что вклад Рейеса ограничивался литературной обработкой и редактурой этого перевода, потому что в выходных данных первого издания этого перевода переводчиком значится только Н. Тасин – *Chekhov A. P. La sala número seis. Novelas y cuentos. Tr. por N. Tasin. Calpe. Madrid, 1919*¹. Однако в переизданиях фигурирует и имя Рейеса, а во всех справочных изданиях упоминается именно этот перевод, как единственный перевод с русского, выполненный Рейесом. Не вызывает сомнения то, что в выборе стилистических средств для передачи особенностей оригинала отражается и опыт работы Рейеса над переводами рассказов Честертона – он был большим поклонником

¹ Такое написание фамилии скорее всего свидетельствует о французском источнике перевода. В те годы переводы «с русского» обычно делались с французского перевода-посредника. Возможно, Рейес и переводил с перевода на французский, сделанного Тасиным.

художественной манеры этого англичанина, учился у него организации текста, восхищался созданными Честертоном образами (причем и английским-то он владел в то время не слишком хорошо). Ну а философское и мистическое содержание чеховской «Палаты №6» вполне отвечало эстетическим приоритетам молодого Рейеса.

В 1924 г. Рейес направлен на дипломатическую работу сначала в Париж, потом Буэнос Айрес, затем в Рио-де-Жанейро (1930–1935). В 1927–30 гг. он становится послом Мексики в Аргентине, где не просто знакомится с Х. Л. Борхесом, а каждое воскресенье обедает у него и ведет бесконечные философские и литературные беседы. Борхес чрезвычайно высоко оценивал А. Рейеса как писателя-реформатора испанского языка, Борхес часто упоминал Рейеса в своих речах, докладах и статьях, так только в переводном 4-томнике произведений Х. Л. Борхеса (пер. Б. Дубина) мы находим 17 упоминаний или рассуждений о деятельности Рейеса и стиле его произведений.

Вот что Борхес напишет о вкладе писателя в национальную литературу после смерти писателя в 1960 году:

...Думаю, что обновление испаноязычной прозы можно вместить в одно имя Груссак, как обновление стиха – в имя Дарио. Начинания обоих, в особенности первого, доведены Рейесом до высшей точки. Написанное им можно оценивать двояко: как само по себе, с его собственными тревогами и чарами, и как орудие, выкованное для нас, пользующихся языком сегодня. [...] Память Альфонсо Рейеса таила в себе бесконечность, позволяя открывать всякий раз новые, незаметные и отдаленные связи, словно все однажды услышанное или прочтенное им присутствовало здесь и сейчас, в какой-то зачарованной вечности. Это же самое каждый чувствовал, говоря с ним¹.

Отмечу, что в 1968 году, беседуя в Кембридже с американской журналисткой и переводчицей Ритой Гилберт, Борхес дает Рейесу удивительную по глубине и скрытым подтекстам оценку, коснувшись его перевода Гомера, до сих пор вызывающих споры в латинской Америке:

По моему мнению, лучшим прозаиком из пишущих на испанском языке по обе стороны Атлантического океана все еще является мексиканец Альфонсо Рейес. [...] Возможно, его упрекают за то, что он не сосредотачивался исключительно и постоянно на мексиканских темах, хотя о Мексике он написал очень много. Кое-кто не желает

¹ Цит. по: Хорхе Луис Борхес. Новые расследования (в пер. Б. Дубина). СПб, 2000. Т. 4. С. 730–731.

ему простить, что он перевел «Илиаду» и «Одиссею». Одно несомненно – после Рейеса стало невозможно писать на испанском языке по-прежнему. Он был весьма космополитичным писателем, изучавшим многие культуры¹.

В 1939 г. Рейес возвращается в Мексику, куда после установлении диктатуры Ф. Франко стекаются испанские республиканцы. Рейес организует для эмигрантов Дом Испании, сыгравший в культурной жизни Мексики очень важную роль, организацию, которая занималась не только поддержкой эмигрантов, но и по сути представляла собой ассоциацию левых интеллектуалов, писателей и преподавателей, активно сотрудничающих в литературных журналах, издательствах. Это было объединение увлеченных социальными преобразованиями единомышленников-реформаторов, представителей новой журналистики и литературной критики. Реформы системы образования и поддержки национальной мексиканской культуры требовали срочных мер, сходных с ситуацией в республиканской Испании в начале 30-х гг.: просвещения широких народных масс и развития национальных литературных школ.

И тут опять удивительный поворот, когда в одной точке нашей истории сходятся две истории: новые обстоятельства жизни Рейеса и героя, о котором я уже рассказывала – мужа М.-Л. Гонсалес – Хуана Висенса де ла Льяве², видного республиканца, уполномоченного по делам просвещения и народных библиотек в испанском правительстве во времена 2 Республики. Возможно, что с ним Рейес познакомился еще в Испании в 1938 г. И вот Висенс приезжает в 1940 г. Мехико и в 1940–1944 гг. занимается хорошо знакомой ему работой в качестве специалиста по библиотечному делу Федерального департамента Народных библиотек. Он публикует в 1942–44 гг. две книги: «Как организовать библиотеки» и «Пособие по каталогам-словникам». Затем Висенс обращается к издательской работе: сначала создает испанский (!) журнал «Арагон» (в 1943 г., а издается он с 1945 г.), в 1949 г. по его инициативе начинает публиковаться журнал по испанской культуре «Нуэстро Тьемпо». Журнал

¹ Цит. по указ изданию: Т. 4. С. 443–444.

² О годах учебы Хуана Висенса, его знакомстве и дружбе с Луисом Бунюэлем, Гарсиа Лоркой и Сальвадором Дали, женитьбе на М.-Л. Гонсалес и о его деятельности в республиканской Испании, а затем в эмиграции во Франции и Китае подробнее см.: Оболенская Ю. Л. Мария-Луиса Гонсалес: призвание и судьба Учителя // Вопросы иберороманистики. Выпуск 20. М., 2023. С. 51–63.

коммунистической направленности, где в числе прочих публикуются статьи Дмитрия Шостаковича («Мир, культура и народ») и Александра Фадеева («Гуманизм против войны»). Уже в 1945 г. при активном участии Рейеса создается Национальная высшая школа библиотекарей и архивистов – «Escuela nacional de Biblioteconomía y Archivonomía», где преподают испанские эмигранты и в том числе Висенс. И, наконец, отмечу, что в созданном А. Рейесом Национальном колледже при УНАМ (сейчас это «Колехио де Мехико») уже с 1939 г. начинается подготовка профессиональных переводчиков, и там также работают испанские эмигранты.

Возможно, именно в это время Рейес пытается осмыслить свой собственный опыт переводческой деятельности, и в частности, начатого им еще в Испании перевода «Илиады». Собственно, именно «Илиада» была предметом обсуждения еще в университете «Атенео...» в Мехико в 1909 г. Греческого языка Рейес не знал, так что это был, по-видимому, перевод с подстрочника, он так и остался неполным, однако был высоко оценен и читателями, и критикой. Особо отмечу, что вклад Рейеса в национальную традицию переводов авторов античной и современной литературы был подчеркнут участниками круглого стола «Диалоги по-женски с Альфонсо Рейесом», транслировавшегося он-лайн в 2021 г. из Альфонсийской капеллы Мехико. Поэтесса Эльза Кросс подчеркнула, что Рейесу так и не довелось увидеть перевод «Илиады» полностью опубликованным – вышли только 9 песен и отрывок из третьей части, хотя она до сих пор считает этот перевод лучшим переводом на испанский язык. Э. Кросс отметила и важнейшую его роль как создателя национальной переводческой школы: Рейес, поставив цель преодолеть угрожающий дефицит библиотечных фондов в образовательных центрах страны, стал мощным катализатором *академического перевода* в Мексике с конца 30-х гг. XX в. В свою очередь переводчик Хавьер Гарсиадьего отметил, что переводы рассказов Честертона, выполненные Рейесом, уже век переиздаются, оказывая влияние на мексиканскую литературу.

Сам Рейес размышляет о своем опыте переводчика и редактора издательства Кальпе, о проблемах и о самой природе переводческой деятельности в очерке «О переводе», опубликованном в сборнике «Литературный опыт» в 1942 г. в Буэнос-Айресе. Очерк свидетельствует о том, что Рейес не только был хорошо знаком с эссе Ортеги «Нищета и блеск перевода» (1936), но и другими суждениями о переводе и переводчиках. Так, в статье он упоминает сервантесовское

сравнение перевода с изнанкой ковра, «Диалог о языке» Вальдеса, трактат Шлейермакера «О лучшем методе перевода» (1814), приводит мысли о переводе писателей современников. А. Рейес пишет о стилистических расхождениях языков, о лексических проблемах перевода, о способах перевода ненормативной лексики и жаргонов, критикует приверженцев теории «непереводимости», причем его замечания никогда не декларативны, они всегда подкрепляются примерами из переводов. А. Рейес отмечает как парадокс то, что на начальном этапе изучения иностранного языка мы ярче видим его метафорическую природу и стилистические красоты. Именно признания переводчиков позволили ему глубже понять проблемы, чрезвычайно полезные и для стилистических исследований. Рейес при этом формулирует любопытный риторический вопрос: разве не опыт профессора английского языка привел Шарля Балли к его «Стилистике»? Не менее интересно и его описание стратегий, применяемых им при переводе, очень сходных с теми, что описывал много позже наш выдающийся переводчик Н. Любимов. Рейес рассказывает о своем разговоре с Г. Уэльсом о своем переводческом опыте, отмечая, что ему сложнее было перевести на испанский Л. Стерна, чем Честертона, потому что он «не находил готового шаблона, а для последнего (Честертона) у нас была проза Золотого века: концептизм, антитеза, парадокс. Но когда я переводил этих писателей, так же как и Браунинга и Малларме (...) мне пришлось похоронить правила как Лопе, забыть сомнения и размышления и немного предаться инстинкту»¹.

Была ли создана в Мексике национальная академическая школа перевода? Благодаря высокому престижу, организационному таланту и авторитету Альфонсо Рейеса профессиональная подготовка переводчиков в Мексике действительно началась раньше, чем в Южной и Северной Америке, но переводческой державой номер 1 в Латинской Америке Мексика так и не стала, ее опередили Аргентина и Куба. Но ведь история продолжается: от вошедшего в историю Мексики главным образом благодаря своей переводческой деятельности иезуита Дьего Хосе Абада-и-Гарсия (1727–1779), до известного своими переводами писателя Эдуардо Рабаса (род. В 1978 г.) – переводчика Оруэлла. Упомяну еще двух выпускников УНАМ, биография которых повторяет путь А. Рейеса: это поэт, переводчик, писатель, сценарист Хосе Эмилио

¹ Цит. по: *Damaso Lopez García. Teoría de la traducción. Antologá de textos*. Cuenca, 1996. P. 451.

Пачеко (1939–2014), и учился в УНАМ и возглавлял его библиотеку, прославился переводами с английского Уальда, Элиота, Беккета, Тенесси Уильямса. А известный писатель, литературный критик, переводчик и русофил – Серхио Питоль (1933–2018), также закончил УНАМ, потом бристольский ун-т, как и Рейес был дипломатом, даже выпросил для себя место в Москве, так как был влюблён в русскую литературу и творчество Л. Толстого, переводил А. П. Чехова и создал призванные в Латинской Америке классическими переводы Джейн Остин.

Переводческая деятельность Адольфо Рейеса, «лучшего испаноязычного прозаика всех времен» (по словам Борхеса)¹, как мы видим, была обусловлена уникальными обстоятельствами, тесно связана с Испанией, и в ней отражается судьбоносное, удивительное время. Не менее удивительными личностями оказались его наставниками – Р. Менендес Пидаль, Х. Ортега-и-Гассет, Н. Тасин, а коллегами, друзьями и сотоварищами были Х. Р. Хименес, Х. Л. Борхес и Х. Висенс. Разумеется, оценка его вклада в создание мексиканской переводческой школы должна учитывать и его неоценимый вклад в реформу университетского образования и народного просвещения в целом, в создание центров профессиональной подготовки переводчиков. И конечно главный его вклад – это полувековой поиск путей для формирования нового культурного пространства в Мексике.

Альфонсо Рейес давно превратился в культовую фигуру не только национального масштаба, об этом, в частности, свидетельствует то, что его дом в Мехико получил название *Capilla Alfonsina* – «Альфонсийская капелла», кто еще из писателей удостоен такой чести?

Литература

1. *Борхес Х. Л. Собрание сочинений. Т. 3, 4.* СПб, 2001.
2. *Chekhov A. P. La sala número seis. Novelas y cuentos.* Calpe. Madrid, 1919.
3. *Damaso Lopez Garcia. Teoría de la traducción. Antología de textos.* Cuenca, 1996.
4. Destacan la calidad de Alfonsو Reyes en la traducción de escritores clásicos y modernos // Inbal. Literatura. Boletín No. 286 – 07 de mayo de 2021. México.

¹ Это Борхес написал в лекции «Сегуера» (Слепота) в сб. «Siete Noches». Mexico. 1980. Цит. по: указ. соч., Т. 4, с. 125. Однако отметим, что эта цитата обычно приводится в исследованиях в усеченном виде, а полная фраза звучит так: «Альфонсо Рейес, лучший испаноязычный прозаик всех времен, говорил мне: “Груссак научил меня, как следует писать по-испански”». Речь идет о французе, ставшем известным аргентинским литератором, и по мнению Борхеса и Рейеса способствовавшем выработке нового стандарта мексиканской художественной прозы.

5. *Ortega y Gasset, J.* Miseria y esplendor de la traducción. Obras completas. T. 5. Madrid, 1976.
6. *Reyes A.* Cuestiones estéticas. Paris, 1911.
7. *Reyes A.* La experiencia literaria. Buenos Aires, 1942.
8. *Vicéns J.* España viva. El pueblo a la conquista de la cultura. Madrid, 2002.

Yulia L. Obolenskaya

Lomonosov Moscow State University
obolens7@yandex.ru

The Role of Alfonso Reyes Ochoa in the Creation of a National School of Academic Translation

Abstract: *The article is devoted to the almost unknown side of the work of the outstanding Mexican writer Alfonso Reyes – translation activity, the experience of his own translations from English, French and Russian languages as well as his activity on the creation of a national school of academic translation in Mexico. Are given the unknown data on his exile to Spain, his cooperation with a Madrid publishing house Calpe, with J. P. Menendez Pidal, N. Tasin, J. Vicens and the friendship with J. L. Borges, are also considered the theoretical provisions of his article “On translation”.*

Key words: *Alfonso Reyes; translations; national Mexican school of academic translation.*

УДК 82 (091)

Е. В. Огнева
МГУ имени М. В. ЛомоносоваАБОЛИЦИОНИСТСКАЯ ПРОЗА НА КУБЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматривается генезис и особенности распространенияabolиционистской литературы на Кубе, исследуется соотношение и сосуществование нефикционального и художественного ее извода. Сравнение «Автобиографии» Франиско Мансано и романов Ансельмо Суареса-и-Ромеро, Антонио Самбранны и Сирило Вильяверде способствует выявлению общих художественных закономерностей, которые отсутствуют в повести Гертрудис Гомес де Аvelьянеды «Саб». Анализ романтической поэтики и проблематики у Аvelьянеды дает возможность рассматривать «Саб» не только в парадигмеabolиционистской прозы своего времени, но и на пересечении культурных контекстов Старого и Нового Света.

Ключевые слова: кубинская литература;abolиционистская проза; романтизм в Латинской Америке; жанр «свидетельство»; Франиско Мансано; Гомес де Аvelьянеда; Сирило Вильяверде.

Первая и главная ассоциация, которая возникает у так называемого широкого читателя, когда тот слышит словосочетание «abolиционистская литература», – это, конечно же, художественный мир, созданный американской писательницей Хэрриет Бичер-Стоу, автором романа «Хижина дяди Тома». Его антирабовладельческий пафос и огромный успех у публики, переводы на все основные языки и огромные тиражи переизданий закрепили за США славу родины и главной «зоны» литературногоabolиционизма. Роман был впервые напечатан в 1851–1852 гг. и, что весьма знаменательно, имел некий литературный первоисточник – мемуары бывшего раба Джосайи Хэнсона, опубликованные в 1849 году¹.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что пальма первенства здесь все же не принадлежит американцам! В испанской и португальской Америке рабовладение было отменено значительно позже, чем в США –

¹ Подробнее об этом см. [Толмачев, с. 19–21].

в 1886 году на Кубе и в 1888 году в Бразилии, соответственно, и литература, в той или иной мере стремящаяся заклеймить рабство, появилась точно уж не позже, а в ряде случаев раньше, чем в США – и ее появление было сопряжено с трудностями и опасностями для авторов. Так, на Кубе аболиционистский нарратив (и я имею в виду как фикциональные, так и нефикациональные жанры) официально был под запретом и карался колониальными властями¹.

И тем не менее он существовал. А мир узнал о нем благодаря Доминго дель Монте (1804–1853), критику, просветителю и меценату, собиравшему на свои знаменитые «чтения», *tertulias*, поэтов, прогрессивных публицистов и просто ценителей литературы. В числе его друзей был английский торговый атташе, путешественник и переводчик Ричард Роберт Мэдден, убежденный противник рабства, призывавший дель Монте затеять рискованный аболиционистский проект – отпрать запретные тексты для издания в Европе. Но эти тексты надо было еще создать!

И тут идеальной кандидатурой оказался чернокожий поэт Хуан Франсиско Мансано (1797–1854). Это был раб, сын домашней прислуги в доме маркизы Мансано, чью фамилию он по тогдашним правилам носил. Франсиско Мансано – гениальный самоучка, обладавший феноменальной памятью на стихи. Талантливый импревизатор, он стал литератором задолго до того, как на третьем десятке лет выучился грамоте. Доминго дель Монте и его единомышленники выкупили Мансано за значительную по тем временам сумму в 800 песо, собрав деньги по подписке.

И вот этому-то бывшему рабу и поступает заказ на создание мемуаров, и из-под его пера выходит «Автобиография» – это происходит на несколько лет раньше, чем в случае с Хэнсоном в США.

Мансано понимает, что его жизнь – материал для романа, для него как поэта – сюжет искусственный, заманчивый, но проза не его конек, и он старается – но создает документ, стремясь быть точным. Вот он – малыш, любимая живая игрушка любой старой маркизы, которой

¹ Строго говоря, историю аболиционистского нарратива на Кубе можно отсчитывать с даты выхода трактата Франсиско Аранго и Пареньо «Рассуждение о сельском хозяйстве в Гаване и методах его усовершенствования» (*Discurso sobre la Agricultura en la Habana y medios de fomentarla*, 1792). В своей истории литературы Латинской Америки Раймундо Ласо приводит в пример это философско-экономическое сочинение как текст, где впервые прозвучала хлесткая характеристика рабовладения – «*miserable comercio y fraude organizado*» [Lazo, p. 372].

не мешает, что ее любимец сидит рядом, пока она развлекается рыбной ловлей, и вслух сочиняет коплы и десимы...

А вот следующую хозяйку, дочь маркизы, это пристрастия раба к сочинительству просто бесит – и она идет на всевозможные неблаговидные уловки, чтобы застать юного импровизатора за чтением стихов, уличает, унижает и жестоко наказывает! Мансано не бунтарь, он стойчески переносит то, что считает «злосчастьем» – за фигурай жестокой хозяйки не видит всей жестокой общественной системы¹. И все же – ему принадлежит афоризм «раб – это мертвый человек». В XX веке его соотечественник – прекрасный кубинский поэт Синтио Виттер сравнил Мансано с «пламенем, прикованным к питающему его горящему стволу» – дитя рабства, он на свой лад увековечит свое время...

Однако «Автобиография», этот образчик конфессиональной прозы (сейчас мы называем этот жанр *testimonio*) грешит такими стилистическими сбоями, грамматическими ошибками, так походит на разговорную речь, что дель Монте вынужден пригласить редактора². Тогда с материалом начинает работать писатель Суарес и Ромеро (1818–1878), который сокращает историю раба, убирает повторы, шлифует стиль – и настолько втягивается в процесс, что параллельно создает свое собственное художественное произведение – роман «Франсиско, или Сельские радости» (*Francisco, o Las delicias del campo*).

Отправной точкой становится история Мансано, но она превращается в рассказ о смерти любящих друг друга невольников Доротеи и Франсиско, которых жестокий хозяин сахарной плантации из ревности к красавице-рабыне разлучает и доводит до самоубийства... Для того, чтобы погрузиться в материал, Суарес и Ромеро уезжает в собственное имение, на сахарный завод – и, изучая быт, речь и условия жизни рабов, воочию видит те чудовищные лики рабства, о которых не задумывались горожане, получающие из инхенио сахар. И все же

¹ Опубликованное вместе с «Автобиографией» стихотворение «Мои тридцать лет» (*Mis treinta años*) – это «ропот», «пени», упреки жестокому року вполне еще в духе классицистической поэтики: «Cuando miro el espacio que he corrido // Desde la cuna al presente día // Tiemblo... Treinta años que en gemidor estado // Triste infortunio por doquier me asalta...» [Manzano, p. 60].

² Удивительно, что человек, который так легко и изящно версифицировал, оказался столь безграмотным и неуклюжим, столкнувшись с необходимостью уйти от литературных условностей и обратиться к «смиренной прозе»: «...si tratara de aser un escato resumen de la istoria de mi vida...» [там же, р. 80]!

из-под его пера выходит роман об «издержках», о ревности и домогательствах белого сеньорито – а опять-таки не о системе в целом.

Сальвадор Буэно справедливо замечает, что писатель руководствуется прежде всего «религиозными соображениями», видит не социальное зло, а нарушения христианской этики и призывает к нравственному совершенствованию хозяев [Bueno, p. 181].

Однако нельзя недооценивать и ту совершенно новую составляющую, из которой вырастет впоследствии костумристская проза. В романе Суареса и Ромеро уже намечается дифференцированное изображение колоритной «черной массы». Там своя иерархия («домашние» рабы презирают «тех, с плантации», а невольники, родившиеся на Кубе, хорошо говорящие по-испански, с пренебрежением относятся к «дикарям», которых только что завезли из Африки; мулаты считают себя более достойными, чем негры, но, в свою очередь, уступают квартеронам, и т. д.)...

Так в 1838–1839 гг. – задолго до выхода «Хижины дяди Тома» – начинает реализовываться эффектный и парадоксальный замысел: раб и рабовладелец должны выступить под единой обложкой, единым фронтом, создать некий диптих – фикциональный и нефикциональныйabolиционистский текст.

Этому замыслу суждено было осуществиться лишь отчасти: автобиография – как и стихи – Франсиско Мансано сначала пришла к своему читателю в Великобритании (но не на Кубе!) в переводе Мэддена, а вот рукопись романа «Франсиско...» была надолго утеряна и увидела свет лишь в 1880 году в Нью-Йорке... Однако говорить, что из-за этого следует сделать вывод об отсутствии преемственности в кубинскойabolиционистской прозе, все же нельзя.

Так, еще совсем юным, кубинский писатель Антонио Самбрана (1846–1922) слышит, как Ансельмо Суарес и Ромеро читает на одной из «тертулий» свой роман – и годы спустя, все еще под впечатлением от услышанного, пишет свой вариант – повесть «Негр Франсиско» (El negro Francisco, 1879). В принципе сохраняя фабулу «прототекста», историю невозможной любви раба и рабыни, их мучений и смерти, он добавляет новый, продиктованный другой эпохой, элемент – особый документальный фон, апеллирует к современным ему судебным репортажам. В газетах того времени печатались сведения о процессе над хозяевами-изуверами, до смерти замучившими рабыню.

Процесс над хозяйкой, которой вскоре удалось избегнуть уголовного преследования, в те годы уже относился к сенсационным делам

и освещался в прессе – его материал и позволил достичь того эффекта, к которому в 1830-е годы стремился Мэдден: Самбране удалось спрятать документ и литературу. Однако и этот текст не пришел к его соотечественникам: писатель опубликовал «Негра Франсиско» в Чили, куда был вынужден отправиться в эмиграцию.

В конце 1830-х годов, когда Дель Монте и Мэдден готовили аболиционистский материал для отправки в Европу, молодой, амбициозный журналист и начинающий писатель Сирило Вильяверде (1812–1894) создает небольшую повесть, которой суждена яркая судьба не только в кубинской, но и в мировой культуре. Она называется «Сесилия Вальдес» (*Cecilia Valdés*). Писатель вводит в культурный обиход образ «бронзовой мадонны», соблазнительной мулатки – роковой женщины и, одновременно, жертвы: вольная цветная не знает своего происхождения, не догадывается о родстве с белым возлюбленным и, стараясь его удержать, невольно становится причиной его гибели.

На протяжении почти четырех десятилетий это произведение дорабатывается, панорама кубинской действительности в нем все расширяется, и в том виде, в котором оно прославило писателя, выходит в 1879 году – и выходит опять-таки не на Кубе, а в США, где в эмиграции живет и работает Вильяверде. Успех романа «Сесилия Вальдес или Холм Ангела» (*Cecilia Valdés o la Loma del Angel*) был колоссальным. Достаточно сказать, что он несколько раз экранизировался, по нему сняты сериалы, написано либретто известной оперы, ставятся спектакли, рисуются комиксы – а главной героине в Гаване поставлен памятник близ церкви дель Анхель Кустодио.

Место для памятника выбрано знаковое, оно связано с подзаголовком романа. Этот урбаноним – Холм Ангела – отсылает к городской легенде, согласно которой дьявол, надев личину белого сеньорито, завлек и погубил цветную девчонку. Только в романе все будет наоборот – ревнивая квартиронка Сесилия «закажет» убийце свою счастливую соперницу, а тот, изменив заказ, в день свадьбы убьет жениха. Этот зловещий финал подарит кинематографу XX века эффектный кадр – кровь жениха на белом атласном платье невесты...

Виртуозно используя сложившийся к тому времени набор узнаваемых клише («белый хозяин-разлучник», «инцест как следствие рабства», «добрая белая госпожа») писатель создает художественный текст, где сплетаются жанровые конвенции любовного, политического, костумристского – и, конечно же, аболиционистского романа.

В конце 1870-х годов XIX века довольствоваться жанром, отформатированным Суаресом и Ромеро, стало уже недостаточно – и Вильяверде делает все возможное, чтобы преодолеть наивную простоту предшественника. Отсюда и многозадачность. Тут и обличение лицемерных усилий европейских государств, якобы препятствовавших рабовладению на Кубе: закон о запрете трафика рабов, по сути, не отменял самого факта рабовладения. С горькой иронией Вильяверде описывает эпизод с массовым утоплением живого товара: потерпевшие от смерти перевозимых рабов будут в разы меньше штрафа за их ввоз из Африки, если рабовладельческое судно будет остановлено британскими инспекторами... Тут и шокирующее описание негра-висельника среди райских кущ имения Ла Тинаха: хваленный Эдем оборачивается адом для своих черных пасынков – так романтическая мифологема «Америка-Рай» переворачивается, превращаясь в свою противоположность.

Эти аллюзии продолжают традицию, заложенную еще Мансано – яркая галерея образов негров-«мучеников» у нескольких поколений семьи Гамбоа противостоит галерее счастливых негров благородной семьи Илинчета. Тех делают чем-то вроде младших членов патриархальной семьи, они изображены как восторженные «дети», наивные и благодарные юной госпоже...

Вильяверде изображает и стремление к самоидентификации складывающейся молодой нации, и позитивистские попытки определить ее гены: какие черты от испанцев, какие – от креолов, какие – результат так называемого «плавильного котла», метисации.

Эти размышления, впрочем, приводят к двусмысленному выводу, результат этой метисации не идеализируется: Сесилия Вальдес, своевольная, неукротимая, наделенная чертами романтического индивидуализма – далеко не только жертва¹. Работает знаменитый афоризм Доминго дель Монте: «*Cómo contamina la esclavitud a esclavos y amos!*» (цит. по [Lazo, p. 388]).

Таков, в общих чертах, контекст кубинской аболиционистской прозы.

Но есть одно произведение, которое считается его классическим вариантом, во всех учебниках и историях литературы занимает прочное место между, условно говоря, «первым аболиционизмом» и произведениями 1870–1880-х годов XIX века. Это роман «Саб» (Sab)

¹ Подробнее об этом см. [Огнева].

Гертрудис Гомес де Авельянеды (1814–1873), «прекрасной креолки», как называли ее в Испании, и «прекрасной испанки», как называли ее на родной Кубе. «Саб» задумывался на Кубе в 1836 году, а свет увидел в Испании в 1841 году, ибо на родине писательницы цензура его запретила. Этот запрет и стал первым – формальным – основанием для последующего причисления книги к аболиционистской прозе.

Строго говоря, если исходить из самого значения слова «аболиционистский», т. е. «призывающий к отмене рабства», то следовало бы решительно пересмотреть весь список литературы о страданиях рабов. В этом смысле спасительной окажется формула, предложенная аргентинским литературоведом Эмилио Карильей еще в середине XX века. С его точки зрения, на Кубе создавались: «...романы, в которых с различными оттенками находит выражение проблема рабства или различные его социальные проявления» [Карилья, с. 284].

Однако «Саб» явно стоит особняком в списке аболиционистских романов. Прежде всего следует отметить, что Гомес де Авельянеда не политик, не борец, а женщина, наделенная редким лирическим даром, самобытная поэтесса и переводчик, полжизни она провела в Европе – и то, что отстаивали Дель Монте, Суарес и Ромеро, Феликс Танко и др. (право негра считаться человеком), для нее естественный очевидный порядок вещей¹.

В этом произведении многое, если сравнить с аболиционистским каноном, «наоборот» или по крайней мере смягчено. Так, светлый мулат Саб, управляющий в семье землевладельца из провинции Матансас, вырос вместе с красавицей Карлотой, хозяйствской дочерью, чуть ли не на правах «полуродственника», и его не только никто не угнетает, но все любят. Формально он раб этой семьи – но за свою верную службу получает вольную. Он не изгой и не нищий – судьба благоволит к нему, позволяя выиграть в лотерею значительную сумму. И если у Мансано или рабов-симарронов в романе Вильяверде есть все основания считать себя «мучениками» и вписать свои имена в кубинский мартиролог – Саб становится скорее «мучеником любви». Здесь не работает клише «злой хозяин», традиционный ролевой расклад аболиционистского романа переворачивается: теперь уже белый сеньор

¹ Английская исследовательница Б. Пастор – одна из тех немногих, кто отмечает, что «Саб» является не только и не столько аболиционистским романом. По мнению Пастор, пафос его довольно противоречив (ему присущи *«mensajes contradictorios»*), что она связывает с происхождением писательницы: Гомес де Авельянеда – плоть от плоти того общества, которое губит Саба [Pastor, p. 34].

становится счастливым соперником раба. Раб, а не белый, снедаем ревностью и умирает от любви – в переносном и прямом смысле!

Писательница, творчески воспринявшая уроки мадам де Сталь и Жорж Санд, создает характер, структурированный по романтическим законам. Снедаемый «одной, но пламенною страстью», Саб, однако же, не просто клянет судьбу за то, что не любим, но ропщет на тот *порядок*, который заведомо отнимает у него шанс быть любимым. Лейтмотивом звучат его ламентации – «*Soy mulato y esclavo!*» – но унижает его не столько социальный аспект проблемы (он преодолел эти преграды), а психологический!

Это совершенно новое слово в аболиционистском нарративе. С одной стороны, это осознание себя *другим*, особым – наследие европейской романтической прозы¹. С другой, и это важно, – это следствие понимания Сабом того, что Карлота не может воспринимать его как мужчину, потенциального возлюбленного – он «*саб*», милый, но принадлежащий семье, как мебель.

Здесь звучат совершенно новые ноты, более широкие обобщения. Саб, любимый рабами на плантации, по его признанию, легко мог бы поднять восстание, «утопив все в крови» – но не станет. Ибо он не волен изменить *сознание* хозяев, заставить Карлоту себя полюбить. Трагедия бывшего раба переводится на другой, более широкий уровень: гармония природы нарушена, недолжный порядок вещей заставляет его говорить о том, что у него «подрезаны крылья»²: Саб жаждет не только социального равенства, но полета, он шекспировского масштаба личность. Он опоздал родиться, время и место – его худшие

¹ Другой, непохожий, противопоставленный/противостоящий окружению – для Гомес де Авельянеды это универсальная романтическая категория. Не случайно «линия Саба» в романе развивается параллельно с «линией Тересы», еще одного персонажа, который и сопоставим с Сабом по силе страсти, по силе мятежного духа и так же обделен при рождении, и так же бесправен. Ницца белая бесприданница, воспитанница-компаньонка в семье Карлоты, Тереса отличается от Саба лишь цветом кожи. Но, как показывает писательница, ее «стартовые возможности» в патриархальном обществе столь же ничтожны, что позволяет девушки увидеть в Сабе родственную душу. Бунт женщины Гомес де Авельянеда позже изобразит в романе «Две жены» (1846), а впоследствии образ *другого* будет ею воссоздан в новелле «Русалка из Голубого Озера» (*La Ondina del Lago Azul*, 1850) – там это будет романтический поэт, юноша, погибающий из-за стремления к Абсолюту. Таким образом выстраивается «галерея *других*», романтических максималистов, где история Саба – лишь один пример из многих.

² «...Mi corazón abrasado de amor y de celos palpitó por primera vez de indignación, y maldije a la naturaleza que me condenó a una existencia de nulidad y oprobio...» [Gomez de Avellaneda, p. 132]. «No he podido encontrar entre los hombres la gran harmonía que Dios ha establecido en la naturaleza» [Gomez de Avellaneda, p. 206].

враги, ему не суждено стать мавром Отелло – суждено кануть в безвестность.

Такова в целом картина аболиционистской литературы, которая позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, эта проза явно не вторична по отношению к североамериканской, хронологически симультанна или опережает ее.

Во-вторых, поскольку все произведения, о которых здесь шла речь, были впервые опубликованы не на Кубе (а в Великобритании, Испании, Чили и США), то это, конечно же, не позволяет говорить об их своевременной рецепции кубинской читательской аудиторией – к современникам они шли окольными путями и пришли с большим опозданием. Следовательно, говорить о «влиянии» приходится с осторожностью, как и об «эволюции». Не было открытого и доступного современникам континуума, общего контекста.

И тем не менее из этих разрозненных литературных памятников феномен кубинской аболиционистской прозы сложился, и это парадоксальное и яркое явление стало фактом и частью мирового литературного процесса.

Литература

1. Карилья Э. Романтизм в Испанской Америке. М., Прогресс, 1965. 469 с.
2. Огнева Е. В. В поисках идентичности: рабыня, полукровка, сеньора // Литература двух Америк, издательство ИМЛИ им. А. М. Горького РАН (Москва), 2020, № 9. С. 261–282.
3. Толмачев В. М. Хэрриет Бичер-Стоу и ее роман «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» // Бичер-Стоу Х. Хижина дяди Тома или Жизнь среди униженных. М., Издательство Сретенского монастыря, 2010. 780 с.
4. Bueno S. La narrativa antiesclavista en Cuba de 1835 a 1839 // Cuadernos hispanoamericanos, 1988, nn. 451–452. P. 169–186.
5. Gomez de Avellaneda G. Sab. La Habana, Ed. del Consejo nacional de cultura, 1963. 228 p.
6. Lazo R. Historia de la literatura hispanoamericana. Tomo 2. La Habana, Instituto del libro, 1969. 457 p.
7. Manzano J. F. Autobiografía de un esclavo. Ed. de I. A. Schulman, Madrid, Ediciones Guadarrama, 1975. 160 p.
8. Pastor B. M. El discurso abolicionista de la diáspora: el caso de G. Gomez de Avellaneda y su novela «Sab» // América sin nombre, N 19, 2014. P. 34–42.

Elena V. Ogneva
Lomonosov Moscow State University
ognelen@hotmail.com

Abolitionist Prose in Cuba in the First Half of the 19th Century

Abstract: *The article examines the genesis and features of the spread of abolitionist literature in Cuba, and studies the relationship and coexistence of its non-fictional and artistic recensions. The comparison of Francisco Manzano's "Autobiography" and the novels of Anselmo Suarez y Romero, Antonio Zambrana, and Cirilo Villaverde helps to identify common artistic patterns that are missing in Gertrudis Gómez de Avellaneda's story "Sab". The analysis of Avellaneda's romantic poetics and problematics allows one to consider "Sab" not only in the paradigm of abolitionist prose of its time, but also at the intersection of the cultural contexts of the Old and New Worlds.*

Key words: Cuban literature; abolitionist fiction; Romanticism in Latin America; genre of "testimony"; Francisco Manzano; Gómez de Avellaneda; Cirilo Villaverde.

УДК 791.43/.45

Л. В. Ростоцкая

Институт Латинской Америки РАН

**КИНЕМАТОГРАФ МИГЕЛА ГОМИША:
ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО СТИЛЯ**

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности авторского стиля Мигела Гомиша, одного из наиболее своеобразных кинематографистов нашего времени. Уникальный творческий метод португальского режиссёра основан на сочетании приверженности традициям национального и мирового кино и увлечения экспериментальными художественными моделями. Культурологический анализ фильмов Гомиша позволяет сделать вывод о присущих его творческому мышлению особенностях: пристрастии к документальному жанру в различных комбинациях с игровыми формами и интересу к экзистенциальным граням бытия.

Ключевые слова: своеобразие авторского стиля; использование документальных и игровых художественных форм.

Португальский кинематограф стал в последние десятилетия одним из самых своеобразных направлений мирового кино. В большой степени это связано с его глубокой приверженностью национальным традициям, которая сочетается с постоянным поиском новых художественных форм. В авторском стиле режиссёра Мигела Гомиша проявляются обе эти особенности. Из-за его неукротимой страсти к экспериментам его часто называют ниспровергателем канонов. Вместе с тем каждый его эксперимент, каким бы причудливым он ни выглядел, всегда соотносится с реальностью и её проблемами, а каждый фильм становится своеобразной перекличкой с традициями и национального, и мирового киноискусства.

Смешивая в своих фильмах разные стили, жанры, отказываясь от правил и стереотипов, Гомиш создаёт уникальное художественное пространство, в котором царят свои особые законы, законы импровизации и игры. Его творческий метод отличает пристрастие к использованию документальных форм, что вообще характерно для эстетики современного игрового кино, стилизованного под документ. В свою очередь методы игрового кино используются в документальных

постановочных лентах, которые называют «инсценированными документами». Конечно, это взаимопроникновение двух разных видов киноискусства нельзя назвать недавним изобретением. Например, на стыке игрового и документального кино работали режиссёры нового кино Латинской Америки ещё в 1960-е–1970-е гг.

Но только в современном кинематографе грань между документальным и игровым жанрами становится вообще условной, что и демонстрирует творчество Мигела Гомиша. Каждый его фильм приобретает необычную, даже уникальную форму. Он как будто конструирует, изобретает реальность, смело нарушая те правила, которые кажутся ему абсурдными, разделяя мнение Жан-Люка Годара о том, что правила существуют для того, чтобы их нарушали.

Ещё один из почитаемых Гомишем мастеров, знаменитый французский кинорежиссёр Ален Рене, размышляя о тесной связи времени и человеческой личности, полагал, что время не подчиняется линейному описанию: прошлое, настоящее и будущее, что оно «хаотично». По мнению Рене, традиционное построение фильма больше не соответствует современному жизненному ритму, полному конфликтов и противоречий. Известный российский культуролог, учёный-философ К. М. Долгов, размышляя о новом кинематографическом языке, созданным Аленом Рене, писал о том, что «он не порывал до конца с реальностью, но изобретал неведомые ранее художественные построения, которые сводили естественные связи, а также саму реальность до минимума» [Долгов, с. 11].

В свою очередь Гомиши подчёркивает, что чрезмерная продуманность в режиссуре его раздражает и что его фильмы развиваются по собственным законам. Сравнивая себя с архитектором, построившим дом только до половины, он говорит, что и сценарий пишет только до половины, подчиняясь своему внутреннему посылу. Но затем он, по его выражению, «отпускает» фильм, и начинается Игра, то есть непредсказуемое неуправляемое движение, столкновение разных потоков и течений мысли. По мнению режиссёра, во время съемок надо быть готовым ко всему: действие фильма может повернуться в сторону, не подвластную законам логики.

Темой его первого полнометражного фильма «Лицо, которое ты заслуживаешь» (2004 г.) стала абсурдность многих общепринятых правил. Руководствуясь португальской поговоркой о том, что «до 30 лет у тебя то лицо, которое дал Господь, а после 30 – то, которое ты заслуживаешь», Гомиши снял фильм о человеке, переживающем кризис

среднего возраста и осознавшем, что для того, чтобы изменить жизнь, все прежние правила надо забыть. А забыть их ему помогают семеро гномов, которые выглядят как его ровесники, но ведут себя как десятилетние мальчишки: разыскивают клады, играют в прятки, верят в волшебство, помогая, таким образом, герою фильма обрести душевное равновесие.

В следующей ленте «Наш любимый месяц август» (2008) органично сочетаются особенности документального и игрового жанров. В ней проявилось ещё одно творческое пристрастие режиссёра, один из любимых его приёмов – «фильм в фильме», демонстрирующий сам процесс съёмки. Но в отличие от знаменитых фильмов этого ряда, среди которых «Восемь с половиной» Федерико Феллини, «Всё на продажу» Анджея Вайды, в этой ленте Гомиша превалирует документальная, а не игровая стилистика. Сюжетные линии лишь намечены, обозначены, напоминая эскизы, а её героями стали не профессиональные актёры, а жители тех мест, где проходили съёмки. Каждый кадр фильма транслирует глубокую привязанность, любовь его автора к простым людям, к своей стране. Сюжет постоянно прерывается выступлениями музыкальных групп португальской провинции, создавая ощущение подлинности, самобытности. «Наш любимый месяц август» – название одной из звучащих в фильме композиций. И вновь прослеживается присущая эстетике режиссёра особенность, состоящая в том, что игровые постановочные сцены снимаются в документальной стилистике, органично вписываясь в завораживающее пространство ленты, в которой будничное, повседневное так легко и органично соприкасается с нездешним.

Каждая лента Гомиша, как бы своеобразна она ни была сама по себе, становится перекличкой с традициями и национального, и мирового кинематографа. Так, один из самых известных его фильмов «Табу» (2012), в котором так ощутимо влияние эстетики португальских режиссёров Жоао Сезара Монтеиру, Мануэля ди Оливейры и Педру Кошты, воспринимается и как прямая реминисценция на фильм «Табу» (1931) немецкого режиссёра-экспрессиониста Фридриха Мурнау, также никогда не считавшегося с правилами и стереотипами.

В этом фильме Гомиша сочетание документального и игрового начал образует ещё одну оригинальную конфигурацию. С одной стороны, главным определяющим его художественную форму приёмом становится стилизация под документ – вплоть до использования чёрно-белой плёнки эпохи немого кино. В то же время фильм скорее игровой

и не столько из-за участия в нём профессиональных актёров, сколько из-за сложно выстроенной драматургии. Перетекающие друг в друга истории, происходившие в разные эпохи (1920-е, 50-е и 2000-е годы), сняты в разной стилистике, но образуют при этом единое пространство, отдельные части которого отрепетированы и озвучены, а остальные создают ощущение чистой импровизации. Каждый из разнородных пластов фильма дополняет друг друга, рассказывая и о любовной драме, и о событиях национальной истории.

В необычной структуре фильма звучат отголоски традиций не только национального кино (прежде всего, его ведущих режиссёров Жоао Сезара Монтейру, Мануэла ди Оливейры, Педру Кошты), но и прослеживается прямая реминисценция на фильм «Табу» (1931) Фридриха Мурнау. Лента Гомиша – своего рода перекличка со знаменитым немецким режиссёром-экспрессионистом, также отрицавшим все правила и стереотипы. Благодаря ей Гомиш получил мировое признание, завоевав ряд очень значимых кинопремий (в частности, премию Международной Федерации кинопрессы ФИПРЕССИ).

Еще одним творческим экспериментом Гомиша стал фильм «Тысяча и одна ночь», участвовавший в программе «Двухнедельник режиссёров» Каннского фестиваля 2015 года. Конечно, это не экранизация знаменитых сказок. По словам режиссёра фильм посвящён стране, переживающей глубокий кризис. Считая, что нельзя сохранять невозмутимость и спокойствие в тяжёлое для страны время, он облёк свой патриотический порыв в экстравагантную, как всегда, форму, «скрестиив», по его выражению, стилистику восточной сказки с документальным анализом ситуации в стране. Результатом такого удивительного «скрещивания» стал фильм-эпопея длительностью 6 часов и состоящий из 3 частей, у каждой из которых не только своё название («Беспокойный», «Опустошенный», «Зачарованный»), но и своя стилистика, своя логика развития сюжета, и каждая может считаться отдельным законченным произведением. Столь нестандартную длительность своей ленты Гомиш объяснил, давая интервью во время кинофестиваля в Каннах, тем, что она задумывалась как «портрет Португалии в течение целого года, а книга “Тысяча и одна ночь” использовалась в качестве матрицы, чтобы придать ей больший охват» [Miguel Gomes...].

И, как всегда, Гомиш и здесь нарушает все правила и запреты, сняв фильм, который по количеству символов, аллюзий и метафор превзошёл все его предыдущие работы. В то же время в нём присутствует

реальный социальный и политический контекст, достаточно сказать, что начинается фильм с документальных кадров о закрытии судостроительной верфи в Португалии. И хотя это не экранизация знаменитых сказок, в своём фильме Гомиш проводит параллель между сказками и политическим пустословием. В фильме есть и персонаж по имени Шахерезада, а её первая сказка снята в жанре политической сатиры – о недееспособности чиновников Еврокомиссии. Завораживающие сказки Шахерезады и никчёмные речи политиков автор фильма ставит в один ряд.

В одном из интервью режиссёр говорит, что он не хотел замыкаться только на экономическом коллапсе, но собирался затронуть и социальный, и моральный кризис общества, уточняя при этом, что сам он, будучи режиссёром, умеющим лишь «придумывать историю», не знает пути к процветанию.

Последним кинематографическим проектом Гомиша, снятым им совместно с режиссёром Морин Фазендейру, стал фильм 2021 года «Дневники атсугва» (Дневники августа). Действие фильма развивается в обратном направлении, что отражает и его название: *Diarios di otsoga*, то есть *Diarios di Agosto*, в котором «agosto» написано наоборот. Он был снят во время локдауна в сентябре – августе 2020 года. Сюжетно несложный фильм о том, как трое молодых людей скрываются от пандемии на природе, становится философским размышлением на тему вынужденной обездвиженности, в которую погрузился в тот период весь мир. Идиллические пейзажи португальской провинции сочетаются в нём с тревожным ощущением присутствия некоей запредельной сущности, силы, которая и определяет всё происходящее. Сначала у героев ленты возникает прекрасное чувство летней расслабленности и безмятежности, но постепенно чудесные пейзажи начинают восприниматься как замкнутое пространство, почти тюремная камера, которую нельзя покинуть. Как и в других своих фильмах, Гомишу удается обозначить легко проницаемую, почти несуществующую грань между реальным и запредельным, и тогда интонация фильма приобретает метафизический оттенок. И, повторяя его любимый приём, игровая сюжетная линия время от времени перемежается документальными эпизодами, запечатлевшими обсуждение хода съёмок.

Каждый фильм Гомиша – всегда эксперимент, импровизация, игра. И в каждом скрыта загадка, которую не разгадать, загадка сродни той тайне, которую Луис Бунюэль считал основой всякого произведения. По мнению великого испанского режиссёра «фильмам обычно

не хватает основного элемента всякого произведения искусства – тайны. Сценаристы, режиссёры, продюсеры слишком заботятся о том, чтобы не нарушить нашего спокойствия, и оставляют чудесное окно экрана закрытым в освобождающий мир поэзии» [Бунюэль, с.140–141]. В творчестве Гомиша тайна органично вплетается в реальность, а вымысел и игра неотделимы от документального начала.

Одним из многочисленных призов, полученных Гомишем, стал приз Альфреда Бауэра (на Берлинале 2012 г.) «За расширение горизонтов киноискусства» – в высшей степени удачная дефиниция своеобразного и причудливого творчества португальского режиссёра.

Литература

1. Бунюэль Л. Поэзия и кино // Луис Бунюэль. Коллективный сборник / Отв. редактор Л. Г. Дуларидзе. М., Искусство, 1979. С. 139–144.
2. Долгов К. М. Память и забвение. Коллективный сборник / Сост. Л. Зальялова и М. Шатерникова. М., Искусство, 1982.
3. Miguel Gomes: «Pour “Les Mille et Une Nuits” je suis aller presque tres loin», Available at: www.Telerama.fr.cinema-gomes-pour-les-Mille-et-une-nuits, Festival de Cannes juin 24, 2015. Telerama (accessed 14.05.2022).

Lidia V. Rostotskaya

Senior Researcher of Institute of Latin American of RAS
li-ros@mail.ru

Cinematography by Miguel Gomis: Features of the Author’s Style

Abstract: The article examines some features of the author’s style of Miguel Gomis, one of the most peculiar cinematographers of our time. The Portuguese director’s unique creative method is based on a combination of commitment to the tradition of national and world cinema with a passion for experimental artistic models. A cultural analysis of Miguel Gomes’ films allows us to conclude about the inherent features of his creative thinking: a predilection for the documentary genre in various combinations with game forms and an interest in the existential facets of being.

Key words: the originality of the author’s style; the use of documentary and game art forms.

УДК 39

Е. С. Соболева

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН

ЗАМЕТКИ Г. Г. МАНИЗЕРА О КУЛЬТУРЕ БРАЗИЛИИ 1914–1915 ГГ.

Аннотация: Участники Второй Русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. начали свои исследования в бразильском штате Мату-Гросу и продолжили в соседних районах, в основном в лесной и степной зоне. Натуралисты оставили богатое рукописное наследие, в том числе заметки о культуре и быте тех регионов, в которых они жили. Дневник Генриха Генриховича Манизера является важнейшим источником по этнографии Бразилии. В его дневниках, тесьмах, докладах содержится немало интересных наблюдений о ставшими имиджевыми явлениях бразильской культуры – позитивистской церкви Бразилии, народном карнавале, Ботаническом саде и лесном массиве Тижука в Рио-де-Жанейро, католическом культе Богоматери Пенья, необразильцах, деятельности Службы защиты индейцев и др.

Ключевые слова: Г. Г. Манизер; Музей антропологии и этнографии; Бразилия; экспедиция; позитивистская церковь; карнавал; Богоматерь Пенья; необразильцы; Лузиады.

Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 23-29-00962 «Полиморфизм российских научных экспедиций накануне Первой мировой войны: историко-этнографическое наследие отечественных естественнонаучных экспедиций в Южную Азию и Южную Америку».

Дневники участников Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. ярко демонстрируют, как россияне воспринимали особенности культуры южноамериканских государств в важный момент их становления. Пятеро студентов, в основном изучавших естественные науки, не ставили своей целью проведение страноведческих исследований. Но уважение к людям, профессиональные навыки натуралистов, наблюдательность позволили молодым ученым выжить и оптимально воспользоваться ситуацией, в которой они оказались с началом Первой мировой войны (скучный бюджет, невозможность

вернуться в Европу), и довести до конца научные исследования по своим специальностям. Знакомясь с природой Латинской Америки, одновременно они изучили языки (испанский, португальский, гуарани и др.) и освоили элементы культуры местного населения (прежде всего, жизнеобеспечение, приемы народной медицины). Уровень подготовки российских студентов, их опыт и широта интересов, добросовестность вызывали симпатию окружающих и обеспечивали поддержку на местах.

Генрих Генрихович Манизер (1889–1917), Федор Артурович Фельструп (1889–1933), Иван Дмитриевич Стрельников (1887–1881), Николай Парфентьевич Танасийчук (1890–1960) и Сергей Вениаминович Гейман (1887–1975) выехали из Петербурга 8/21 апреля 1914 г. и 10 апреля 1914 г. из Либавы отплыли в Лондон на пароходе «Казань». 1 мая 1914 г. из Саутгемптона они отбыли на пароходе «Arlanza» и к 14 мая 1914 г. пересекли Атлантический океан. Сделав остановки в Пернамбуко (14 мая), Баия (15 мая), Рио-де-Жанейро (17–18 мая), Сантосе (19 мая), Монтевидео (22 мая), 23 мая 1914 г. они прибыли в Буэнос-Айрес (Аргентина). В Бразилии члены экспедиция разделились, каждый работал самостоятельно по своей научной программе, по возможности сообщая о себе письмами. Г. Г. Манизер почти весь срок работал в Бразилии, и его видение страны весьма показательно.

Первые впечатления Г. Г. Манизера от Бразилии отражены в его письмах семье. На берег сойти не удалось ни в Пернамбуко, ни в Баия. В Пернамбуко «море всегда неспокойно и потому способы перенесения пассажиров на берег несколько своеобразны – их спускают на баркас в большой корзине. Лодочки исключительно цветные – негры и индейцы – особенно много негров»¹. Баия как город из белых домиков тонет в зелени. Лодочки продавцов явились тотчас по приходе и началась торговля по веревкам. Привозили апельсины, бананы, ананасы, зеленых с голубыми макушками попугаев, обезьянок.

17–18 мая 1914 г. пароход стоял в порту Рио-де-Жанейро, там студенты наконец ступили на южноамериканский берег. Пассажир II класса Дольский-Краснов, бывший русский офицер, хозяин гостиницы в г. Куритиба, взял студентов в свой автомобиль и провез по городу. Они посетили Ботанический сад, рынок, старый город. А 19 мая

¹ СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

погуляли по городку Сантос, где Г. Г. Манизер впервые попробовал «кваса из сахарного тростника».

Пробыв в Буэнос-Айресе с 23 мая по 16 июня 1914 г., студенты отправились вглубь континента в регион, где сходились границы Бразилии, Парагвая и Боливии. 30 июня базой экспедиции стала усадьба «Barranco Branco» – Saladero (солильня) неподалеку от Corumbá, столицы штата Mato Grosso. 14 июля 1914 г. экспедиция разделилась. Зоологи работали близ Corumbá, но в сентябре 1914 г. перебрались в лагуну Baía de Cáceres в Восточной Боливии и создали базу в Puerto Suárez, а завершили работу в Puerto Bertoni в Парагвае.

О первой половине экспедиции имеются только обрывочные сведения, поскольку собранные этнографами материалы 30 октября 1914 г. утонули в р. Парагвай. Этнографы С. В. Гейман, Г. Г. Манизер и Ф. А. Фиельструп 20 июля 1914 г. отправились из Барранку-Бранку с караваном на быках в деревню Налике – «столицу» индейцев кадиувео / гуайкуру (Cadiuveu / Guaikuru). С. В. Гейман решил 12 августа 1914 г. вернуться обратно в Барранку-Бранку и далее путешествовал в одиночку. Манизер и Фиельструп оставались в Nalique до 1 октября 1914 г. По пути к только что начавшей функционировать железной дороге они провели по несколько дней в пос. Taruma и Morrinho. 1 октября 1914 г. они посетили индейцев терена (Terena) в пос. Bananal неподалеку от станции «Visconde de Taunay» на недавно открытой железной дороге Itapurá – Corumbá. 15 октября 1914 г. они встретили кочевую группу индейцев файе / шавантов (Faié / Chavantes) у города Aquidauana и несколько дней шли вместе с ними. Основанная в 1910 г. Serviço de Proteção aos Índios e Localização de Trabalhadores Nacionais (далее – SPI, Служба защиты индейцев и размещения национальных рабочих) при департаменте Министерстве сельского хозяйства, промышленности и торговли (Ministério da Agricultura, Indústria e Comércio) Бразилии уже основала несколько Posto Indígena (порт. туземный пост), где предполагалось собирать индейцев, ведущих бродячий образ жизни, и переводить их на оседлость. В декабре 1914 г. и в январе 1915 г. Манизер и Фиельструп посетили индейцев каинганг (Kaingang) в штате São Paulo. Г. Г. Манизер остался с ними в селении Ribeirão dos Patos и два месяца (до января 1915 г.) жил в посту «Вилла Каинганг» (SPI «Villa Kaingang») в лесу, в 2 км от железнодорожной станции «Hector Legrū (ныне «Promissão»)». Основная группа каингангов обитала в лесу в «Villa Sophia». В декабре 1914 г. Г. Г. Манизер

дважды посетил индейцев гуарани (Guarani) в посту «Арапиба» (SPI «Araribá») близ железнодорожной станции Jacutinga, округ Baurú.

Г. Г. Манизер отправлял домой оптимистические письма, выбирая забавные и интересные эпизоды своих приключений. Ко многим сюжетам он больше не возвращался. В первые месяцы он наслаждался южноамериканской природой, бродил по лесам с ружьем. Общаясь с местными жителями, он овладевал их наречиями, рисовал пейзажи, при случае развлекал собравшихся игрой на скрипке. После посещения нескольких индейских деревень его «несколько удивило сходство общее здешнего жилья с глухим провинциальным»¹.

В начале февраля 1915 г. Г. Г. Манизер приехал из SPI «Araribá» в Сан-Паулу. Он высоко оценил «великолепно отстроенный музей с ботаническим садом и библиотекою»² – Museu Paulista, познакомился с его директором профессором Германом фон Иерингом (Hermann von Ihering), осмотрел Ботанический сад, библиотеку, музейные коллекции.

4 февраля 1915 г. Манизер прибыл в Рио-де-Жанейро, где по насто-янию посланника России в Бразилии Петра Васильевича Максимова написал промежуточный отчет для МАЭ. Этот отчет дал основание академику В. В. Радлову получить средства для оплаты возвращения экспедиции в Россию. В Museu Nacional Г. Г. Манизер изучал новейшую литературу и этнографические коллекции, среди которых выявил материалы первой русской экспедиции в Бразилию академика Г. И. Лангсдорфа 1821–1829 гг.

21 февраля 1915 г. Г. Г. Манизер на пароходе отбыл в г. Vitória, столицу штата Espírito Santo, оттуда по железной дороге – на Rio Doce; в 49 км от станции Colatina находился пост SPI «Панкас». В поселениях индейцев ботокудов (Botokudo) SPI «Pancas» (в штате Espírito Santo) и SPI «Lajão» (в штате Minas Gerais) он жил с марта по сентябрь 1915 года, работал уполномоченным.

Г. Г. Манизер обратил внимание на несколько важных явлений городской культуры. Он писал семье 12 февраля 1915 г.: «В прошлое воскресенье я присутствовал на конференции (проповеди) в храме Igreja Positivista do Brasil (улица Benjamin Constan – Templo da Humanidade). Темою было: трудность пропаганды для женщин и пролетариев,

¹ СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 50.

² Манизер Г. Г. Из путешествия по Южной Америке в 1914–1915 гг. // Природа. – 1917. – № 5–6. – С. 650.

принадлежность животных к человечеству, преемство поколений и социальное бессмертие, «эспиритуальная» гегемония Франции (и сочувствие человечества ей в войне) – в заключение прочтены стихи Clotilde da Vaux. На месте иконы Богоматери находится изображение последней с надписью *Humanidade*. По бокам храма бюсты¹: Элоизы, Биша, Фридриха Великого, Декарта, Шекспира, Гутенберга, Данте, Карла Великого, Святого Павла, Цезаря, Архимеда, Аристотеля, Гомера, Моисея – все в нишах за черным крепом. Постройка в стиле базилики вся в чудной зелени сада, на крыше флаги и внутри тоже. На фасаде надпись: *O Amor por princípio e a Ordem por base, o Progresso por fim, vive para otros, vive en claras, ordem e progresso* (последний девиз – девиз бразильской республики). Позитивисты вообще ведут изрядную пропаганду и печатают много бумаги. Аудитория (в противоположность всем другим церквам) на $\frac{3}{4}$ из мужчин².

Иллюстрация 1

К этой теме Г. Г. Манизер возвращался не раз. Идеи позитивизма, или светской религии человечества, – учения, созданного французским философом Огюстом Контом (1798–1857), повлияли на бразильскую республиканскую молодежь и на противников рабства. 11 мая

¹ СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 62. Л. 35, 38-41, 44, 45.

² СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 67-68.

1881 г. Мигел де Лемос основал Позитивистскую церковь Бразилии. Ее штаб-квартира, Храм Человечества, находится на улице Бенжамина Констана, д. 74, в районе Глория, на юге Рио-де-Жанейро. По бокам большого нефа расположены 13 бюстов великих людей, выделенных Контом в качестве выразителей человеческой мысли: Моисей (ранняя теократия), Гомер (древняя поэзия), Аристотель (древняя философия), Архимед (древняя наука), Цезарь (военная цивилизация), Св. Павел (католицизм), Карл Великий (католико-феодальная цивилизация), Данте (современная поэзия), Гутенберг (современная промышленность), Шекспир (современная драма), Декарт (современная философия), Фридрих II (современная политика), Биша (современная наука), а также Элоиза (представительница «Святых женщин»). Вдохновила Огюста Конта на создание Религии человечества Клотильда де Во (1815–1846), её портрет как олицетворение Человечества помещен на алтаре, у её ног установлен бюст Огюста Канта.

Иллюстрация 2

Иллюстрация 3

Позитивистская мораль в основном состоит из трех максим: «Жизнь для других» (преобладание альтруизма над эгоизмом); «Жизнь под открытым небом» (при правильном поведении нет необходимости в тайнах и оккультных практиках); «Живи ради Великого дня» (имеется в виду время, когда человеческое общество достигнет своего нормального состояния). Религия Человечества оказала на страны Южной Америки сильное воздействие. Один из девизов Конта («Порядок и прогресс») помещен на флаге Бразилии и является выражением политических идей позитивизма в сокращённой форме: «любовь как принцип, порядок как основание, прогресс как цель» (фр. *L'amour pour principe et l'ordre pour base; le progrès pour but*).

В Храме Человечества в 1903 г. было подтверждено бракосочетание майора Cândido Mariano da Silva Rondon (1865–1958), будущего маршала бразильской армии, ученого, военного инженера. Рондон занимался интеграцией отдаленных регионов Бразилии, производил картографические работы, служил в Комиссии по строительству телеграфных линий,

а для защиты индейского населения в 1910 г. основал SPI. Рондон принял в Рио-де-Жанейро Г. Г. Манизера и Ф. А. Фиельструпа 22 сентября 1915 г. по завершении их экспедиций¹. Г. Г. Манизер тогда рассказал Ф. А. Фиельструпу о позитивизме и о храме².

Весьма критически Г. Г. Манизер отнесся к карнавалу. «Здесь в Rio только что кончился карнавал – улицы несколько дней были полны средневековых чертей, клоунов с самыми смешными рожами, мужчинами в женской одежде и наоборот и т. д. Кажется дня три никто не спал. Негрские рожи не нуждаются в гримировке – их пляс под невероятные «музыкальные» инструменты вероятно африканского происхождения. Маски одетые индейцами – соскочившими со старинных рисунков – совсем не похожи на настоящих дикарей (совершенно по крайней мере)³. Карнавал еще не приобрел такой зрелищной формы, как в наши дни. Манизеру, классическому музыканту-любителю, какофония народных гуляний явно не доставила удовольствия. Он уже познакомился с культурой индейцев, записывал нотами и исполнял подлинные индейские мелодии. 19 марта 1915 г. он писал семье из SPI «Панкас»: «Хорошую музыку я за весь год слышал всего раз в церкви – орган с виолончелью – это было прямо дивно, и виолончелист попался превосходный»⁴.

В г. Витория он посетил монастырь на горе⁵ с чудотворной иконой, одно из старейших религиозных святилищ Бразилии. Испанский монах Frei Pedro Palacios в 1558 г. устроил скит у подножья холма в г. Vila Velha, в 1562 г. – часовню. По легенде, в 1569 г. ему привезли из Португалии икону Nossa Senhora dos Prazeres (Богоматери Радостей), которая трижды исчезала и обнаруживалась на вершине холма высотой 154 м, где и построили церкви Nossa Senhora da Penha (название закрепилось из-за её местоположения на скале). В центре алтаря португальский образ Богоматери помещен в окружении ангелов и херувимов, фигур францисканских святых Св. Франциска и Св. Антония. Монастырь внесен в список культурного наследия Национального института исторического и художественного наследия (IPHAN) Бразилии в 1943 г.

¹ НА МАЭ. Ф. К-І. Оп. 2. Д. 848. Л. 22–23.

² НА МАЭ. Ф. К-І. Оп. 2. Д. 848. Л. 19–26.

³ СПбФ АРАН Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 69.

⁴ СПбФ АРАН Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 74.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 21. Л. 1об.

Иллюстрация 4

Иллюстрация 5

Богоматерь Пенья считается небесной покровительницей штата Эспириту-Санту. Она изображается с младенцем Иисусом на левой руке, с короной на голове. Звезды на мантии символизируют её славу, образ окружен цветами. Скипетр в поднятой правой руке младенца Иисуса указывает, что он – царь, шар в левой руке – что именно он поддерживает мир, а крест на земном шаре – что через него Иисус спас всё человечество. У ее ног находятся паломник, змея и ящерица (в Бразилии – крокодил). По легенде, ящерица разбудила заснувшего паломника и тот успел убить палкой напавшую на него змею. Розовый цвет одежды Богоматери олицетворяет её человечность, а голубой – её божественность. Эти оттенки положены в основу флага штата Эспириту-Санту (1908); в 1947 г. флаг стал официальным, и красный цвет мантии Богоматери был окончательно заменен на розовый. В г. Вила-Велья в монастыре Nossa Senhora da Penha ежегодно через восемь дней после пасхального воскресенья проводится католический праздник, ставший третьим по величине в Бразилии. Образ Девы Марии из церкви на горе считают покровительницей больных и защитницей города Сан-Паулу; там 8 сентября отмечается праздник Богородицы Пенья.

В Рио-де-Жанейро Г. Г. Манизер «дорвался хоть до книг, по крайней мере и кое-что подчитал, а то почти на протяжении восьми месяцев (в этом отношении) хоть кого может доконать. Бразильцы очень мало читают»¹. В SPI «Панкас» этого удовольствия не было. «Из книг со мной Лузиады и по географии Бразилии географический атлас – пользуюсь случаем подзубрить географию. Впрочем редкому слову и не одной карте довериться здесь нельзя – такого смелого вранья наверное нигде на свете не встретишь – карты одного и того же атласа сравнимые меж собой задают такие различия в широтах, долготах, расстояниях, длинах рек; что диву даешься»². Впрочем, повсюду положение с картографией было таким же.

Зато «“Лузиады” – напомнили гимназию. Латинско-греческие божества, высокопарный стиль, изысканные обороты, мифологические намеки – (ищи толкования в словаре) – все это подействовало освежительно – как будто бы из другого мира. Одна черточка – страннический характер поэмы – даже оказалась мне несколько близкой. К удивлению читается “Лузиады” легко и скоро – не то, что Библия,

¹ СПбФ АРАН Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 69.

² СПбФ АРАН Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 71.

которую я одолевал в “Hector Legrū”, жалею, что не взял сюда – она дала бы еще множество материала для обмозгования»¹.

20 сентября 1915 г. Ф. А. Фиельstrup, возвращавшийся в Буэнос-Айрес после десятимесячного плавания на учебном фрегате ВМФ Аргентины «Presidente Sarmiento», встретился с Г. Г. Манизером в Рио-де-Жанейро. Они вместе посетили консульство России и Министерство Земледелия, где Г. Г. Манизер представил своего спутника директору департамента *Serviço de Proteção aos Índios*. 22 сентября 1915 г. Г. Г. Манизер познакомил Ф. А. Фиельструпа с директором и сотрудниками Museu Nacional. Этнографы ночевали две ночи в ночлежке, завтракали у старухи-негритянки на рынке. 23 сентября они отправились на Тијука трамом, а оттуда пешком по направлению Alto de Boa Vista и дошли до A Cascatinha², красивого небольшого водопада ниспадавшего по крутому каменистому склону горы. «Флора здесь очень богата – всюду насажены эти замечательные чужестранные прямые как мачты пальмы, бамбук, ковром застилают низкие кусты и деревья ползучие растения, усыпанные фиолетовыми цветами, похожими на Иван-да-Марью; высокие кусты белых лилий дико растут тут и там. К сожалению погода была туманная и клубы пара ползли на горы со всех сторон; стало моросить; Boa Vista бесследно исчезла. Вернулись в город когда уже стемнело»³.

Alto da Boa Vista – район на севере Рио-де-Жанейро, в верхней части массива Тијука (тупи – болотистая местность), который делит город на зоны. Floresta da Tijusa – один из крупнейших городских лесных массивов в мире – является вторичным лесом; по приказу императора Педру II в течение 13 лет там было высажено более 100 тысяч деревьев видов, свойственных атлантическим лесам. Лес Тијука, скала Педра-да-Гавеа и гора Корковаду, на которой ныне построена знаменитая статуя Христа-Искупителя, объединены в Национальный парк Тијука (1961). Cascatinha (порт. водопад) – самый высокий водопад в парке – образован падением реки Тијука. Ныне он называется Cascatinha Taunay, поскольку рядом с водопадом построил домик французский художник Никола-Антуан Тоне (*Nicolas-Antoine Taunay*) и жил там семьей в 1816–1821 гг. Он увековечил водопад в своих

¹ СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 73-74.

² СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 62. Л. 37.

³ НА МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 848. Л. 19-25.

картинах и спас лес, потому что члены императорской семьи начали приобретать соседние участки.

Иллюстрация 6

Возвращение студентов друг за другом в Россию в конце 1915 – начале 1916 г. вызвало закономерный интерес в обществе. Они написали заметки для газет и журналов, выступали с докладами, где основное внимание уделили индейским народам, с которыми им удалось пообщаться. Участники экспедиции очень недолго пробыли в центрах культуры, в провинциальных городах они бывали проездом, а основное время посвятили исследованиям в сельских районах в лесной и в степной зоне.

Г. Г. Манизер, размышлявший над закономерностями развития человеческой психологии, продолжал осмысливать в России феномен латиноамериканской истории, поверья, обычаи, язык бразильцев. В его дневнике (26 февраля – 8 сентября 1915 г.)¹ обозначены аспекты

¹ Соболева Е.С. Г.Г. Манизер – участник Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914-1915 гг. Бразильский дневник. – СПб.: МАЭ РАН, 2016. – 605 с.

культуры разных этнических групп, в т. ч. индейцев, негров, метисов, необразильцев, часто в текст включены фрагменты разговорной речи, словечки, пословицы, анекдоты, сказки, былички, народные стихотворные произведения. Их перевел с *lingua geral* петербургский португалист, урожденный бразилец Анатолий Михайлович Гах.

Необразильцами Г. Г. Манизер, вслед Г. фон Иерингом, называл ту часть населения Бразилии, среди предков которых были европейцы, преимущественно португальцы, но которые были очень похожи на индейцев, жили самодостаточными общинами и производили сельскохозяйственную продукцию для внешнего рынка. Г. Г. Манизер резюмирует, что «различия меж одетым дикарем и простым получёрным бразильцем почти никакого и поэтому вся «цивилизация» состоит в одевании и приучении к табаку (раздающемуся здесь даром) и водке (запрещенной, но тайно ввозимой) – умение различать денежные знаки – это уже завершение цивилизации. Уровень самого народа здесь так низок, как может быть в самых глухих уголках у нас – неграмотность, вера в амулеты и травы, самые первобытные, а то и вовсе никаких понятий о христианстве, об устройстве мира, о природе своей страны даже. Как и дикии «цивилизованные бразильцы» боятся совершенно безвредного зверя и букаш, и усвоили индейские игры и массы слов *«lingua geral»* – *guarani*. Обращение их с индейцами покровительственно-насмешливое и фамильярное, хотя дикарей настоящих они боятся, как огня»¹.

Страницы доклада Г. Г. Манизера «*Neobrazileiros* (язык, народное творчество)»², прочитанного в Романо-Германском кружке Петербургского университета 10 февраля 1916 г., опубликовал с небольшим сокращением (без лингвистического раздела) А. Д. Дридзо³. Тезисы доклада для Географических курсов «О Бразилии как примере процесса формирования нового общества»⁴ на русском и португальском языках (14/27 мая 1916 г.) Г. Г. Манизер оставил незавершенными.

Готовясь к отъезду из Бразилии, Г. Г. Манизер подвёл итоги своим странствованиям: «Невольно подводишь итоги и взвешиваешь – стоило, не стоило ли ехать такую даль – ведь год, целый год прошел

¹ СПбФ АРАН Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 71.

² НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 415.

³ Манизер Г. Г. Необразильцы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 2–3. СПб., 1993. С. 291–304.

⁴ НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 422.

и конца не видно еще. Как бы то ни было я теперь не жалею, что поехал, а когда вернусь – и подавно не стану жалеть»¹.

В начале XX в. в России знали очень мало о культуре Латинской Америки. Как видим, Г. Г. Манизер обратил внимание на те явления бразильской культуры, которые позже стали частью имиджа страны.

Литература

1. НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 415.
2. НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 422.
3. НА МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 848.
4. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 21.
5. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 62.
6. СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70.
7. Манизер Г. Г. Необразильцы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 2–3. СПб., 1993. С. 291–304.
8. Манизер Г. Г. Из путешествия по Южной Америке в 1914–1915 гг. // Природа. – 1917. – № 5–6. – С. 620–660.
9. Соболева Е. С. Г. Г. Манизер – участник Второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. Бразильский дневник. – СПб.: МАЭ РАН, 2016. – 605 с.

Список иллюстраций

1. Позитивистский храм. Рио-де-Жанейро // СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 62. Л. 40.
2. Интерьер позитивистского храма с изображением Клотильды де Во в образе Богоматери // СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 62. Л. 43.
3. Элоиза. Позитивистский храм. Рио-де-Жанейро // СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 62. Л. 39.
4. Рисунок Г. Г. Манизера (Витория, монастыры) // СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 21. Л. 1об.
5. Образ Nossa Senhora da Penha (открытка).
6. Водопад Cascatinha. Рио-де-Жанейро // СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 62. Л. 37.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 985. Оп. 1. Д. 70. Л. 77.

Elena S. Soboleva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) RAS
soboleva@kunstkamera.ru

Heinrich H. Manizer's Notes on the Brazilian Cultures, 1914–1915

Abstract: Participants of the Second Russian Expedition to South America (1914–1915) started their research in Mato Grosso (Brasil) and moved to neighboring forest and steppe areas. The naturalists left notes on culture and life of these regions. Heinrich H. Manizer's diary is an important source on the ethnography of Brazil. His diaries, letters, and reports contain many interesting observations about the image-bearing phenomena of Brazilian culture – the Positivist Church of Brazil, the Carnival, the Botanical Garden and the Tijuca forest in Rio de Janeiro, the Catholic cult of Nossa Senhora da Penha, neobrazilians, the activities of the Indian Protection Service, etc.

Key words: Heinrich H. Manizer; Museum of Anthropology and Ethnography; Brazil; expedition; Positivist Church; Carnival; Our Lady of Penha; neobrasilians; Lusiadas.

УДК 811.134.3, 263.4, 394.5, 398.3

Т. Г. Торощина
МГУ имени М. В. Ломоносова**ПОРТУГАЛЬСКИЕ НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ
СТРАСТНОЙ НЕДЕЛИ И ПАСХИ**

Аннотация: Влияние религии на историю, политику и повседневную жизнь Португалии по сей день остаётся весьма значительным. Праздники – литургические, деревенские, городские – являются важной частью общественной жизни страны. С особым размахом здесь отмечаются главные католические праздники, в особенности те из них, которые включают в себя процесии. В статье перечислены основные виды процессий, описаны детали и особенности их проведения. Значительное внимание уделено самой яркой, напоминающей средневековый фарс и одновременно карнавал, процессии Страстной недели в современной Португалии – «O Enterro do Bacalhau» («Погребение Трески»). В статье рассказывается о португальских пасхальных блюдах и подарках, народных приметах и играх, связанных с этим периодом, а также ярмарках.

Ключевые слова: португальский язык; народная культура Португалии; католические праздники; Страстная неделя; Пасха; процесии; карнавальные шествия.

Португальское государство родилось в лоне западного христианства: португальские крестоносцы были призваны отвоевать земли, занятые арабами на юго-западе Пиренейского полуострова в начале VIII века. При всей сложности и неоднозначности процессов взаимодействия власти и католической церкви в Португалии, их сближения и отдаления, влияние религии на историю, политику и повседневную жизнь страны остаётся значительным. Наиболее авторитетным исследованием по этому вопросу является «История португальской церкви» Фортунату де Алмейды в четырёх томах. Подробная статья на русском языке, посвящённая истории католической церкви Португалии, была опубликована социологом Н. Н. Поташинской в 2014 году. Среди прочего автор отмечает кризисные черты в современном состоянии португальской церкви. Португальская пресса нередко пишет о снижении интереса молодежи к карьере священника, разного рода скандалах, падении числа прихожан, посещающих воскресные службы.

Что касается католических праздников, то они всегда привлекают пристальное внимание как жителей страны, так и многочисленных туристов. В Португалии с большим размахом отмечается Рождество (*Natal*) (во время которого, помимо привычных нам рождественских служб, в Португалии происходит сжигание больших костров во дворах некоторых крупных церквей), праздник Тела и Крови Христовых (*Corpus Christi*) отмечающийся в четверг, следующий за днём Святой Троицы¹, праздники в честь так называемых «народных святых» (*Santos Populares*) – Святого Антония Лиссабонского (Падуанского, *Santo António de Lisboa*) в Лиссабоне², в ночь с 12 на 13 июня, Иоанна Крестителя (*São João Batista*) в ночь с 23 на 24 июня и Святого Петра (*São Pedro*) в Порту. Поскольку этот праздник считается муниципальным, торжества растягиваются на неделю³. День Святого Мартина (*São Martinho*) приходится на 11 ноября, для страны, лежащей на юго-западе Европы, это время краткого осеннего потепления, своеобразного «бабьего лета». В высшей степени масштабное событие в столице португальских тамплиеров – Томаре – проходит один раз в четыре года на Пятидесятницу и носит название Процессии с подносами (*Procissão de Tabuleiros*). В регионе Минью популярен Ужин Хранителя Креста (*Jantar do Mordomo da Cruz*). В таких городках как Виана до Каштелу и Понте де Лима принято, что Хранитель Креста, выбираемый прихожанами уважаемый член общины, на Пасху устраивает ужин за свой счёт для прихожан церкви или жителей района.

Праздники – литургические, деревенские, городские – являются важной частью общественной жизни Португалии. На протяжении многовековой истории страны праздники обогащались развившимися в средневековой драме и вышедшими из церковного пространства мистериями, мираклями и моралите⁴.

Наиболее широко распространены праздники, включающие в себя процесии. Формально процесии нередко возводят ко временам Древнего Востока и античности, в частности, к римским сатурналиям, однако религиозные процесии христианского мира, наряду

¹ В 2023 году выпала на 8 июня.

² Святой Антоний Падуанский (Лиссабонский), 1195–1231 – католический святой, почитаемый как один из покровителей Лиссабона.

³ В 1923 году торжества пришлись на период с 25 июня по 3 июля.

⁴ Мистерия – средневековая драма на библейские темы, миракль – мистерия, сюжетом которой было чудо или житие святого, моралите – небольшая драма с нравоучительным сюжетом.

с паломничествами, приобрели особый сакральный смысл: сама жизнь христианина рассматривалась как паломничество на пути к Богу. Начиная с IV века в Иерусалиме начал складываться разветвлённый комплекс процессий, приходившихся по большей части на дни Страстной недели и Пасхи. Постепенно процесии стали неотъемлемыми элементами богослужений и иных обрядов Вербного воскресенья (*Domingo de Ramos*, процесия с ветвями в римском обряде), а также так называемого Пасхального триденствия (*Tríduo Pascal*) – Страстной пятницы, Святой субботы (*Sábado de Aleluia*) и Светлого Христова воскресенья (*Páscoa*).

Процесии

Религиозные процесии обычно подразделяются на два основных типа – праздничные и покаянные¹. В эпоху высокого Средневековья праздничными процесиями предварялись воскресные или праздничные мессы. Процесии покаянного типа проходили в виде шествий по полям в дни так называемых «усердных молений», с понедельника по среду перед Вознесением Господним, во время которых верующие молились о ниспослании им богатого урожая.

Сама процесия в западном обряде, как правило, организована следующим образом: во главе её участники несут процессионный крест, вслед за ними движутся представители клира и паствы, читающие молитвы или исполняющие песнопения. Также участники процесии несут хоругви, носилки со скульптурным изображением Богородицы (*andor com a imagem da Nossa Senhora*). Во время евхаристической процесии, то есть во время праздника Тела и Крови Христовых, священник, передвигающийся под балдахином, несет в руках дароносицу с освящённой гостиной. Нередко участники процессий несут большие восковые свечи (*tochas*), факелы со светильниками, а в случае процесии «Се Человек» (*«Ecce Homo»*) это светильники на высоких шестах с зажжёнными внутри сосновыми шишками. Вдоль дороги, по которой шествуют процесии, нередко выкладываются целые ковры (*tapetes*) из цветочных лепестков, бутонов и распустившихся цветов с картинами на религиозные сюжеты. Важность и повсеместная распространённость религиозных процессий нашла своё отражение в португальском фольклоре: фразеологизм, описывающий ещё не начатое дело, звучит как *«ainda a procissão não saiu da igreja»* или *«ainda*

¹ См.: Католическая энциклопедия. М., 2007, т. 3, с. 1845–1847.

a procissão está no adro» («процессия ещё не вышла из церкви» или «процессия ещё на церковном дворе»).

Наиболее известными процессиями Вербного воскресенья, Триденствия и Пасхи в Португалии считаются *Compresso Pascal* (пасхальный обход священником домов прихожан его общины) и *Procissão do Enterro do Senhor* (Процессия погребения Господа, проходит в Страстную пятницу), её участниками являются члены религиозных братств, кавалеры Мальтийского ордена и ордена Святого Гроба Господня в Иерусалиме. В Светлое воскресенье в городке Сан Браш де Алпортел, в Алгарве, проходит *Procissão de Aleluia* (крестный ход) – процессия во славу воскресения Иисуса Христа. Мужчины и юноши, выстроившись в два ряда, со свечами в руках шествуют вдоль цветочного ковра. Можно увидеть процесии, участники которых держат в руках бубенцы (*chocalhos*) и таким образом сопровождают молитвы во славу воскресшего Христа (это так называемые *Chocalhadas*).

Нередко дата той или иной процессии может варьировать и не совпадать с общепринятой, здесь решающая роль принадлежит муниципалитету. К примеру, процессия *Procissão do Senhor dos Passos da Graça*, посвященная крестному пути Христа, в Лиссабоне может назначаться на пятое воскресенье Великого поста, в других приходах – на одну из пятниц, не обязательно Страстную.

Примечательна процессия Благословения ягнят и овечек (*Bênção dos borregos e ovelhas*). Эта процессия родом из Алентежу, богатого сельскохозяйственного региона. Судя по всему, она относилась к процессиям покаянного типа и проводилась с целью защиты скота от падежа. В настоящее время пресса объясняет смысл этого праздника неожиданным образом – как символизирующего дух сосуществования различных народов и культур («*simboliza o espírito de conviência entre os diferentes povos e culturas*»).

Процессия с ослицей (*Procissão da Burrinha*) отсылает нас ко временам становления и распространения христианства, к празднику, название которого на латинском языке звучит как *Festum asinorum*. Отмечался он обычно 14 января. Это инсценировка евангельской истории, связанной с Рождеством Христовым, с воспоминаниями о бегстве Святого семейства в Египет. В настоящее время процессии с участием ослицы придаётся следующий смысл: «если в те времена Бог даровал восхитительные (*admiráveis*) пророчества во благо своего народа, то теперь, через посредничество своего Сына, он готовит нас

к проживанию окончательного Воскресения (*Páscoa*). Именно это мы празднуем в Пасхальное триденствие¹.

Самой яркой, напоминающей средневековый фарс и одновременно карнавал, процессией в современной Португалии является так называемое «*O Enterro do Bacalhau*» («Погребение Трески»).

Действо с шествием и судом над главным действующим персонажем – Треской (*Bacalhau*) – в XX веке впервые прошло в небольшом поселении Соуту Сику (иногда это название пишут слитно, как *Soutosico*) в западной части Португалии, в округе Лейрия. Несмотря на протест церковных властей и последовавший за этим запрет со стороны салазаровского режима, «Погребение Трески» снискало широкую популярность. Португальские исследователи фольклора склоняются к убеждению, что первоначально это действие, имеющее черты языческого праздника, возникло в шестнадцатом веке как реакция на появившуюся тогда возможность для состоятельных людей смягчить для себя тяготы Великого поста. Верующие, купившие буллу (порт. *bula* – в данном случае это означало разрешение вкушать мясо в сорокадневный пост), могли обойтись и без трески, основной белковой пищи португальцев, допустимой в пост. Самым удивительным даже для самих португальцев было то, что в процессии участвовали убеждённые католики, прихожане местной церкви. Трудно объяснимым с канонической точки зрения является и время процессии – она начинается около половины десятого вечера Великой субботы, чтобы успеть закончиться к началу Пасхальной литургии.

После Революции гвоздик 1974 года, даже несмотря на противодействие со стороны клира, шествие вернулось на улицы Соуту Сику и по меньшей мере четыре раза, с 1979 по 1983 год, проводилось в этом населенном пункте, затем идея была подхвачена и в других местах, так что теперь «Погребение Трески» можно наблюдать вечером Великой субботы, к примеру, в Лиссабоне, в Риу де Моуре в округе Синтра.

Основные персонажи действия «*O Enterro do Bacalhau*» заставляют вспомнить о героях театра Жила Висенте² и социальной сатире, обильно присутствующей в его драматургических произведениях. Здесь фигурируют Судья (*o Doutor Juiz*), Адвокаты (*os Advogados*),

¹ <https://procissãodaburrinha.pt>

² Жил Висенте – создатель португальского театра, в котором воплотились средневековые и ренессансные черты. Главными персонажами его ауту и фарсов были аллегории, характеры-типы и мифологические персонажи [Жуков, 2010, с. 45].

Судебный пристав (*o Oficial de diligências*, то же, что и *Oficial de justiça*), Треска-преступница (в португальском языке мужского рода – *o Réu Bacalhau*), Секретарь (*Escrivão*), Палач (*Carrasco*) и Свидетели (*as Testemunhas*, среди которых *Salsa, Alho, Cebola e Temperos* – Петрушка, Чеснок, Лук и Приправы). Как правило, гигантский муляж трески водружается на высокий шест, протагонист – *Bacalhau* – кукла с ярко выраженной маскулинностью. В процессии обычно около двухсот участников, среди которых горожане, исполняющие роли поваров, рыбаков, плакальщиц (*carpideiras*) и торговок рыбой (*varinas*). Двое рыбаков несут гроб, процессию сопровождают музыканты (это могут быть даже члены филармонического объединения города), отвечающие за исполнение «Траурного марша» Фредерика Шопена. Всё действо разделено на три части – «*Vida e Morte do Bacalhau*» («Жизнь и смерть Трески»), «*Testamento do Bacalhau*» («Завещание Трески») и «*Exéquias do Bacalhau*» («Торжественные похороны Трески»).

Церемония начинается с громогласной декламации:

Batem sinos nas capelas
Bandeiras a meio pau
Moços, velhos e donzelas
Ponham luto nas panelas
Que morreu o bacalhau

Com dinheiro havia a bula
Nesse tempo tão sacana
Uns podiam comer carne
E outros só bacalhau

Sou um pobre desgraçado
E valho pouco dinheiro
Peço que me enterrem
À rota de um taberneiro

Колокольный звон повсюду,
Развеваются флаги,
Плачте, девы, старики –
В трауре кастрюли будут
Без почившей вдруг трески.

Заплатив за буллу сумму
В те продажные годы
Кто-то ел всё время мясо,
Кто-то рыбу, как всегда.

Жалкий нищий бедолага
Ничего не стою я,
Пусть уж лучше сгину напрочь
У трактирного огня.

Здесь, однако, следует резкий поворот сюжета, когда всё внимание переходит на другой персонаж – Иуду (*Judas*), готового закончить своё земное существование. В Погребении Трески, с его ярко выраженным карнавальным колоритом, большую роль играет импровизация, реплики участников суда-фарса и процессии полны сарказма и касаются самых разных тем и событий общественной жизни. Неизменным остаётся лишь убеждённость в том, что Треска – вовсе не

преступница, а жертва навета и чёрной зависти к её непреходящей популярности у простого люда.

Как только начинается литургия, карнавальная разнузданность уступает место религиозной серьёзности.

Пасхальные блюда

Одним из самых приятных и долгожданных моментов Пасхи является праздничный обед. Главное блюдо здесь – пасхальный пирог – фолар (*folar*) может быть как сладким, так и мясным. Рецептов приготовления пасхального пирога в Португалии великое множество, так же, как и соответствующих названий, связанных с местом происхождения рецепта. Отличительной особенностью основного вида фолара является то, что в нём вместе с тестом запекаются заранее сваренные вкрутую куриные яйца. Яйцо является древнейшим символом возрождения, плодородия, с появлением христианства – также символом воскресения и вечной жизни. В португальском пасхальном пироге яйца располагаются в форме креста.

Одна из многочисленных легенд о происхождении пасхального пирога в том виде, в котором он известен большинству португальцев, повествует о юной девушке Марианне, мечтавшей о раннем удачном замужестве. Марианна усердно молилась святой Екатерине (хотя этой святой, согласно Иакову Ворагинскому, принято молиться о наставлении в учении и философских спорах, о защите от всякого рода несчастных случаев, а о ниспослании жениха и удачном замужестве молятся обычно Святому Антонию). Вскоре к Марианне посватались двое – бедный пахарь и богатый дворянин, оба молодые и красивые. Когда Марианна увидела их, сошедшихся в смертельной схватке, она выкрикнула имя Амару, пахаря. Спустя некоторое время пошли слухи, что дворянин решил явиться на свадьбу Марианны и Амару, которая была назначена на Светлое воскресенье, и убить соперника. Марианна вновь стала молиться святой Екатерине, и ей показалось, что образ улыбнулся в ответ на её искренние мольбы. Возвратившись домой, девушка обнаружила у себя на столе пирог. Добежав до дома жениха, Марианна узнала, что и её возлюбленный получил точно такой же пирог. Решив, что это сделал раскаявшийся в дурных намерениях дворянин, влюблённые отправились к нему в дом и там выяснилось, что был и третий пирог, чудесным образом оказавшийся в усадьбе. С тех пор такой пасхальный пирог получил название *«folar»* (этимология этого слова туманна, и португальским учёным не удалось возвести его

происхождение к какому-либо латинскому корню). Пасхальный пирог стал олицетворять собой примирение и любовь.

В подобных наивных легендах со сказочным бродячим сюжетом трудно отыскать логику, но они пронизаны обаянием чистого религиозного чувства и в этом вполнеозвучны евангельскому «будьте как дети». Мясные блюда представлены очень широко – здесь праздничный молочный поросёнок, запечённый ягненок, колбаски, блюда из говядины.

Подарки

В Вербное воскресенье крестники обычно дарят подарки своим крёстным отцам и материам: ветви оливкового дерева мужчинам и букетики фиалок женщинам. Лиловый, фиолетовый (*roxo*) – цвет, который превалирует в убранстве церквей в течение всего Великого поста (*Quaresma*): он символизирует покаяние и скорбь. На Пасху же приходит время ответных подарков крестникам. Раньше это были пасхальные пироги, крашеные или шоколадные яйца, миндаль, теперь это могут быть также игрушки, предметы одежды, бисквит (*pão-de-lo*) и даже деньги.

Народные приметы

Обычно Пасха в Португалии выпадает на март или апрель – месяцы, когда закладывается основа будущего урожая. Народных примет, связанных с Пасхой, немного, но они есть. К примеру, «Пасха в марте приносит голод или болезни» (*Páscoa em Março, ou fome ou mortaço*; для рифмы здесь употреблено несуществующее *mortaço* вместо *mortiço* – 1) умирающий, угасающий; 2) гаснущий; 3) тусклый, бледный). *Páscoa molhada, chuva abençoada.* – «Дождь на Пасху – благодать». О быстротечности праздника говорится так: «*Páscoas de longe desejadas num dia são passadas*» («Долгожданные пасхальные дни проходят быстро»).

Пасхальные игры и ярмарки

Важной частью любого праздника являются ярмарки (*arraiais*) и игры. До сих пор в континентальной и островной Португалии популярны напоминающие орлянку *jogo de banca*, игра с волчком – *jogo de pião*, в колечко (*anel*) и в платочек (*lenço*). Деревенские ярмарки красочны и изобильны. Самые известные и многолюдные городские ярмарки проходят в Лиссабоне.

Выводы

1. Большинство народных традиций в Португалии по-прежнему связано с католической обрядностью. Тем не менее, сохранившиеся языческие элементы процессий Страстной недели и Пасхи вписываются в торжества как элементы, не вызывающие отторжения большинством верующих, и постепенно становятся их частью.

2. Народные традиции Великого поста и Пасхи являются одними из самых живучих, устойчивых и сохраняющих свою самобытность. На их вариативность влияют исторический и географические факторы.

3. Для португальского общества характерно стремление к сохранению исторического наследия, народных обычаяев, существующих на протяжении веков, а также возрождающихся и трансформирующихся на наших глазах, в каких бы неожиданных формах они порой ни проявлялись.

Литература

1. Аникин В. П. Теория фольклора. М., 2044. 430 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд-е. М., 1990. 543 с.
3. Жуков А. П. Герои театра Жила Висенте. Вестник СПбГУ, серия 9, вып. 1, 2010. С. 45–48.
4. Календарные обычай в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. 360 с.
5. Католическая энциклопедия. М., 2007, т. 3. С. 1845–1847.
6. Поташинская Н. Н. Церковь Португалии и «Революция гвоздик». М., 2014, Сова. №1 (20). С. 153–167.
7. Современный городской фольклор. Составители: А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов (ред. коллегия). М., 2003. 736 с.
8. Almeida, Fortunato de. Hstória da Igreja em Portugal, em 4 vols. Porto, 1971. 2355 págs.
9. Braga, Teófilo. O Povo Português nos seus Costumes, Crenças e Tradições, em 2 vols. Lisboa, 1994. 307 e 359 págs.
10. Leite de Vasconcellos, J. Tradições populares de Portugal. 2^a ed. Lisboa, 1986. 338 p.
11. Moreira dos Santos, Maria Alice. Dicionário dos Provérbios, Adágios, Ditados, Máximas, Aforismos e Frases Feitas. Porto, 2001. 447 págs.
12. <http://folcloredoportugal.blogspot.com/2012/04/lenda-do-folar-de-pascoa.html>
13. <https://www.nacionalidadeportuguesa.com.br/pascoa-em-portugal/>
14. <http://procissaoaburrinha.pt>

Tatiana G. Toroshchina

Lomonosov Moscow State University

vemex@rambler.ru

Portuguese Folk Traditions of Holy Week and Easter

Abstract: *The Portuguese state was born in the bosom of Western Christianity, and the influence of religion on the history, politics and daily life of the country is still very significant. Liturgical, rural, urban holidays are an important part of Portuguese public life. The main Catholic holidays, especially those which include processions, are celebrated here on a special scale. The article lists the main types of processions, describes the details and features of the event. Considerable attention is paid to the brightest and most reminiscent of the medieval farce and at the same time carnival, the procession of the Holy Week in modern Portugal – «O Enterro do Bacalhau». The article also tells about Portuguese Easter dishes and gifts, folk signs associated with this period, fairs and folk games.*

Key words: *Portuguese; folk culture of Portugal; Catholic holidays; processions; Holy Week; Easter.*

УДК 75

Н. А. Шелешнева-Солодовникова
Институт Латинской Америки РАН**МЕКСИКАНСКИЙ ХУДОЖНИК КАРЛОС МАСИЕЛЬ:
ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПАРАДИГМА И НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Аннотация: Статья посвящена творчеству мексиканского художника Карлоса Масиеля, взявшему псевдоним «Кихано», являющийся прямой отсылкой к «Дон Кихоту». Для его работ свойственны характерные для постмодернизма рациональное обыгрывание, зачастую цитирование известных образов мирового искусства. Анализируя ряд произведений Кихано, обыгрывающих картины знаменитых мастеров, автор делает вывод, что при этом Кихано стремится подчеркнуть свою национальную идентичность. Этого он достигает, используя иронию и гротеск, нередко погружаясь в мир мифов и легенд индейцев и креолов Мексики, представляя мир во всей его целостности – с реальными живыми и неживыми предметами, с солнцем и луной, с фантазиями, порожденными мыслью и воображением, но материализовавшимися и ставшими неотъемлемой частью этого мира.

Ключевые слова: Карлос Масиель; Мексика; постмодернистская парадигма; национальная идентичность; воспоминания; фантазии; воображение.

Первым латиноамериканским художником постмодернистской направленности был знаменитый колумбиец Фернандо Ботero (1932–2023), создавший к началу 1960-х годов свою «круговую форму», в которой обыграл многие работы знаменитых живописцев. К 1980-м годам художники с ярко выраженной приверженностью постмодернистской парадигме, для которой характерно сознательное обыгрывание, зачастую цитирование известных образов живописных произведений, появились и в других странах Латинской Америки. Ярким примером служит творчество мексиканского художника Карлоса Масиеля, взявшего себе многозначащий псевдоним «Кихано», являющийся прямой отсылкой к «Дон Кихоту». Следуя традиции своего соотечественника Хосе Гуадалупе Посады (1852–1913), Кихано дает произведениям пространно длинные названия, считая, что они – неотъемлемая часть работ, ключ к «постмодернистской двери» в его творчество, где эрудиция, выступающая в виде завуалированных цитат или собственных мыслей,

звучавших как цитаты, – определяющая константа наравне с игровым моментом.

Для того, чтобы лучше понять творчество художника, необходимо остановиться на его биографии, так как по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, «жизнь художника – и грамматика, и словарь, без которых нельзя правильно прочитать его творения»¹.

Карлос Масиель родился 8 ноября 1952 г. в маленьком селении Одиночество Масиелей (*La Soledad de Maciel*) в тропическом регионе недалеко от тихоокеанского побережья. Карлос был шестым ребенком из восьми детей в крестьянской семье. Родители очень много читали, привив детям привычку к постоянному чтению. Это была основная связь с миром, так как электричество в селении появилось примерно в 1960 г., а телефон – в 1965 году.

В 1968 г. Масиель уезжает в Мехико, где сначала учится на химическом и физико-математическом факультетах Национального Автономного Университета Мексики (UNAM). Его увлекают левые политические движения, он принимает участие в революционных студенческих выступлениях 1968 г. Чтение продолжает играть огромную роль в его жизни. Особое влияние на его жизненные установки оказывают Ф. М. Достоевский, Эрих Фромм, испанский поэт-республиканец Леон Фелипе и только что вышедшие «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса. Что касается художественных интересов, то на их формирование повлиял опыт старшего брата-художника Леонеля Масиеля. Карлос Масиель проходит курс живописи и графики в мастерских Мексиканского института социального страхования (IMSS), затем вечерние курсы графики в школе «Молино-де-Санто-Доминго». В мексиканском искусстве это время отмечено продолжением деятельности последнего из мураллистов, Давида Альфаро Сикейроса, но также подъемом движения «Разрыва» (*La Ruptura*), провозгласившего отказ от социального и националистического пафоса мексиканского мурализма в пользу более индивидуального, зачастую нефигуративного искусства.

В 1972 г. по рекомендации Сикейроса, Карлос Масиель приезжает в Москву и учится на историко-филологическом факультете Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, а также занимается графикой в Студии им. И. И. Нивинского. В УДН проходит его первая

¹ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991. С. 568.

персональная выставка (1973), за которой следует еще одна, на Кубе (Гавана, Дом Америк, 1975).

В 1978 г. после окончания УДН Карлос Масиель возвращается в Мексику. В 1979–1985 гг. он работает в университете Дуранго (на севере страны) как историк, преподаватель и исследователь. Дважды он приезжает на довольно длительное время в Москву, где в 1985 г. защищает в Институте Латинской Америки РАН кандидатскую диссертацию по истории. Параллельно с университетской деятельностью он продолжает заниматься искусством, устраивает несколько персональных выставок (одна в Коста-Рике в 1981 г.). С гравюры Кихано полностью переключается на живопись, работает преимущественно маслом или акрилом на холсте и бумаге.

В 1985–1993 г. Карлос Масиель живет и работает в Кулиакане (штат Синалоа). В 1991 г. он приезжает в Россию; его приезд совпадает с августовскими событиями, и он принимает участие в обороне Белого дома. Одновременно в Москве проходит его большая персональная выставка («Галерея 777»).

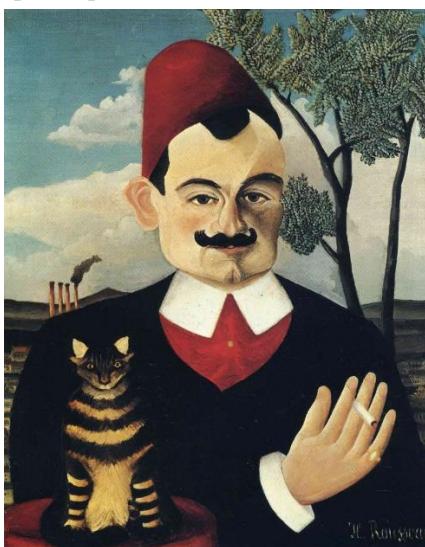
Карлос Масиель – не только думающий художник, но и талантливый живописец. Он виртуозно владеет кистью, выводящей причудливые арабески, строящей смелые цветовые соотношения, внедряющей с истинным мастерством один цвет в другой. Иногда на расстоянии его произведения воспринимаются коллажами, в которых кусочки разноцветной бумаги находят друг на друга. Большинство работ Кихано наводят зрителя на мысль, что мир един во всех своих проявлениях, живой или мертвый наатуре, все что-то предвосхищает и что-то наследует, что художник очень хорошо впитал уроки предшественников, но все эти знания пропустил через себя и создал новый мир, в котором присутствует мифологизм мышления, в значительной степени определивший появление в Латинской Америке течения «магического реализма» – своего рода варианта сюрреализма. Что касается предшественников, то сам Кихано называет многих, недаром художник так часто употребляет слова «любовь» и «ностальгия». Он обыграл произведения многих мастеров, в частности таких разных как Сандро Боттичелли, Анри Руссо, Анри Матисс и Казимир Малевич. Французские и русские художники, пожалуй, самые любимые у Карлоса Масиеля.

Сюрреализм и «магический реализм», ярким представителем которого в Мексике является старший брат Кихано – Леонель Масиель (р. 1939), безусловно предвосхитили эстетику постмодернизма, но то, что для них в большой мере было «всерьез», в постмодернизме

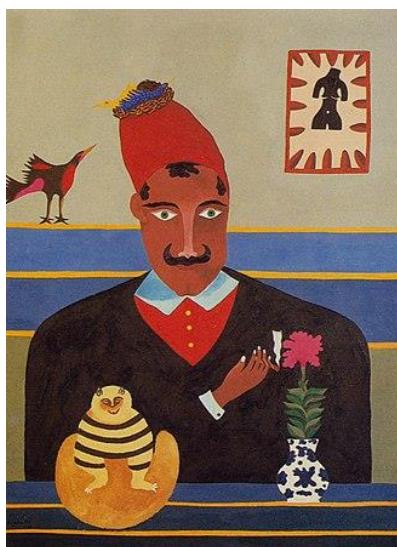
приобрело иронически-игровой оттенок. Под явным влиянием Матисса написаны два прелестных интерьера собственного дома Кихано в Кулиакане. Один интерьер представляет спальню и называется «Вот другое пространство, где бы расцветали фантазии художника». Отсылка к Матиссу звучит и в изображении аквариума с рыбками на подставке, и трех синих цветах в вазе, и в помещенной в углу комнаты скульптуре, но, главное, в самом рисунке, в колористической гамме. Второй интерьер представляет гостиную и называется «Пространство, чтобы повесить картины Кихано». Гостиная не перегружена мебелью, единственный предмет обстановки – довольно большой низкий стол с красивым букетом цветов в вазе, так напоминающим матиссовские аппликации. Этую тихую гармонию несколько нарушает изображение игуаны, застывшей, устремив взор на стол. Но игуана кажется совсем не страшной, скорее, она похожа на яркую игрушку, забытую ребенком: белые точки на ее лапах напоминают крепежные болты, да и вся она покрыта пятнышками, придающими ей декоративность и ненатуральность.

Все латиноамериканские художники стремятся подчеркнуть свою национальную идентичность. Карлос Масиель в одном из своих полотен отдает дань сразу двум французам – наивному художнику «дуанье» (таможеннику) Анри Руссо и его современнику – писателю Пьеру Лоти, которые близки ему своими мечтаниями и грезами. Однако и А. Руссо, и П. Лоти оставались европейцами. Кихано – мексиканец, вросший в европейскую культуру. Желая показать и доказать своеобразие мексиканской культуры, Масиель пишет картину «Пьер Лоти, пойманный кистью Кихано во время его посещения Кулиакана», несущую уже в своем названии оттенок иронии и ностальгической меланхолии, что также характерно для постмодернистских произведений. Картина Масиеля – полный пародия картины Анри Руссо «Портрет Пьера Лоти» (1906). Примитивистская условность работы Руссо у Кихано еще больше примитивизируется. Масиель убирает задний пейзажный фон Руссо с деревом, холмами, дымящейся трубой завода, маленькими домиками, заменяя его плоскостью, разделенной по горизонтали полосами на четыре части – разных оттенков желтого, зеленого и синего, таким образом как бы суммируя цвета пейзажа в картине А. Руссо. Но стремясь «прочитировать» уравновешенную композицию «дуанье», Кихано вместо дерева справа помещает картину-коллаж, напоминающую матиссовские, а слева – диковинную птицу с вытянутым, поднятым клювом, похожую на кетцаль – священную птицу майя и ацтеков, по силуэту воспроизводящую трубы завода

с дымом. Относительно реалистичный полосатый кот в картине Руссо превращается у Кихано в толстого кота, одетого в тельняшку – намек на мечты Пьера Лоти о дальних плаваниях и экзотических странах. Красная шапка-феска на голове у Лоти из полотна Руссо, навевающая образ незабываемого «Тартарена из Тааскона» А. Доде, в картине Кихано увенчивается гнездом с двумя птицами-кетцаль. Практически повторяя все характерные признаки образа самого П. Лоти: замечательные усы, выбивающиеся из-под фески волосы, раздвоенный подбородок, чуть оттопыренные уши, жест руки с сигаретой, Кихано схематизирует черты лица писателя, заостряя внимание на потустороннем взгляде широко открытых с застывшими зрачками глаз, тем самым подчеркивая пространственную и временную отстраненность героя картины.

Анри Руссо. Портрет Пьера Лоти (1906)

Кихано. Пьер Лоти, пойманный кистью Кихано во время его посещения Кулиакана, 1990 г.

В двух произведениях из серии «Русская ностальгия с вариациями на тему Малевича» под названиями «Приличная дама, мечтающая о пустыне, и смуглый ангел желания, ставший поперек горла» и «Мужчина, очень важный, с мечтами о сельве и тропиках», Масиель, связанный с Россией кровными и духовными узами, почти повторяет мотивы постсупрематических картин Казимира Малевича начала 1920-х годов. Это очевидно и в конструктивном подборе деталей, из которых складываются

условные портреты, и в ритмике построения фигур, и в колорите. Но в каждое произведение как знак мексиканской идентичности и как своеобразную личную подпись художник вносит изображения фантастических птиц, бабочек, цветов. На месте лица и шеи очень важного мужчины Кихано дает схематическое изображение сельвы.

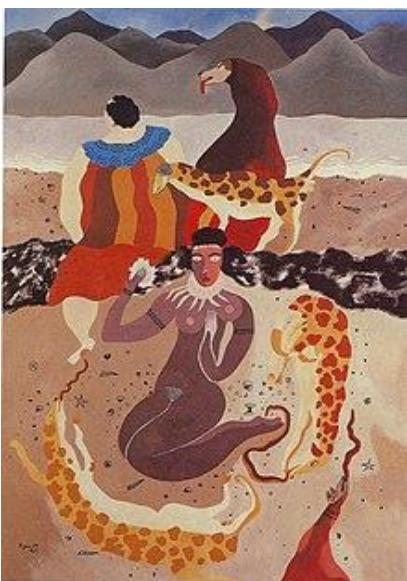
Кихано. Приличная дама, мечтающая о пустыне, и смуглый ангел желания, ставший поперек горла. Из серии «Русские ностальгии с вариациями на тему Малевича», 1998 г., бумага, акрил

Кихано. Мужчина, очень важный, с мечтами о сельве и тропиках. Из серии «Русские ностальгии с вариациями на тему Малевича», 1998 г., бумага, акрил

Большинство картин художника навеяно личными воспоминаниями, связанными с Россией. Здесь он женился на русской девушке Елене, работавшей в журнале «Латинская Америка», которая рано ушла из жизни. В Москве живет и работает их с Еленой сын Лев, родившийся в 1974 г., ставший историком искусства и поддерживающий с отцом тесные отношения. Сами названия работ Кихано говорят о многом: «Пока влачу, надежно скрыв, Россию моих глубинных желаний, не перестаю надеяться на возвращение этого бородача, хотя его нет в синем закате моего последнего сна»; «Мехико-Москва-Мехико: дорога длиною в жизнь или история одного полупохищения»;

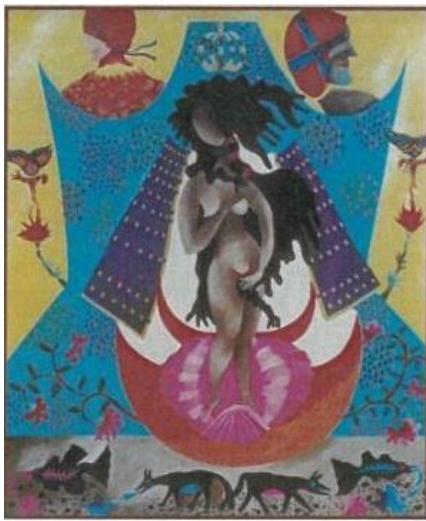
«Добрый день, господин Кустодиев, шлю Вам привет из этих далеких тропиков и времен». Вспоминает Пушкина и дает своей картине название «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи...» из «Сказки о мертвом царевне и семи богатырях». Сидящая на песке с зеркальцем темнокожая женщина – пародия на царицу-мачеху у Пушкина.

Кихано. Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи, яль на свете всех милее..., 1990 г.

Первые две картины – дань памяти Елене. Одна из них – фактически автопортрет с Еленой в день свадьбы, где молодые стоят, окутанные мексиканской шалью-ребосо, как бы связанные в одно целое. Цветок белой лилии, символа чистоты, скрепляет ребосо подобно пряжке-фибуле. Вместо лиц, фронтально стоящего Карлоса и грациозно наклонившейся к нему Елены, – синие просторы моря и неба, разделенные лишь цепью красных гор (у Кихано) и грядой желто-зеленых холмов (у Елены) как напоминание о родном для каждого из них пейзаже. Изысканный натюрморт с бело-синей вазой на подставке, оканчивающейся четырехлапой ступней, с длинными стеблями белых орхидей, символизирующих страсть, которые превращаются в виньетку, окружающую головы изображенных, придает картине дополнительную декоративность, как всегда у Кихано обусловленную смысловым подтекстом.

Рафаэль Торрес Санчес – автор предисловия к каталогу художника 1999 г. отмечает также влияние на Кихано Михаила Ларионова с его «лучизмом» и Владимира Татлина. При этом он задается вопросом, не присутствуют ли в скрытом виде в искусстве Кихано подспудные влияния Андрея Рублева, Феофана Грека, Франсиско Гойи, а из писателей – Леонида Андреева, Музиля, Кафки, Лотреамона. Торрес Санчес подчеркивает, что Кихано ищет в разных эпохах, в истории и литературе¹. Мы бы добавили, что и искусство Возрождения, а также модерн и абстракционизм не прошли даром для творчества Масиеля. В своём холсте «Венера Боттичелли в образе Богоматери «Нуэстра Сеньора де ла Салиод», чудесном образе эстуария Альтаты и, конечно озера Патцкуаро» (1998, х., м.) художник преображает образ боттичеллиевской Венеры, стоящей на раковине, в распространенный в мексиканской иконографии образ темнокожей Богоматери в накидке, украшенной звездной россыпью, стоящей в ладье полумесяца.

*Кихано. Венера Боттичелли в образе Богоматери
«Нуэстра Сеньора де ла Салиод», чудесном образе эстуария Альтаты
и, конечно озера Патцкуаро, 1998 г., х., м.*

Образ темнокожей Богоматери восходит к первоначальному образу Девы Гвадалупской, ставшей покровительницей мексиканцев. Образ Пресвятой Девы Гвадалупской стал излюбленным в живописи

¹ Torres Sanchez R. *Amores y nostalgias*. México, 1999. Без пагинации.

колониального времени, также как в литературе и театре. Ей посвятила несколько вильянсико знаменитая мексиканская монахиня XVII века Хуана Инес де ла Крус (1648–1695). В них Дева Гвадалупская называется то «креольской смуглянкой», то «красивой негритянкой».

Уроки модерна особенно очевидны в натюрмортах Кихано, в которых появляются вазы причудливых форм с текучими линиями, которые помогают художнику выстраивать прихотливые композиции с цветами, бабочками и маленькими фигурками фантастических персонажей. Такова картина «Маленький демон, розовый ангел, синие цветы с зеленью листвы, призванные украсить своим присутствием большую вазу в духе «ар-нуво» (1997).

Кихано. Маленький демон, розовый ангел, синие цветы с зеленью листвы, призванные украсить своим присутствием большую вазу в духе «ар-нуво», 1997 г., х., м.

Используя в своем творчестве иронию и гротеск и одновременно погружаясь в мир мифов и легенд индейцев и креолов Мексики, Карлос Масиель представляет мир во всей его целостности – с реальными живыми и неживыми предметами, с луной и солнцем, с фантазиями, порожденными мыслью и воображением, но материализовавшимися и ставшими неотъемлемой частью этого мира. Поэтому ничего удивительного нет в том, что рыбы, цветы и горшок представляют у него гармоничное единство («Серебряная рыбка синего горшка»), что птичке может понравиться ваза («Красная птичка, влюбленная в

громадный горшок с цветами»), что европейская русалка может общасться с черепом метиса («Череп метиса с европейской русалкой, оживляющей его сладострастие»).

Красочные произведения Кихано тем не менее порой рождают и чувство внутреннего напряжения, чему особенно способствуют их характерные длинные названия, в частности, «Жизнь, сценарий такой мрачный, но порой, наполненный таким светом». Но все-таки доминирующая нота в творчестве Карлоса Масиеля, по словам Рафаэля Торреса Санчеса – это преображение действительности, которое, в значительной степени благодаря ироническому отношению к окружающему миру и мифологии, является бальзамом, способствующим противостоять «хаосу, монотонности и враждебности»¹. Одно из последних произведений художника, подтверждающих это положение, называется «Горшочек-сердце с красными цветами и лампочкой надежды» (2016).

Кихано. Горшочек-сердце с красными цветами и лампочкой надежды, 2016 г.

С 2014 г. Кихано живет и работает в Куэрнаваке, в доме, в котором с 1950 по 1965 г. жил Эрих Фромм, оказавший столь сильное влияние на формирование художника.

¹ Torres Sanchez R. Amores y nostalgias. México, 1999. Без пагинации.

Литература

1. Кихано. Агонии, искушения, ликования. Каталог выставки. М., МП «Все для Вас», 1992.
2. *Основателем* Л. С. Кихано обретает себя // Кихано. Агонии, искушения, ликования. Каталог выставки. М., МП «Все для Вас», 1992. С. 6, 7.
3. Шелешнева-Солодовникова Н. А. Латиноамериканское искусство сквозь призму постмодернизма. М., ИЛА РАН, 2008. С. 86–91.
4. Эрнст Р. Масиель Санчес Л. К. Аллегория поцелуя и другие любовные ухищрения Кихано // Tatlin-News, 2 (74) 118, 2013. С. 45–52.
5. *De Anda E. X. Los espejos de Kijano* // Serie de amor, stenos y esperanza. Culiacán, 2009. P. 6, 7.
6. *Ernst R. El estratega del entusiasmo*. México. D. F. Granices, 2013.
7. *Fourez C. Kijano. L'ensorceler de la couleur* // Allegorie de la mort et autres subtilités de la vie. Kijano. Lillie, 2013. P. 3, 4.
8. *Torres Sánchez R. Kijano. Amores y nostalgias*. México, 1999. Без пагинации.

Natalia A. Sheleshneva-Solodovnikova

The Institute of Latin American Researches, RAS
 sheleshnata@gmail.com

**The Mexican Painter Carlos Maciel: the Postmodern Paradigm
 and National Identity**

Abstract: The article is devoted to the work of Mexican artist Carlos Maciel, who took the pseudonym "Quijano", which is a direct reference to "Don Quixote". His works are characterized by the rational playing, characteristic of postmodernism, often quoting famous images of world art. Analyzing a number of Quijano's works, which beat the paintings of famous masters, the author concludes that at the same time Quijano seeks to emphasize his national identity. He achieves this by using irony and grotesque, often plunging into the world of myths and legends of the Indians and Creoles of Mexico, imagining the world in its entirety – with real living and inanimate objects, with the sun and moon, with fantasies generated by thought and imagination, but materialized and became an integral part of this world.

Key words: Carlos Maciel; Mexico; postmodern paradigm; national identity; memories; fantasies; imagination.

Раздел II

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.134.2

С. А. Алыпова
МГУ имени М. В. Ломоносова

СТАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА АКЦИОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Аннотация: В основе данного исследования на материале современного испанского языка лежит акциональная теория С. Г. Татевосова, а в частности его идея о необходимости при определении акционального типа предиката ориентироваться на свойства наблюдаемых глагольных форм, а не на абстрактные лексико-семантические характеристики глагола как изолированной единицы, поскольку имеет место проблема непрямого доступа. Наиболее ярко эта проблема проявляет себя, если принять во внимание акциональную вариативность, то есть возможность существования различных акциональных интерпретаций грамматических форм одного и того же глагола. Тем не менее, объяснение существования акциональной вариативности усложняется лексической избирательностью данного феномена, то есть различием в акциональных интерпретациях одинаковых грамматических форм на первый взгляд однотипных глаголов (как минимум, однотипных по мнению крупных исследователей испанского языка). В качестве практической базы исследования рассматриваются стативные предикаты «*vivir*» и «*limitar*». На основе корпуса *CORPES XXI* была проанализирована релевантность применения теории Татевосова к материалу испанского языка.

Ключевые слова: акциональность; акциональная вариативность; стативные предикаты; современный испанский язык; корпусное исследование.

В основе теории акциональности лежит классификация американского исследователя З. Вендлера [Vendler, 1967], предложившего распределить глаголы английского языка на четыре класса на основе следующих оппозиций, определяющих базовую семантику предиката: стативность/динамичность; предельность/непредельность (наличие/отсутствие семы возможности достижения предела); пунктивность/дуративность (наличие/отсутствие семы длительности). Вендлер делит глагольные предикаты на четыре группы: «*states*» («сстояния»), «*activities*» («деятельности»), «*accomplishments*» («свершения») и «*achievements*» («достижения»). Данная классификация была воспринята как универсальная и перенесена на материалы многих других языков (в том числе, на русский и испанский). Например, в таких

основополагающих лингвистических трудах, как «Дескриптивная грамматика испанского языка» [de Miguel, 1999, р. 2977–3060] и «Новая грамматика испанского языка», выпущенная Испанской королевской академией [NGLE, 2009, р. 1692–1709], именно данная классификация взята за основу, на что в дальнейшем и опираются многие современные ученые.

Однако, как утверждается и подробно обосновывается в работах крупнейшего российского типолога С. Г. Татевосова [Татевосов, 2016], эта классификация, разумеется, не может быть применима к абсолютно любой лингвистической системе, не подвергаясь межъязыковому варьированию. Татевосов создает свою теорию и акциональную классификацию, которая, в свою очередь, так же, как и вендлеровская когда-то, претендует на универсальность. В исследовании стативных глаголов испанского языка мы применяем данную классификацию.

Татевосов определяет два обязательных критерия для акционального значения «состояние»: кумулятивность (гомогенность) и истинность в точке.

Важно упомянуть, что в своей теории Татевосов предлагает не ориентироваться на свойства ненаблюдаемых лексем, а обратить внимание на свойства наблюдаемых глагольных форм. Высказанное предложение актуально, поскольку имеет место так называемая проблема непрямого доступа – то есть невозможность рассматривать глагол как лексему изолированно, вне контекста, лишая его аспектуально-временных показателей.

Проблема непрямого доступа наиболее ярко проявляется себя, если принять во внимание *акциональную вариативность*, то есть возможность сосуществования в языках разных акциональных интерпретаций различных грамматических форм *одного и того же* глагола. В этой связи следует прокомментировать не разные, а даже, казалось бы на первый взгляд, одну и ту же форму Аориста (*Indefinido*) глагола *saber* ‘знать’, который грамматиками интерпретируется как стативный глагол. Примеры (1a–b), как и все последующие, взяты из корпуса современного испанского языка CORPES XXI.

(1) a. Nadie **supo** nada de ella *durante muchos años* y, cuando se la creyó muerta, <...>

(Sánchez-Andrade, Cristina: Bueyes y rosas dormían. Madrid: Ediciones Siruela, 2001)

Никто ничего не знал о ней долгие годы, и, когда ее посчитали умершей, <...>

b. El niño, ante la mirada vidriosa de los ojos azules, **supo de repente** que el vil sujeto no existía <...>

(Amo, Álvaro del: Casa de Fieras. Madrid: Alianza Editorial, 2006)

Ребенок, перед стеклянным взглядом голубых глаз, узнал вдруг, что гнусного типа не существовало <...>

Выделенные обстоятельства делают очевидным тот факт, что, если в примере (1a) речь идет о состоянии, ограниченном левым и правым пределом, то глагол в примере (1b) приобретает индоативное значение – «вхождение в состояние». Таким образом, форма *Indefinido* глагола *saber* может иметь более одной акциональной интерпретации, что подтверждает идею о необходимости анализировать уже определенные контекстом формы глагольных предикатов, а не изолированные абстрактные лексемы.

Согласно С. Г. Татевосову [Татевосов, 2016, с. 15–23], существует несколько трактовок подобного феномена. Крупные исследователи аспекта и акциональности в романских языках П.-М. Бертинетто и Д. Дельфитто, например, говорят об «акциональной гибридности» предикатов, однако не рассматривают ее подробно [Bertinetto, Delfitto, 2000]. Данное объяснение сводится к тому, что в глаголе изначально заложены обе интерпретации, а сам он является акционально неоднозначным. Тем не менее, вопрос о том, как в этом случае взаимодействуют акциональность и аспект, в каких условиях и почему реализуются те или иные акциональные характеристики при одинаковых грамматических показателях, остается без ответа.

Еще одной из интерпретаций рассматриваемого феномена является теория американской исследовательницы, автора «двуихкомпонентной теории вида», К. Смит об исходных и производных «ситуационных типах» (так Смит называет акциональные классы) [Smith, 1991/1997]. Теория утверждает условное интуитивное существование некоторой изначальной акциональной интерпретации лексемы, которая доступна в любой ситуации, и дальнейшее образование от нее побочных акциональных значений, приобретаемых под влиянием контекста, например, определенных наречий (обстоятельств). Пример (1b) иллюстрирует высказанную мысль, наречие *de repente* ‘вдруг’ очевидно добавляет индоативное прочтение изначально стативному предикату.

С идеей, предложенной К. Смит, схоже рассматриваемое многими лингвистами понятие «коэрсии» (с англ. *coercion* переводится как «принуждение», мы опираемся на русскоязычную кальку этого

лингвистического термина, предлагаемую Татевосовым), суть которого также состоит в изменении предикатом своей акциональной характеристики под воздействием внешнего контекста в случае семантического конфликта двух элементов.

Действительно, высказанные теории могут объяснить многие случаи возникновения акциональной вариативности, в каких-то случаях этот механизм достаточно стабилен и может быть применим ко всем однотипным глаголам. Например, определенный акциональный класс вступает во взаимодействие с определенным аспектуальным оператором, что приводит к определенному результату, схожему для всех представителей класса. В качестве иллюстрации можно привести рассматриваемый нами в других работах ([Алыпова, 2023]) механизм приобретения стативными предикатами динамической интерпретации под воздействием грамматического показателя прогрессива: в испанском языке это сочетание стативных предикатов с герундиальными perífrasами, например, «*estar* + герундий» или «*ir* + герундий».

Однако подобные теории никак не могут объяснить лексическую избирательность данного явления. Развернем эту мысль, сравнив два глагола, которые испанские исследователи относят к вендлеровскому классу состояний. Мы предлагаем рассмотреть именно эти глаголы, так как в «Дескриптивной грамматике испанского языка» автор главы про так называемый «лексический аспект» (то есть «акциональность») Елена де Мигель на основе их семантики относит их к одному типу – «*verbos que indican permanencia en un estado o en una situación*» ‘глаголы, обозначающие нахождение в каком-либо состоянии или ситуации’ [de Miguel, 1999, р. 3013]. Это глаголы *vivir* ‘жить’ и *limitar* ‘ограничивать’. Следует отметить, что семантически они все же мало близки, но больший интерес представляют их акциональные значения.

Если сравнивать употребление этих глаголов в Имперфекте (2–3), они одинаково стативны.

(2) En aquellos momentos, Cremona **vivía** una intensa vida cultural en todos los órdenes, en la que destacaban, con la música, talleres de muy buenos pintores <...>

(Merino, José María: La novela posible. Barcelona: Alfaguara, 2022)
В те моменты Кремона **жила** активной культурной жизнью <...>

(3) Mis padres me repitieron muchas veces que el pan que yo traje debajo del brazo fue la supresión definitiva de la cartilla de racionamiento, aquel corralito alimentario de la posguerra que

limitaba la cantidad que cada familia podía comprar de determinados alimentos.

(Díaz-Mas, Paloma: *El pan que como*. Barcelona: Anagrama, 2020)

*Мои родители много раз повторяли мне, что хлеб, который я принес под мышкой, был окончательной отменой продовольственной карточки <...>, которая **ограничивала** количество определенных продуктов, которые могла купить каждая семья.*

Но как только рассмотрению подвергаются формы Аориста (4–5), выясняется, что в случае глагола *limitar* возможны две интерпретации – пример (5a), подобно примеру (1a) с глаголом *saber*, обозначает состояние, ограниченное левым и правым пределом, на что указывают выделенные обстоятельства, а (5b), как и (1b), представляет собой, в ряду других последовательных действий, точечную ситуацию, вхождение в состояние – как бы *empezó a limitar* ‘начал ограничивать’. При этом в более чем 250 рассмотренных нами корпусных контекстах (что, согласно статистике, достаточно для того, чтобы сделать соответствующий вывод) глагол *vivir* в перфективной форме не проявлял значения «вхождение в состояние», только само «состояние», ограниченное с обеих сторон (4).

(4) Se dio a todos sus muertos y **vivió una larga temporada de excesos**, y hasta se mostró en el teatro con él, cuando debían estar paseando por el cementerio.

(Nieva, Francisco: «*El Rey de la Muerte*». Argumentario clásico. Toledo: Lengua de Trapo, 2001)

*Она отдалась всем своим мертвцевам и **прожила** долгое время, совсем не контролируя себя <...>*

(5) a. El modelo de negocio de las bolsas de valores se mantuvo inalterado *desde su creación hasta finales del siglo XX. Durante ese periodo*, las bolsas **limitaron** su actuación al ámbito local, estuvieron protegidas de la competencia del resto de mercados y no existían plataformas alternativas de negociación.

(González Pueyo, Javier: *Proceso de consolidación de las infraestructuras de mercado*. Bilbao: Comisión Nacional del mercado de valores, 2010)

*Бизнес-модель фондовых бирж оставалась неизменной с момента их создания до конца двадцатого века. В течение этого периода биржи **ограничивали** свою деятельность местным*

уровнем, были защищены от конкуренции со стороны других рынков <...>

b. Prohibió a los colonos expandirse hacia el Oeste, pretendió implantar una administración eficiente, impuso sus leyes de navegación, **limitó** el comercio de sus territorios con otras colonias francesas de Centro América y aprobó la Ley de Pinos Blancos, que impedía la tala de árboles porque eran necesarios para la construcción de embarcaciones.

(Redondo, Javier: «Historia de dos revoluciones». Nueva Revista de Política, Cultura y Arte. Madrid: Nueva Revista.net, 2019-02-21)
Он запретил поселенцам расширяться на Запад, <...> ввел свои законы о судоходстве, ограничил торговлю своими территориями с другими французскими колониями в Центральной Америке и принял Закон о белых соснах <...>

Мы намеренно как в случае имперфективной формы, так и в случае перфективной формы привели в пример глагол *vivir* в том значении, которое обладает свойством переходности, на это указывают выделенные дополнения (2 и 4). Это сделано для того, чтобы по синтаксическим характеристикам сблизить его с глаголом *limitar* и иметь больше оснований для сравнения. Также, конечно, возможно прочтение этих дополнений именно как ограничивающего контекста, обозначающего конкретные временные пределы. Разумеется, и в тех случаях, когда глагол *vivir* не обладает переходностью, его поведение не отличается от описанного выше.

Итак, речь шла о лексической избирательности рассматриваемого феномена. В теории ожидается, что механизм коэрсии неселективен и будет одинаково работать в случаях глаголов с одинаковой акциональностью, поскольку к ним присоединяются одинаковые аспектуальные операторы [Татевосов, 2016, с. 20]. Однако на практике становится очевидно, что это не так, поскольку в случае глагола *limitar* в перфективной форме добавляется еще одна интерпретация по сравнению с *vivir*. Таким образом, коэрсией данное явление объяснить нельзя. Иные теории, связанные с акциональной вариативностью, также не дают ответа на вопрос, почему разные грамматические формы глагола имеют разные акциональные характеристики, при этом не совпадающие у глаголов, которые гипотетически относятся к одному акциональному классу, по крайней мере, в нашем случае согласно классификации испаноязычных исследователей.

С. Г. Татевосов объясняет это проблемой непрямого доступа, как говорилось ранее, и предлагает рассматривать каждую аспектуальную форму как *сумму* акциональных значений. Таким образом в качестве акциональной характеристики глагола он предлагает рассматривать сумму всех возможных акциональных значений основной перфективной и основной имперфективной форм (в нашем случае это *indefinido* и *imperfecto*), так как, по его доказательному утверждению, значения остальных форм оказываются либо равны этим, либо предсказуемо выводятся из них. Мы примем данное утверждение ученого, а также примем его классификацию основных акциональных значений, их пять: состояния, (единичный) процесс, вхождение в состояние, вхождение в процесс, мультиплективный процесс. Также, например, аспектолог из Санкт-Петербургского государственного университета Е. В. Горбова объединяет значения «вхождение в состояние» и «вхождение в процесс» в одно – «вхождение (в)», таким образом, у нее таких классов четыре [Горбова, 2017]. Однако мы придерживаемся теории Татевосова и вслед за ним будем характеризовать глаголы следующим образом: *vivir* <состояние; состояние>, а *limitar* <вхождение в состояние, состояние; состояние>, где до точки с запятой указаны все возможные значения, принимаемые глаголом в основной перфективной форме, а после точки с запятой – в основной имперфективной форме (подробнее см. [Татевосов, 2016]).

Таким образом, становится очевидным, что рассмотренные глаголы объединять в один класс стативов, как это делают испаноязычные ученые, следуя Вендлеру, не представляется возможным. По Татевосову, глаголы состояния, которые, собственно, характеризуются тем, что хотя бы в одной из своих форм обозначают только состояние, делятся на три класса: собственно стативы <состояние; состояние>, которые обозначают только состояние во всех формах, (слабые) инцептивно-стативные глаголы <вхождение в состояние, состояние; состояние>, у которых в перфективной форме может наблюдаться дополнительное инцептивное значение и сильные инцептивно-стативные глаголы <вхождение в состояние; состояние>, у которых возможна только инцептивная интерпретация перфективных форм.

Разумеется, в языках мира распределение глаголов между этими тремя классами неравномерно. С. Г. Татевосов пишет о значительном превалировании слабых инцептивно-стативных глаголов в языках в целом. Это, судя по нашим наблюдениям, можно подтвердить и на материале испанского языка.

Также следуя логике языка и опираясь на корпусные данные, в испанском языке к классу собственно стативных глаголов зачастую будут относиться глаголы, определяемые исследовательницей, ныне ректором Автономного университета Мадрида, А. Мендикоэтчеа [Mendikoetxea, 1999, p. 1607–1614] как *verbos de existencia* ‘глаголы существования’: *existir* ‘существовать’, *vivir* ‘жить’, *habitar* ‘населять’, *permanecer* ‘пребывать в к-л состоянии’, *haber* ‘иметься’, и т. д. Но таких глаголов немного.

В результате данного исследования сильные инцептивно-стативные глаголы в испанском языке не были обнаружены, все осуществляемые нами проверки наиболее частотных глаголов, отнесенных к классу стативов «Дескриптивной» и «Новой» грамматиками [de Miguel, 1999, p. 2977–3060; NGLE, 2009, p. 1692–1709], приводили к обнаружению слабых инцептивно-стативных глаголов. По-видимому, в испанском языке сильные инцептивно-стативные глаголы, действительно, могут отсутствовать, согласно Татевосову, это вполне нормально для отдельных языков.

Таким образом, в ходе исследования была доказана релевантность применения классификации С. Г. Татевосова к материалу современного испанского языка, поскольку проблема непрямого доступа и невозможность объяснения описанного феномена акциональной вариативностью не позволяет однозначно определить акциональные типы предикатов, что делает классификации, предложенные испаноязычными учеными, неактуальными.

Литература

1. Алыпова С. А. Акциональные классы глаголов в составе герундиальных перифраз: исследование на основе корпуса современного испанского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». М., 2023. Вып. 5. С. 107–113.
2. Горбова Е. В. Грамматическая категория аспекта и контекст: на материале испанского и русского языков. СПб., 2017. 418 с.
3. Татевосов С. Г. Глагольные классы и типологии акциональности. М., 2016. 568 с.
4. Bertinetto P. M., Delfitto D. Aspect vs. actionality: Why they should be kept apart // Dahl Ö. (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000. P. 189–225.
5. De Miguel E. El aspecto léxico // Bosque, I., Demonte V. (dirs.). Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. 2. Madrid, 1999. P. 2977–3060.

-
6. *Mendikoetxea A. El aspecto léxico* // Bosque, I., Demonte V. (dirs.). Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. 2. Madrid, 1999. P. 1575–1630.
 7. NGLE 2009 = Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española: Nueva Gramática de la Lengua Española. Morfología y sintaxis. Madrid, 2009. 4032 p.
 8. *Smith C. S. The parameter of Aspect*. 2d ed. Dordrecht, 1997. 353 p.
 9. *Vendler Z. Verbs and times* // Linguistics in philosophy. Ithaca, 1967. P. 97–121.
 10. *Corpus del Español del siglo XXI* (Real Academia Española). <https://www.rae.es/banco-de-datos/corpes-xxi> (дата обращения: 14.01.2024).

Svetlana A. Alypova

Lomonosov Moscow State University

alypova_sveta@mail.ru

Stative Verbs in Modern Spanish: Problem of Actional Variability

Abstract: This study, based on the Modern Spanish language, focuses on the actional system of S. G. Tatevosov and a problem referred to in the literature as the Problem of indirect access. Discussing this problem, we take into account the actional variability, that is, the possibility of coexistence of different actional interpretations of grammatical forms of the same verb. Nevertheless, its explanation is complicated by the lexical selectivity of this phenomenon, that is, the difference in the actional interpretations of identical grammatical forms of verbs, which, according to major Spanish linguists, belong to the same actional type. The stative predicates "vivir" and "limitar" are considered as the practical basis of the study. Using the materials of the *Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES XXI)* we analyzed the relevance of applying Tatevosov's theory to the Spanish language.

Key words: actionality; actional variability; stative verbs; modern Spanish; corpus-based research.

УДК 811.134.1

А. В. Иванова
СПбГУК ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ГЛАГОЛА *ESTAR*
В КАТАЛАНСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению феноменологии глагола *estar* в каталанском языке, которая не сводится к тривиальной формуле "*estar castellanitzat*". Автор не ставит своей целью объяснить принципы дистрибуции дихотомии *essere / estar* (этому вопросу посвящен лишь краткий обзор наиболее авторитетных работ зарубежной каталанистики), а предпринимает попытку на материале корпусных данных показать, что функционирование *estar* характеризует очень тонкий нюанс: здесь имеет место не кастильское влияние / подражание, а свое собственное, пусть более медленное, но самобытное развитие одной из двух уникальных иберо-романских глагольных *par ser / estar* и *haver / tenir*.

Ключевые слова: *essere / estar*; локативная конструкция; арибутивная конструкция; гиперкоррекция; кастильянизм.

Наиболее авторитетные каталанские грамматисты неоднократно обращались к проблеме функционирования *ésser / estar*, но, несмотря на это, она продолжает оставаться актуальной, в связи с неоднозначной трактовкой отдельных случаев.

Эпиграфом к этой статье могли бы послужить слова одного из выдающихся каталанских исследователей – Ж. Солá, который, не скрывая своего удивления, акцентирует внимание на том, что об одном из центральных и самых сложных вопросов синтаксиса, нормативная грамматика *парадоксальным и необъяснимым* образом *не сообщает ни единого слова* («...un punt dels més centrals i difícils de tota la sintaxi, del qual, paradoxalment, inexplicablement, la gramàtica normativa no diu ni una sola paraula») [Solà, 1994, p. 127].

Помпей Фабра, в свое время обозначив проблему как таковую, не подверг её систематическому описанию. В своей знаменательной серии «Converses filològiques» П. Фабра говорит о глаголах *ésser / estar* довольно лаконично в виде нескольких коротких эссе, описывающих ряд конкретных и специфических случаев

употребления. Среди них – *estar* в локативной функции, которая находится в фокусе постоянного внимания и в работах последующих исследователей. Примечательно, что П. Фабра указывает на то, что кастильский *estar* с локативным членом позволяет «перевести» на испанский каталанское предложение с глаголом *ésser*, ср.: исп. *¿Dónde está tu padre?* = кат. *On és el teu pare?* [Fabra, 2010, p. 296]. Далее П. Фабра приводит два неравнозначных предложения-высказывания:

- (A) *Mon pare és a Girona.*
 (B) *Mon pare està a Girona.*

В примере под литерой А, глагол *ésser* используется для выражения актуального местоположения в момент речи («здесь и сейчас»). Напротив, в примере под литерой В использование *estar* указывает на перманентное или длительное пребывание в конкретном месте и означает то же, что и каталанские глаголы *residir* «проживать где-то», *habitar* «обитать, жить где-то», *fer estada* «задержаться где-то, остановиться где-то = жить где-то». В этом смысле приведенные выше примеры (A) и (B) могли бы быть эквивалентны предложениям (A1) и (B1) соответственно:

(A1) *El meu pare ara es troba a Girona.* – «Мой отец сейчас находится в Жироне».

(B1) *El meu pare resideix a Girona.* – «Мой отец проживает в Жироне».

Резюмируя, можно констатировать, что функционирование каталанских локативных моделей, учитывая временнóй критерий дистрибуции в них глаголов *ésser* / *estar* не имеет ничего общего с кастильским. Их четкая смысловая дифференциация демонстрируется П. Фаброй на примере следующего диалога, ср: «*El senyor X.? – No hi és. – No està aquí? – Sí, està aquí; però ara no hi és.*» [Fabra, 2010, p. 522] – «Сеньор X.? – Его нет. – Разве он не здесь (живет / работает и т. п.)? – Да, здесь, но сейчас его нет на месте». Тенденцию к использованию с локативами глагола *estar* как синонима *ésser* П. Фабра называет «тревожной» (alarmant) [там же, с. 521], с которой «следует бороться решительно и непримиримо» («*caldria que combatéssim a ultrança: el fet d'emprar estar en lloc de ésser significant «trobar-se (en un lloc)»*» [там же, с. 527].

Что касается атрибутивных моделей, то П. Фабра подчеркивает, что правила, дифференцирующие в кастильском употребление *ser* / *estar* с прилагательными, для каталанского языка не применимы [там же,

с. 529]. Использование глагола *estar* для описания состояния субъекта допустимо в каталанском только в отношении субъекта-лица, например, *està fred* «простужен», а с неодушевленными существительными – нет,ср.: кат. *una beguda *està* freda, только с *ésser*: *una beguda és freda* «напиток холодный» [там же].

В своей «Грамматике каталанского языка» А. Бадиа-и-Маргерит, объясняя нюансы функционирования атрибутивных предложений, тенденцию использования *estar* квалифицирует как кастельянизм. Среди дифференцирующих критериев использования *ésser* / *estar* выделяются два: (1) признак одушевленности / неодушевленности субъекта, а также (2) семантика перманентность / временность приписываемой субъекту качественной характеристики. Что касается *estar* в локативных предложениях, то здесь А. Бадиа-и-Маргерит совпадает с тезисом П. Фабры [Badia i Margarit, 1962].

Ж. Валькорба в своем диахроническом исследовании, ориентированном на изучение исконных принципов употребления глаголов *ésser* / *estar*, рассматривает предложения с обстоятельствами времени, имеющими количественное значение, и указывает, что последние придают высказыванию *перфективный* смысл и оно, таким образом, всегда строится с глаголом *estar*,ср.: **Molts dies stigueren los missatgers en aquella ciutat, abans que poguessen perlar ab lo rey.** – «Много дней посланцы пробыли в этом городе, прежде чем смогли поговорить с королем».

В предложениях, где нет количественно-временного маркера, утверждения носят *имперфективный* характер и, таким образом, в них всегда используется глагол *ésser*,ср.: *Que al maití, a alba de dia, serien davant Messina.* – «Что утром, на рассвете, они будут у (стен) Мессины».

Как и у П. Фабры, и у А. М. Бадиа-и-Маргерит, у Ж. Валькорба *ésser* обозначает временное местонахождение субъекта в указанном месте, а *estar* – перманентное [Vallcorba 1978].

Уже упоминавшийся выше Ж. Сола отмечает, что функционирование *ésser* / *estar* – это, возможно, тот момент в синтаксисе, когда каталанские диалекты наиболее расходятся [Solá, 1994, p. 128].

В северном ареале, как пишет Солá, вследствие французского соседства, доминирует глагол *ésser* даже в тех случаях, которые в других диалектах не были ассимилированы. По мере продвижения на юг, становится заметным более широкое использование *estar*, что, по сути, делает систему этих глаголов в точности параллельной кастильской системе. В Каталонии и на Балеарских островах существует

определенный баланс между этими двумя глаголами, но *estar* там также начинает доминировать неудержимо за счет *ser(-hi)*, *haver-hi* и др. [там же].

Помимо заметной экспансии *estar* в каталанском, Ж. Солá обращает внимание и на прямо противоположную тенденцию к *гиперкоррекции* (*la ultracorrecció*): «опасения перед некорректным употреблением глагола *estar* приводят к хаотичной ситуации», заставляя говорящих использовать глагол *esser* даже в исконных случаях функционирования *estar* [Solà, 1989, p. 67].

Общие выводы Ж. Солá о функционировании локативных моделей основываются на дифференциации субъекта по параметру одушевленность / неодушевленность. С неодушевленными субъектами предпочтительно употребление глагола *esser*, с одушевленными – этот же глагол в случае простой констатации локации, *estar* – при указании на перманентность / стабильность локативного отношения. Кроме того, в пресуппозиции отмечается активность субъекта. Так, *estic al teu costat* – не просто нахожусь рядом / занимаю это место, но *et faig companyia* «общаюсь, составляю компанию» [там же, с. 72].

В Грамматике каталанского языка Института каталанских исследований (I'IEC = L'Institut dels Estudis Catalans), в отличие от классического тезиса П. Фабры, при рассмотрении атрибутивных моделей проводится дифференциация: *esser* – для неотъемлемых качеств субъекта, *estar* – для качеств в результате изменения их состояния, «приобретенные качества или достигнутое состояние», ср.: *Aquesta sala és molt freda, però ara està calenta perquè hi ha dues estufes* [GIEC, 2016] – «Эта комната очень холодная, но сейчас там тепло, потому что топятся две печи». Как видно из примера критерий неодушевленности субъекта во внимание не принимается.

Локативные модели рассматриваются в этой грамматике с опорой на те же критерии, что и в работах авторов, рассмотренных выше.

Если разделить весь континуум моделей с глаголом *estar* на две структурно-семантические группы: *атрибутивные* модели и *локативные* модели, то первые на сегодняшний день изучены гораздо лучше, чем вторые. Особенno следует выделить среди исследователей атрибутивных моделей – работы А. Ваньо-Сердá, основанные на тщательном анализе большого эмпирического материала как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте [Vaño-Cerdá, 1982; 1999; 2000; 2002].

Далее в нашей статье мы остановимся на освещении менее разработанного вопроса о функционировании локативных моделей и сфокусируемся при этом на диахроническом аспекте с целью критически рассмотреть тезис о кастильском влиянии на каталанский в вопросе экспансии глагола *estar*.

Для верификации этого тезиса мы пользовались данными Корпуса старокаталанских текстов (Corpus Informatitzat del Català Antic (сокр. CICA)). Подчеркнем, что обращение к старокаталанским текстам нацелено на констатацию автохтонных случаев функционирования глагола *estar*, а не на выявление нормы там, где её еще не могло быть ни в каталанских, ни в кастильских текстах (в связи с тем, что обе грамматические системы находились в активной фазе их становления).

По данным корпуса CICA самый ранний каталанский документ, в котором зафиксирован глагол *estar* в локативной функции, датируется XII веком, ср.: ...perquè III·clergues que *is solien estar*, ara *no n' i està* for I, e aquel morí de fam... (Greuges dels homes de Sant Pere de Graudescal, segle XII, Pàg. 69, línia: 7) – «... потому что троих священников, которые там обычно находились, теперь там нет, кроме одного, а тот умер от голода...».

В кастильском – согласно корпусу староиспанских текстов (Corpus Diacrónico del Español (сокр. CORDE)) – *estar* зафиксирован лишь немногим ранее – дважды в Харджах, а затем в «Песни о Сиде», но это уже конец XII века.

В XIII веке в каталанском (с учетом всех диалектальных вариантов корпуса CICA) формы, например, 3 л. ед. и мн. ч. встречаются уже 350 раз, в XIV в. – 689 и так далее, что говорит о довольно широкой употребительности данной глагольной лексемы на ранних этапах истории каталанского языка.

По структуре и семантической характеристике составляющих локативных моделей с *estar* можно сделать следующие выводы:

Действительно доминирующей (вне зависимости от диалекта) является структура:

S. Animat + Loc + Permanent (= viure, habitar en algun lloc)

Ср. в валенсийском: En Jacme Bernat, qui *està* en Benhelim, terme de Penàguila, és condempnat, en pena del quart, en dar e pagar a n Domingo Ce[p]jello, n[o]tari, tres cafis (Llibre de Cort de Justícia de Cocentaina (1294–1295)); в центральном каталанском: Aquestes géns qui han nom "almogàvers" són unes géns qui no viuen sinó d' armes e **no estan** en ciutats

ne en viles, sinó en muntanyes e en boscs... («Crònica de Bernat Desclot», segle XIII); в мальоркинском: Fem-vos sab[e]r q[ue]·n R[amon] Vives, q[ui] *està* a Sixneu ten gran tort¹ al senyor en B[er]n[at]... (Carta de Berenguer Batle a Pere de Montsó, batle² d'Artà, segle XIIIb); в северо-восточном диалекте: Eu te faré adur al loc on *estan* les putas... («Vides de Sants Rosselloneses», segle XIII).

Менее представительной, но далеко не исключительной является группа примеров, в которой местоположение является временным, а не перманентным, при этом обязательное указание на временной отрезок пребывания – отсутствует. Такое развитие структура **S. Animat + Loc + NO-Permanent** получила в XV–XVI вв., ср.:

¿E en qual part *està* Laquesis? – dix Festa. (Curial e Güelfa, segle XV); ...lo religiós digué a la donzella: Digau-me qui és aquella donzella qui *està* a la porta del palau... (Spill de la vida religiosa, segle XVI); un commissari que ·s nomene tal Gavaldà, que vuy *està* en Tortosa... (Corts generals de Montsó, segle XVI).

Полностью исключаемая Грамматикой Института каталанских исследований, Грамматикой А. М. Бадиа-и-Маргерит и в работах Ж. Сола, как не свойственная каталанскому языку, локативная модель с *неодушевленным субъектом* с высокой степенью частотности обнаруживается в старокаталанских текстах. Вот лишь несколько примеров модели **S. Inanimat + Loc**:

...sempre faeren-ne altre a la mola de la serra que *està* entre Murvedre e Puçol (Llibre dels fets del rei en Jaume, XIV); Item, sobre les demandes, que lo dit Bartomeu Pi feia al dit Joan Benimelis, que fossen fets tres peus en una tàpia, la qual *està* davant lo seu alberch... (Libre del Mostassaf de Mallorca, segle XIV); – Senyor cavaller, prech-vos que m digats si partits d'aqueix monastir qui *està* aquí prop. (Curial e Güelfa, segle XV); ...[els llibres] part reconds en unes instàncies de una casa particular que *està* prop la dita cort... (Corts generals de Montsó, XVI); ...si poria furtar lo fruyt molt preciós de un arbre que *està* dins aquest monestir (Spill de la vida religiosa, segle XVI).

Пример одновременного употребления *ésser / estar* в рамках одного высказывания иллюстрирует классический тезис об имперфективном характере *esser* и перфективном характере *estar*, ср.: ...quant les

¹ ten gran tort – совершил большое преступление

² административная должность лица, выполнявшего функции правосудия, алькальд.

ànimes *són* en lo cors d'om són dites «ànimes», mas quant *estan* en infern són apelades «esperitz» («Vides de Sants Rosselloneses», segle XIII).

Опираясь на приведенный материал, можно сделать вывод о том, что кастильское влияние, наверное, трудно было бы опровергнуть, но это отнюдь не современная тенденция, а начавшаяся еще в далекую эпоху формирования романсе, в результате которого функционирование *estar* развилось с большим размахом в кастильском, и, как представляется, особым самобытным образом в каталанском.

Литература

1. *Badia i Margarit, A. M.* Gramàtica catalana. Madrid: Gredos. 1962.
2. *Fabra, P.* Converses filològiques. / Obres completes. Vol. 7. Institut d'Estudis Catalans. Publicacions generals. 2010.
3. GIEC = Gramàtica de la llengua catalana. Barcelona: Institut d'Estudis Catalans, 2016.
4. *Solà, J.* Qüestions controvertides de sintaxi catalana. Barcelona: Edicions 62. 1989.
5. *Solà, J.* Sintaxi normativa: estat de la qüestió. Barcelona: Empúries. 1994.
6. *Vallcorba, J.* Els verbs “ésser” i “estar” en català. Barcelona: Universitat de Barcelona / Curial. 1978.
7. *Vañó-Cerdá A.* Estar amable oder Ésser amable? Das ist die Frage! Untersuchungen zum Themenkomplex von 'ser' und 'estar' im Katalanischen // Zeitschrift für romanische Philologie, 116 (2000), p. 456–486.
8. *Vañó-Cerdá A.* Estar con adjetivos como expresión de cualidades permanentes en catalán // Revue de linguistique romane, 66 (2002), p. 523–556.
9. *Vañó-Cerdá A.* La morfología verbal com a una de les causes de la vacillació en l'ús dels verbs èsser i estar en cátala // Zeitschrift für romanische Philologie, 115 (1999), p. 260–279.
10. *Vañó-Cerdá A.* Ser y Estar + Adjetivos. Un estudio sincrónico y diacrónico. Gunter Narr. Tübingen. 1982.

Источники

CICA = Corpus Informatitzat del Català Antic ([URL]: <http://cica.cat>).

CORDE = Corpus Diacrónico del Español ([URL]: <https://corpus.rae.es/cordenet.html>).

Anna V. Ivanova
St. Petersburg State University
avi.trujaman@gmail.com

An Approach to the Functioning of the Verb *Estar* in Catalan in the Light of Corpus Data

Abstract: *The article is devoted to the phenomenology of the verb *estar* in the Catalan language, which is not reduced to the trivial formula "estar castellanitzat". The author does not aim to explain the principles of distribution of the *esser* / *estar* dichotomy (only a brief review of the most authoritative works of foreign Catalan studies is devoted to this issue), but attempts to show on the basis of corpus data that the functioning of *estar* has a very subtle nuance: not Castilian influence / imitation, but its own, although a little bit slower, but peculiar and distinctive development of one of the two unique Ibero-Romance verb pairs *esser* / *estar* and *haver* / *tenir*.*

Key words: *esser / estar; locative construction; attributive construction; hypercorrection; castellanism.*

УДК 811.134.2

М. С. Кругова
ВАВТ Минэкономразвития России

ЯЗЫКОВАЯ ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Аннотация: в статье рассматривается реализация языковой гендерной политики в странах Латинской Америки на примере опубликованных в испаноязычных странах региона рекомендаций по гендерно корректному словоупотреблению. Данные рекомендации анализируются в контексте испанской традиции, поскольку изданные в Испании руководства послужили основой для разработки латиноамериканских материалов, а также с учетом изменений в узусе за последние десятилетия. Языковая гендерная политика в странах Латинской Америки является частью политики по борьбе за права женщин в странах региона, которая получает поддержку на государственном уровне и закреплена законодательно.

Ключевые слова: языковая гендерная политика; испанский язык в Латинской Америке; гендерно корректное словоупотребление.

В испаноязычных странах Латинской Америки в настоящее время активно проводится языковая гендерная политика, направленная на преодоление гендерной асимметрии в испанском языке в странах региона. Данный процесс находится в неразрывной связи с разработкой норм гендерно корректного словоупотребления в Испании, начавшейся значительно раньше. Несмотря на то что языковая гендерная политика в целом не является новой для испанского языка, в Латинской Америке она имеет свои особенности.

Материалом для исследования послужили рекомендации по гендерно корректному словоупотреблению (*recomendaciones, guías, manuales*), изданные в испаноязычных странах Латинской Америки и размещенные в Интернете. Цель – выявить тенденции языковой гендерной политики в странах Латинской Америки.

В испанском языке борьба за гендерную корректность началась с Испании, где с середины 90-х годов прошлого века стали публиковаться различные рекомендации и руководства по устранению гендерной асимметрии в языке, а сторонники феминистской критики языка

активно выступали за изменение норм языка в соответствии с принципами гендерного равноправия. Основная идеологическая борьба на тот момент была сконцентрирована в Испании и осуществлялась в постоянном диалоге с Королевской академией испанского языка, занимающейся разработкой норм испанского языка. Период 2002–2012 гг. стал наиболее продуктивным с точки зрения распространения идей по устранению гендерной асимметрии в языке, о чем свидетельствует преобладающее количество рекомендаций, изданных именно в этот период. На сегодняшний день число документов, опубликованных на испанском и других официальных языках Испании, насчитывает более 120 наименований и охватывает следующие направления: академическая сфера; управление; СМИ и реклама; спорт и культура; инвалидность; образование; трудоустройство и трудовые отношения; юридическая сфера; здравоохранение; общие и ресурсы сети; гражданское общество; технология, наука и окружающая среда [Guías...].

В странах Латинской Америки процесс борьбы за гендерное равноправие в языке начинает активно развиваться с 2010-х гг., хотя в силу географического охвата и социально-политической и идеологической неоднородности стран о едином процессе можно говорить лишь условно. Значительное количество публикаций по гендерно корректному словоупотреблению в Латинской Америке приходится на период после 2010 г., когда в ряде стран региона принимается второе поколение законов о защите прав женщин. К 2016 году 32 страны из 33 стран Латинской Америки и Карибского бассейна (за исключением Кубы) ратифицировали «Межамериканскую конвенцию о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него», более известную как «Конвенция Белен-ду-Пара» [Essayag, p. 15].

Во многих странах Латинской Америки действуют институты, сходные по своим функциям с испанским Институтом Женщин¹: Instituto Nacional de las Mujeres (Уругвай); Instituto Nacional de las Mujeres, INMUJERES (Мексика); Ministerio de las Mujeres, Géneros y Diversidad (Аргентина, до декабря 2023 г.); Instituto Salvadoreño para el Desarrollo de la Mujer, ISDEMU (Сальвадор); Instituto Nacional de la Mujer, INAM (Гондурас); Consejería Presidencial para la Equidad de la Mujer (Колумбия); Ministerio de la Mujer y Derechos Humanos

¹ Instituto de la Mujer (Институт Женщины), существующий в Испании с 1983 года, был переименован в 2014 году в Instituto de la Mujer y para la Igualdad de Oportunidades, а с 2021 года называется Instituto de las Mujeres.

(Эквадор); Instituto Nacional de la Mujer (Inamujer) как отдельный институт, входящий в Ministerio del Poder Popular para la Mujer y la Igualdad de Género (Minmujer) (Венесуэла); Ministerio de la Mujer y Poblaciones Vulnerables (Перу) и др. Их наличие говорит об ориентации в правительственные кругах на гендерное равенство в ответ на активизирующееся феминистское общественное движение [Ребрей, с. 124].

В контексте общей борьбы за гендерное равноправие в регионе издаются рекомендации по гендерно корректному словоупотреблению. Конечно, их количество, степень проработки вопроса и хронология появления варьируются в зависимости от страны. Среди лидеров выделяется Мексика, где первые рекомендации появились еще до 2010 г.¹ По Эквадору и Никарагуа, напротив, информации крайне мало. Тем не менее, процесс идет по всей Латинской Америке. Для иллюстрации отметим некоторые страны:

Аргентина: Recomendaciones para una comunicación no sexista (2020) [Recomendaciones... Ministerio de Ciencia, Tecnología e Innovación]; Guía para el uso de un lenguaje no sexista e igualitario en la HCDH [Guía... la HCDH] – без даты, документ разработан в рамках стратегии Программы модернизации Парламента 2012–2015 гг.;

Боливия (2011): Comunicación, género y prevención de violencia [Comunicación... UNFPA];

Колумбия: Guía para el uso del Lenguaje incluyente (2019) [Guía... Lenguaje incluyente]; Manual para una comunicación libre de sexismoy discriminación para la prevención y eliminación de las violencias contra las mujeres [Manual... Alcaldía Mayor de Bogotá D.C.] – без даты, в рамках плана развития на 2020–2024 гг., с указанием локальных актов, регламентирующих гендерно корректное словоупотребление;

Коста-Рика (2015): Guía de uso del lenguaje inclusivo de género en el marco del habla culta costarricense [Rojas Blanco, Rojas Porras];

Куба (2014): Comunicamos sin exclusión. Cartilla no sexista por una comunicación sensible a género y a favor del desarrollo [Comunicamos sin exclusión...];

Мексика: Manual para el uso no sexista del lenguaje (2011) [Pérez Cervera], Manual de comunicación no sexista, hacia un lenguaje incluyente (2015) [Guichard Bello];

¹ URL: <https://igualdad.ine.mx/lenguaje-incluyente/referencias.html> (дата обращения 22.01.2024).

Панама (2023): *Guía práctica para el uso del lenguaje no sexista desde un enfoque de derechos humanos y perspectiva de género. Versión No. 2. [Guía práctica...]*;

Сальвадор (2020): *Lineamientos de comunicación con lenguaje inclusivo no sexista [Rubio Jovel]*;

Уругвай (2010): *Guía de lenguaje inclusivo [De la Calle Hidalgo]*.

Также в 2018 г. в рамках МЕРКОСУР был разработан документ «*Manual pedagógico sobre el uso del lenguaje inclusivo y no sexista*» для государств-участников соглашения и ассоциированных членов [*Manual pedagógico...*]. В нем подробно описана международная законодательная база, лежащая в основе борьбы за права женщин, начиная с Устава ООН и включая такие основополагающие документы, как «*Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин*» (CEDAW) 1979 г., «*Конвенция Белен-ду-Пара*» и др.

Для латиноамериканских руководств в целом характерно расширение понятия гендерной дискриминации в языке и смещение фокуса в сторону языковой дискриминации как таковой, которая понимается как ущемление прав уязвимых социальных групп при их номинации. Наряду с предложениями по устраниению гендерной асимметрии (формы женского рода при обозначении занятий и профессий, при обращении к лицам женского пола в смешанных коллективах и т. п.) и критикой андроцентричной картины мира в рекомендациях обозначается требование недискриминационного представления в языке уязвимых групп населения: людей с ограниченными возможностями, людей пожилого возраста, этнических и прочих меньшинств, и др. [Guía... la HCDH, p. 44–45; Guía... Lenguaje incluyente, p. 2–4; Manual... Chile, p. 10–13, Protocolo institucional..., p. 14–15; Si no me nombras..., p. 41–43]. В названиях руководств появляется термин *lenguaje inclusivo / lenguaje incluyente*, который редко встречается в материалах, опубликованных в Испании.

С развитием информационных технологий меняется скорость распространения информации и возможность доступа к данным. Поскольку публикация пособий в Латинской Америке приходится на более поздний период развития информационных технологий, возрастает количество рекомендаций в электронном виде и онлайн инструментов относительно общего объема таких документов. Помимо традиционных руководств, опубликованных в электронном виде или изданных на бумаге и размещенных в Интернете, можно привести в качестве примера интерактивное пособие Национального

избирательного института в Мексике «Guía y recomendaciones sobre lenguaje incluyente en la comunicación institucional» [Guía y recomendaciones...], онлайн дидактический материал Секретариата по правам человека в Уругвае «Manual pedagógico sobre el uso del lenguaje inclusivo y no sexista»¹, основанный на одноименном издании МЕРКОСУР 2018 года [Manual pedagógico...] и размещенный в сети в 2021 году.

Кроме того, в Мексике в Иberoамериканском Университете города Мехико было разработано программное обеспечение для создания гендерно корректных текстов CaDi. Онлайн переводчик назван в честь исследовательницы из Университета Валенсии Капитолины Диас, предложившей его создание [López]. Изначально в базе данных словаря было около 500 единиц в форме мужского рода и их гендерно корректные аналоги, то есть всего 1000–1500 слов, однако в нем предусмотрена функция расширения базы, в том числе самими пользователями². В отличие от испанской программы Themis (www.themis.es), CaDi является полностью бесплатной.

Латиноамериканские издания по гендерно корректному словоупотреблению возникают на базе сложившейся в Испании традиции и зачастую составляются на основе испанских публикаций, что можно отследить по спискам использованной в них литературы и по сходной структуре. Тем не менее, включение в процесс на более поздней стадии дает авторам латиноамериканских руководств возможность переосмыслить некоторые распространившиеся в узусе гендерно корректные, но не вписывающиеся в систему языка формулы. Например, не рекомендуется употребление нечитаемых форм со знаком @ (abogad@s, alumna@s) и со знаком X (alumnxs) или ограничивается использование слитных форм женского и мужского рода, написанных через дефис, с использованием скобок или знака / (abogados-as, alumnos(as), alumnos(as) [Manual pedagógico..., p. 14; Guía práctica..., p. 13; De la Calle Hidalgo, p. 33; Rojas Blanco, Rojas Porras, p. 42; Guía ... la HCDH, p. 55; Protocolo institucional..., p. 13; Manual... Chile, p. 34–35]. Также можно найти рекомендации относительно форм с окончанием -es (todes, algunes) [Manual ... Chile, p. 34], которые за последние

¹ URL: <https://www.gub.uy/secretaria-derechos-humanos/comunicacion/publicaciones/manual-pedagogico-sobre-uso-del-lenguaje-inclusivo-sexista/manual> (дата обращения 18.01.2024).

² Ссылка на онлайн сервис CaDi: URL: <https://lenguaje-incluyente.ibero.mx/> (дата обращения 18.01.2024).

5–6 лет получили достаточно широкое распространение в некоторых латиноамериканских странах и в Испании и вызвали жаркую полемику в обществе, СМИ и среди лингвистов с участием Королевской академии испанского языка [González Escalona; Todas, todos...].

Подводя итог, отметим, что борьба с гендерной дискриминацией в языке, или языковым сексизмом (*lenguaje sexista*), началась в Испании в конце XX века и затем распространилась по странам Латинской Америки. Она развивается в благоприятном контексте во многих странах благодаря государственной поддержке и политике по борьбе за права женщин. В целом по региону процесс характеризуется неоднородностью и протекает неравномерно, однако охватывает все испаноязычные страны. Большая часть рекомендаций по гендерно корректному словоупотреблению в странах Латинской Америки относится к 2010-м годам и позже и разрабатывается на основе существующих руководств, изданных в Испании, и с учетом изменений в узусе, вызванных первой волной феминистской критики языка. Вследствие социальных изменений зачастую борьба с гендерной асимметрией в языке получает больший охват, и в неё вовлекаются уязвимые группы населения, подверженные дискриминации по другим признакам. Распространению языковой гендерной политики способствует развитие информационных технологий, поскольку упрощает доступ к онлайн инструментам, электронным ресурсам и формам обратной связи.

Литература

1. Ребрей С. М. Гендерное неравенство в Латинской Америке // Иberoамериканские тетради. 2022, 10(1). С. 113–128. URL: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-113-128> (дата обращения 16.01.2024).
2. Comunicación, género y prevención de violencia. Fondo de Población de las Naciones Unidas (UNFPA), 2011. URL: https://bolivia.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Comunicacion_genero_y_prevencion_de_violencia.pdf (дата обращения 21.01.2024).
3. Comunicamos sin exclusión. Cartilla no sexista por una comunicación sensible a género y a favor del desarrollo. Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo (PNUD). La Habana, 2014. URL: <https://www.undp.org/es/cuba/publicaciones/comunicamos-sin-exclusion-cartilla-no-sexista-por-una-comunicacion-sensible-genero-y-favor-del-desarrollo> (дата обращения 18.01.2024).
4. De la Calle Hidalgo R. Guía de lenguaje inclusivo. Comisión Interdepartamental de Género del Congreso de Intendentes del Uruguay. Montevideo, 2010. URL:

- https://archivo.mides.gub.uy/innovaportal/file/21489/1/6guia_lenguaje_inclusivo_imm.pdf (дата обращения 21.01.2024).
5. *Essayag S.* Del Compromiso a la Acción: Políticas para erradicar la violencia contra las mujeres en América Latina y el Caribe, 2016. Documento de análisis regional. Panamá, 2017. URL: <https://www.undp.org/es/latin-america/publications/del-compromiso-la-accion-pol%C3%ADticas-para-erradicar-la-violencia-contra-las-mujeres-en-am%C3%A9rica-latina-y-el-caribe> (дата обращения 14.01.2024).
 6. *González Escalona N.* ¿Todas, todos y todes? La importancia de enunciar la diversidad // OnCuba News, 27.05.2022. URL: <https://oncubanews.com/cuba/sociedad-cuba/genero/todas-todos-y-todes-la-importancia-de-enunciar-la-diversidad/> (дата обращения 20.01.2024).
 7. Guía para el uso de un lenguaje no sexista e igualitario en la HCDH (Honorable Cámara de Diputados de la Nación). URL: https://www4.hcdn.gob.ar/dependencias/dprensa/guia_lenguaje_igualitario.pdf (дата обращения 21.01.2024).
 8. Guía para el uso del Lenguaje incluyente. Alcaldía de Bogotá, 2019. URL: <https://www.sdp.gov.co/transparencia/informacion-interes/otras-publicaciones/guia-uso-del-lenguaje-incluyente> (дата обращения 21.01.2024).
 9. Guía práctica para el uso del lenguaje no sexista desde un enfoque de derechos humanos y perspectiva de género. Versión No. 2 // Gaceta Oficial Digital, No. 29881, 03.10.2023. URL: <https://www.gacetaoficial.gob.pa/pdfTemp/29881/100775.pdf> (дата обращения 21.01.2024).
 10. Guía y recomendaciones sobre lenguaje incluyente en la comunicación institucional. Instituto Nacional Electoral [recurso electrónico]. URL: <https://igualdad.ine.mx/lenguaje-incluyente/index.html> (дата обращения 21.01.2024).
 11. Guías para el uso no sexista del lenguaje [documento electrónico]. URL: https://www.inmujeres.gob.es/servRecursos/formacion/GuiasLengNoSexista/docs/Guiaslenguajenosexista_.pdf (дата обращения 10.01.2024).
 12. *Guichard Bello C.* Manual de comunicación no sexista, hacia un lenguaje incluyente. Ciudad de México, 2015. URL: http://cedoc.inmujeres.gob.mx/documentos_download/101265.pdf (дата обращения 21.01.2024).
 13. Instituto de las Mujeres (IMS). España [официальный сайт]. URL: <https://www.inmujeres.gob.es/> (дата обращения 10.01.2024).
 14. *López J. CaDi*, el nuevo traductor de lenguaje no sexista // Portal Unidiversidad, 29.04.2021. URL: <https://www.unidiversidad.com.ar/cadi-el-nuevo-traductor-de-lenguaje-no-sexista> (дата обращения 11.01.2024).
 15. Manual para el uso del lenguaje inclusivo no sexista en el Poder Judicial de Chile. Poder Judicial de Chile, 2021. URL: http://secretariadegenero.pjud.cl/images/stignd/proyectos/ManualLenguajeInclusivo/ManualLenguajeInclusivo_PJUD2021.pdf (дата обращения 21.01.2024).

-
16. Manual para una comunicación libre de sexismo y discriminación para la prevención y eliminación de las violencias contra las mujeres. Secretaría de la Mujer, Alcaldía Mayor de Bogotá D.C. URL: https://www.secretariajuridica.gov.co/sites/default/files/Manual_Comunicacion_LibreSexismo_SDM.pdf (дата обращения 21.01.2024).
 17. Manual pedagógico sobre el uso del lenguaje inclusivo y no sexista. RAADH (Reunión de Altas Autoridades en Derechos Humanos y Cancillerías del MERCOSUR y Estados Asociados), 2018. URL: <https://www.ippdh.mercosur.int/wp-content/uploads/2018/11/IPPDH-MERCOSUR-RAADH-Manual-Lenguaje-no-sexista.pdf> (дата обращения 21.01.2024).
 18. Pérez Cervera M. J. Manual para el uso no sexista del lenguaje. Ciudad de México D.F., 2011. URL: https://paot.org.mx/micrositios/Genero_medio_ambiente/pdf/SECCION LENGUAJE_INCLUYENTE/7_Manual_uso_no_sexista.pdf (дата обращения 21.01.2024).
 19. Protocolo institucional de comunicación incluyente y lenguaje no sexista. Tribunal de Ética Gubernamental (TEG), El Salvador, 2021. URL: https://teg.gob.sv/wp-content/uploads/2021/06/protocolo-comunicacion_incluyente_y_lenguaje_no_sexista.pdf (дата обращения 21.01.2024).
 20. Recomendaciones para una comunicación no sexista. Ministerio de Ciencia, Tecnología e Innovación. Ciudad Autónoma de Buenos Aires, 2020. URL: https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/documento_completo_06_08_2020_0.pdf (дата обращения 21.01.2024).
 21. Rojas Blanco L., Rojas Porras M. E. Guía de uso del lenguaje inclusivo de género en el marco del habla culta costarricense. Universidad Nacional (Costa Rica), Instituto de Estudios de la Mujer, 2015. URL: <https://ofinase.go.cr/wp-content/uploads/Guia-de-uso-de-lenguaje-inclusivo-de-genero.pdf> (дата обращения 21.01.2024).
 22. Rubio Jovel S. M. Lineamientos de comunicación con lenguaje inclusivo no sexista [recurso electrónico]. San Salvador, 2020. URL: <https://docplayer.es/195245058-Lineamientos-de-comunicacion-con-lenguaje-inclusivo-no-sexista.html> (дата обращения 05.01.2024).
 23. Si no me nombras, no existo. Promoviendo el uso del lenguaje inclusivo en las entidades públicas. Ministerio de la Mujer y Poblaciones Vulnerables. Lima, 2017. URL: https://www.mimp.gob.pe/files/direcciones/dtgeg/Guia-de-Lenguaje-Inclusivo_v2.pdf (дата обращения 21.01.2024).
 24. Todas, todos y todes: el uso del lenguaje inclusivo no es sancionado en el sistema escolar ecuatoriano // La Hora [edición digital], 26.09.2023. URL: <https://www.lahora.com.ec/pais/todas-todos-y-todes-el-uso-del-lenguaje-inclusivo-no-es-sancionado-en-el-sistema-escolar-ecuatoriano/> (дата обращения 20.01.2024)

Marina S. Krugova

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry
for Economic Development of the Russian Federation
mkrugova@vavt.ru

Language Gender Policies in Latin American Countries

Abstract: *The article examines the implementation of linguistic gender policy in Latin American countries on the example of the recommendations on gender-appropriate word usage published in Spanish-speaking countries of the region. These recommendations are analyzed in the context of the Spanish tradition, since the guidelines published in Spain served as a basis for the development of Latin American materials, as well as taking into account the changes in the usage in recent decades. Language gender policies in Latin American countries are part of the policy of fighting for women's rights in the region, which is supported at the state level and in legislation.*

Key words: language gender policy; Spanish in Latin America; gender-appropriate language use.

УДК 811.134.2

А. В. Кутькова
МГУ имени М. В. Ломоносова

¿CÓMO ESTÁI?: ОПЫТ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧИЛИЙСКОГО VOSEO

Аннотация: Voseo можно определить как использование личного местоимения *vos* с соответствующей глагольной формой, которая восходит к форме второго лица множественного числа при обращении к одному собеседнику в ситуациях неформального общения. Хотя на сегодняшний день *voseo* не является узульным на Пиренейском полуострове, в Латинской Америке картина другая и *voseo* представляет собой одну из примечательных особенностей современной испаноамериканской речи. В предлагаемой статье делается попытка проследить некоторые аспекты развития *voseo* в чилийском испанском на материале письменных документов XVI, XVII и XVIII вв. Наша цель – проанализировать процессы, связанные с языковыми изменениями, и их взаимосвязь с социолингвистическими, pragматическими и культурными факторами.

Ключевые слова: *voseo*; *tuteo*; формы обращения; диахрония; чилийский национальный вариант испанского языка.

Использование личного местоимения *vos* с соответствующей глагольной формой, которая восходит к форме второго лица множественного числа при обращении к одному собеседнику в ситуациях неформального общения – одна из примечательных особенностей современной испаноамериканской речи. В лингвистической литературе за этим феноменом закрепился термин *voseo* [см., например, Kany, Rona, Aleza Izquierdo, Enguita Utrilla]. Употребление в этой же функции местоимения *tú* и глагольных форм 2-го лица единственного числа обозначается термином *tuteo*.

Вопросам географического распространения этих феноменов уделяется большое внимание в испаноамериканской деалектологии уже не первое десятилетие: как известно, первую карту распространения *voseo* составили Педро Энрикес Уренья и Элеутерио Фелипе Тискорния в 30-х гг. XX века [Степанов, с. 155], однако до сих пор границы распространения этих феноменов в Латинской Америке не могут

считаться определенными и исследования в этой области продолжают оставаться актуальными.

Анализ и систематизация местоименных форм обращения на территории всех испаноговорящих стран затрудняются широким территориальным распространением испанского языка, а также спецификой социокультурного и исторического развития каждого национального варианта.

Истоки чилийского, и шире – латиноамериканского – *voseo* следует искать в испанском языке предклассического и классического периодов (более подробно см., например, Lapesa).

Староиспанский язык наследует позднелатинскую систему личных местоимений, в которой местоимение *VOS* использовалось при обращении к одному или нескольким собеседникам среди благородного сословия как форма почтительного обращения (*vos reverencial*).

В XIV веке начинается трансформация унаследованной из поздней латыни семантической оппозиции *tú / vos* (доверительное или более фамильярное обращение vs. вежливое обращение к одному собеседнику). *Vos* как обращение, а также в качестве прямого и косвенного дополнения для 2-го лица единственного числа начинает распространяться среди всех слоев населения, а не только высшего сословия, и приближается по значению к *tú*, утратив прежние коннотации. Та же форма используется и в значении множественного числа – как обращение и дополнение.

Таким образом, на рубеже XIV и XV веков *vos* оказывается семантически перегружено, поскольку передаёт целый ряд различных значений, что естественным образом вызывает путаницу, которая приводит к следующим подвижкам в системе местоимений на территории Пиренейского полуострова.

Для обращения к нескольким собеседникам начинает использоваться форма *vosotros* – результат грамматикализации эмфатической конструкции *vos más alteros* [Карпова, Стефанчиков].

Появляются новые формулы вежливости: *vuestra señoría*, *vuestra alteza* и др., а также наиболее универсальная – *vuestra merced*, которая позднее сократится до *usted*.

Vos перестаёт передавать отношения иерархичности и почтения, постепенно становясь наиболее распространённым обращением среди знакомых, друзей, родственников, людей простого происхождения.

На *tú* обращаются к детям, к членам семьи с более низким статусом или к прислуге.

Кроме того, форма *vos* перестает употребляться в Испании в качестве прямого и косвенного дополнения, её заменяет *os*.

В дальнейшем на протяжении XVI–XVII вв. форма *vos* постепенно утрачивает все контексты, в которых использовалась ранее, и уступает *tú* в качестве местоимения неформального обращения на всей территории Пиренейского полуострова [Penny, p. 139; Карпова, Стефанчиков]. А к XVIII в. *voseo* окончательно выходит из употребления в Испании, уступая место *tuteo*.

При этом в Новом свете складывается другая ситуация. Во многих регионах Америки (Чили, граничащие с ней Рио-де-ла-Плата, Боливия, а также в некоторые зоны Венесуэлы, Колумбии, Эквадора и Центральной Америки) формы *voseo* продолжают использоваться до сегодняшнего дня, и этот феномен является одной из наиболее ярких специфических черт испанского языка Америки.

Выше мы сфокусировались на рассмотрении местоименных форм, однако *voseo* относится к числу тех явлений, которые приводят к заметной передвижке и изменениям не только в системе местоимений (личных и притяжательных), но и в парадигме глагола, которая на сегодняшний день в разных странах Латинской Америки имеет свои особенности.

В так называемом *voseo chileno* [Rona, p. 72] глагольные формы настоящего времени индикатива связаны с окончаниями *-áis* (для глаголов первого спряжения: *habláis*) и *-ís* (второго и третьего: *comís, vivís*).

Говоря о исторических причинах совпадения окончаний глаголов второго и третьего спряжения, Х. П. Рона объясняет этот факт не принципом аналогии, а тем, что в результате фонетической редукции того сегмента глагольной формы, который в пиренейском варианте дал дифтонг *-ei* (*tenéis*), в Чили и некоторых других зонах испанской речи перешел в гласный *-i* (*tenís*), что совпало с формой третьего спряжения. В исторической перспективе, в случае второго типа спряжения имеет место следующая эволюция: *tenedes* – *tenees* – *tenéis* – *tenís*. Формы повелительного наклонения оканчиваются на ударный гласный *-á* (*hablá*) для глаголов первого спряжения и на *-í* – для второго и третьего (*comí, seguí*).

При этом в чилийском *voseo* конечный смычный (имплозивный) *-s* в местоимении *vos* и глагольных формах звучит как аспирированный *-h*, как правило он ослаблен, или выпадает. Таким образом, в местоимении *vos*, в зависимости от звукового окружения может иметь место аспирация (*voh*) или падение звука (*vo*). В глагольных формах на *-áis* (типа *cantáis*) конечного придыхательного звука *-h* почти не слышно,

поэтому часто эти формы записывают с конечным *-ái* (*habláí*). В формах 2-го и 3-го спряжения на *-ís* аспирация слышится яснее, что на письме может выражаться графемой *-íh* (*comíh*).

А. Торрехон [Torrejón], анализируя существующие типы *voseo*, использует термины *voseo auténtico* и *voseo mixto*.

Под *voseo auténtico* подразумевается использование глагольных форм второго лица множественного числа с местоимением *vos* в качестве субъекта при обращении к одному собеседнику. В этом случае местоимение *vos* используется в сочетаниях с предлогом (*de vos*, *con vos*, *pa vos*, etc.), а для прямого и косвенного дополнения используется форма *te*, форма притяжательного местоимения – *tu* и *tuyo*: *vos andái*, *vos comís*, *vos vivís*, *vos te quedái*, *vos te hablo*, *vos hacís tus cosas*.

В свою очередь *voseo mixto* может быть подразделено на *voseo mixto pronominal* и *voseo mixto verbal*.

Voseo mixto pronominal (*vos andas*, *vos comes*, *vos vives*, *vos te quedas*), согласно данным полевых исследований, не характерно для Чили.

Феномен *voseo mixto verbal* заключается в использовании глагольных форм, восходящих к формам второго лица множественного числа, в сочетании с местоимением *tú*, а также безударных форм *te*, *ti*, *tu* и *tuyo*. Этот тип распространен и в Чили: *tú andái*, *tú comís*, *tú vivís*, *tú te quedái*, *a ti te hablo*, *tú hacís tus cosas*.

При этом норме речи образованного населения городов в Чили соответствует *tuteo*. Логично возникает вопрос о том, в какой исторический момент произошло вытеснение из языковой нормы архаичного употребления местоименных и глагольных форм, связанных с *vos*, формами *tuteo*, и почему это не произошло в полной мере.

Следует признать, что известно и введено в научный оборот не так много документов, которые позволяли бы судить о формах обращения в среде первых поселенцев на территории Чили и их потомков.

Тем не менее, можно предположить, что во время завоевания и колонизации Чили в XVI–XVII вв. функционирование форм обращения соответствовало общим тенденциям, характерным для зон, удаленных от административных и культурных центров колоний, какими являлись на тот момент Мехико, Лима и Санто Доминго.

Поскольку первые испанские завоеватели в своем большинстве были людьми простого происхождения, они общались между собой на *vos*, что было характерно для данного социального страта Испании той эпохи. А так как в это время в Испании *vos* начинает также использоваться как форма обращения высшего к низшему,

специально подчеркивающая социальное неравенство коммуникантов, конкистадоры прибегали к ней, выражая свое превосходство по отношению к аборигенам.

Вытеснение *vos* формой *tú* в Новом свете в первую очередь происходило в Лиме, Мехико и Санто Доминго, где были открыты школы и университеты, приглашавшие преподавателей из Испании. А в зонах, подобных Чили, отдаленных от метрополии и не поддерживающих с ней постоянной связи, сохранилось полностью или частично архаичное употребление местоименных форм: оно продолжает использоваться как универсальная форма обращения – в условиях доверительного общения равных или в качестве более фамильярного обращения вышестоящего к нижестоящему.

В работе «*Fórmulas de tratamiento en el español americano (siglos XVI–XVII)*» Фонтанела де Вейнберг [Fontanella de Weinber] показывает, что для официальных документов этой эпохи на территории различных американских колоний, в том числе Чили, характерно использование «*vos de uso antiguo*» при обращении к вышестоящим и к нижестоящим. В частности, она пишет следующее: «*tú* es la fórmula cuyo destinatario se encuentra en el polo de mínimo poder, *vuestra merced* expresa respeto hacia su destinatario, mientras que *vos* ocupa un lugar intermedio, ya que puede expresar un poder más atenuado que *tú* sobre el destinatario en relaciones asimétricas o solidaridad en relaciones íntimas».

Документы, которые исследует Фонтанела де Вейнберг, показывают, что в XVI–XVII вв. в Новом свете *tuteo* и *voseo* могли встречаться не только в тексте одного письма при обращении к одному и тому же адресату, но даже в одном параграфе, как в этом письме из Лимы 1572 года: «Ahora **os** escribe **vuestra** madre, hijo mío. Ahí **os** escribe **vuestro** padre, y **os** ha escrito otras muchas veces, y no **habéis querido** venir. Ahora está ahí el señor Cristóbal Gómez, si **quisieres** y fuera **tu voluntad** **vente** con él, que él **te** dará todo lo necesario...».

Мы исследовали одиннадцать личных писем, написанных между 1551 и 1575 гг. испанскими эмигрантами, осевшими в Чили, своим родственникам в Испании [Otte, с. 550–560]. Это письма 615–625 из корпуса, опубликованного Э. Отто.

Письма 615–617 написаны сестрой к брату в Мадрид, 619 и 620 – сыном к отцу в Медина дель Кампо (Вальядолид), 622 – зятем шурину в Севилью, 625 – по-видимому, незнакомке из Херес де Бадахос (Бадахос), которой автор письма должен был передать некую сумму денег, которую растратил. Во всех упомянутых письмах при обращении

к адресату авторы строго придерживаются местоименных и глагольных форм, связанных с vuestra merced (v.m.). Как видим, форма vuestra merced используется как в случае обращения к людям, не входящим в круг семьи (письмо 625), так и между родственниками. В случае общения между родственниками эту форму использует член семьи с более низким социальным статусом (сестра, сын, зять) при обращении к члену семьи с более высоким статусом (отцу, брату, шурину).

Voseo появляется в этих письмах реже – в условиях более неформального, «сбалансированного» в смысле социальных ролей общения (письмо 618 от тети племяннице в Мадрид).

В письмах, адресованных женам, нет единства при выборе обращения: один муж использует vuestra merced и соответствующие глагольные формы (письмо 621), другой – vos (письмо 624), при этом смешения этих форм в рамках одного письма не происходит.

А вот в письме от старшего брата сестрам, которое мы приводим далее, встречается одновременно и обращение на vuestra merced, и на vos:

«Juan de Zamora a sus hermanas Antonia de Viveros y Ana Perez de Viveros, en Sevilla.

Valdivia, 9.1.1575

Muy queridas hermanas mias:

La gracia y consolation de Dios sea con **vs. mds.** Ya he respondido en otras la mucha pena que a mi anima llego de la muerte nuestra senora madre, solo por no haberla visto de mis ojos antes que de este mundo fuera. Natural cosa es morir, lo que **les** encomiendo le **tengan** gran cuenta con encomendarla a Dios, pues es tan justo y con tanta obligation. Por una parte era gran contento el que recibia con **sus** cartas, hermanas de mi corazon, por otra parte se me partia el corazon con muchas lagrimas en no poder haber**las** yo casado de mi mano, mas, pues Dios fue servido de dar**les** tal compania, entiendo haber sido muy acertado.

Y el no poder yo ir a remediar**las** a Espana es por estar como estoy muy viejo y calvo y pesado, y no para meterme en caminos, y por eso escribo al senor Rodrigo Diaz, **vuestro** marido, que luego que mi carta vea de orden de venirse en la flota y **os** traiga a **vos** y a nuestra hermana, porque Juan de Ribera, su marido, lo estoy aguardando aqui por horas, porque le he enviado a llamar, que esta en Lima en casa de Francisca Vazquez, nuestra prima, y en el entretanto que todos **venis** el se aproveche de algo en esta tierra. Y por el aviamiento de **vuestro** marido envio doscientos ducados, y para **vosotras**, asi que, hermanas, luego, vista esta, se vengan no dilatando tiempo ninguno, porque, como digo, estoy viejo y esta hacienda que tengo

la tengo para **vosotras**, y querria dejaroslo todo repartido, y por las cartas que escribo a mi hermano Rodrigo Diaz **vereis** la orden que le doy para su venida.

En esta no digo mas. Nuestro Señor **las** tenga de su mano, amen, y me **las** deje ver antes que muera. De esta ciudad de Valdivia, de este reino de Chile, y de enero 9 de 1575 años, muy queridas hermanas mias, su hermano que verlas desea

Juan de Zamora» [Otte, p. 557].

Как видим, письмо начинается с этикетной формулы приветствия (*La gracia y consolation de Dios sea con vs. mds.*). Можно предположить, что использование *vuestra merced* здесь связано с малой вариативностью этикетной формулировки. Далее, на протяжении всего абзаца, представляющего собой набор формальных фраз, используются местоименные и глагольные формы, связанные с *vuestras mercedes* (*les, tengan, sus, las*).

В следующем абзаце брат обращается к одной из сестер на *vos* (*vuestro marido*) и использует ударную и безударную формы местоимения (*os traiga a vos y a nuestra hermana*). В этом фрагменте письма упоминаются мужья обеих сестер: муж сестры, к которой брат обращается во втором абзаце, назван *vuestro marido*, а муж второй – *su marido* (в значении *de ella*). Далее брат вновь обращается к обеим сестрам, и на этот раз использует местоименные и глагольные формы, связанные с местоимением *vosotras* (*todos venis, para vosotras, vereis*).

Заканчивает письмо этикетная формула прощания (*Nuestro Señor las tenga de su mano, amen, y me las deje ver antes que muera*), в которой используется безударная форма местоимения третьего лица множественного числа (*vuestras mercedes*).

Рассмотренное письмо представляет собой образец доверительного общения равных по статусу собеседников. Роль старшего брата предполагает несколько более высокий статус по отношению к младшим сестрам, но не настолько высокий, как статус отца или дяди. Брат обращается на *vos* к одной, и на *vosotras* – к обеим сестрам во всех случаях, кроме обязательных этикетных формул, либо сходных с ними по функции формальных высказываний (первый и последний абзацы), для которых выбирает *vuestras mercedes*.

Еще одним важным документом, свидетельствующем о состоянии испанского языка в Чили в конце XVII – начале XVIII в. является *Relación Autobiográfica*, личный дневник монахини Урсулы Суарес, проживавшей в монастыре *Agustinas en Santiago* между 1666 и

1749 годами. Урсула происходила из богатой семьи креолов, так что записи в ее дневнике являются ценным свидетельством процессов, происходивших в XVII–XVIII вв. в речи образованных носителей испанского языка в Чили. В частности, находим примеры сосуществования (или неразличения) *voseo mixto verbal* (*tú* + глагольная форма на *vos*) с *voseo auténtico* (*vos* + глагольная форма на *vos*): «**Vos** lo **veréis...** ya no **te** tengo de engañar» [Ferreccio, Rodríguez, p. 174].

Смешение глагольного *voseo* и *tuteo* в одном предложении: «**Sois** muy chiquita y enferma, y no **eres** para monja» [Ferreccio, Rodríguez, p. 127].

Местоимение *tú* в исследуемом тексте редко и появляется в сочетании с глагольными формами 2-го лица как единственного, так и множественного числа, что может быть интерпретировано и как *tuteo*, и как *voseo*: «...respondió: **Tú** lo **pedistes** para tu mortificación; díjele ¿para qué me lo **comediste**...?» [Ferreccio, Rodríguez, p. 161].

Нельзя не отметить также свидетельства смешения глагольных форм второго и третьего спряжения: «Señor de mi alma y Dios de mi corazón, ¿qué **querís** que haga yo?» [Ferreccio, Rodríguez, p. 253].

Таким образом, можно сделать предположение о том, что, в общих чертах, чилийское *voseo* начинает складываться в XVII–XVIII вв.

Если мы взглянем на чилийское *voseo* в перспективе последних 200 лет, то мы увидим по меньшей мере два важных этапа, повлиявших на его развитие.

Первый связан с просветительской деятельностью в Чили в 40-ых гг. XIX в. выдающегося венесуэльского лингвиста Андреса Бельо (1781–1865). Он открыл новую главу в истории испанского языка в Чили.

А. Бельо прожил лишь часть жизни в Чили (с 1829 по 1865 гг.), тем не менее он оказал огромное влияние на интеллектуальную и духовную жизнь страны. Став первым ректором Чилийского университета, он провел обширную и основательную работу по реформированию образования в стране. Его тревожила опасность лингвистического разъединения после получения независимости бывшими колониями, возникновения множества неправильных, варварских диалектов «*dialectos irregulares, licenciosos y bárbaros, embriones de idiomas futuros*» (Rosenblat, p. XC). Это и явилось основной причиной, которая побудила Бельо заняться сначала вопросами испанской грамматики, а затем – просвещения. В своих лингвистических трудах Бельо не обошел вниманием вопрос использования *voseo* в Чили. Бельо однозначно порицал этот широко распространенный грамматический феномен,

характеризуя его как просторечную черту, недопустимую в речи образованного носителя языка: «El vos de que se hace tanto uso en Chile en el diálogo familiar, es una vulgaridad que debe evitarse, y el construirlo con el singular de los verbos, una corrupción insoportable. [...] el vicio de que hablamos, al paso que grave y vulgar, se ha hecho excesivamente común en ese país» [Bello, p. 470].

Авторитет А. Бельо и его последователей был настолько велик, что им удалось добиться вытеснения в речи образованных слоев населения архаичного употребления местоименных и глагольных форм, связанных с *vos*, формами *tuteo*, поскольку в XIX в., времени активных социальных сдвигов в Латинской Америке, представители среднего и высшего класса, имеющие доступ к образованию, желали отличаться от необразованных народных масс, «la ínfima plebe», как их называл А. Бельо, и отказ от *voseo* был один из шагов в этом направлении. В то же время широкие слои населения продолжали использовать исключительно *voseo*, а *tuteo* остается для них чуждым и враждебным явлением. Об этом свидетельствует наблюдение немецкого лингвиста Р. Ленца в работе 1891 года «Sobre la morfología del español de América», которая считается первым научным описанием чилийского *voseo*: «El tratamiento con tú y segunda persona del singular no lo emplea nunca el pueblo: las gentes comunes, en el campo como en la ciudad, solo oyen esta palabra en boca de las personas cultas, que la usan cuando hablan familiarmente entre sí, y principalmente a los criados y subordinados. De ahí que, para el pueblo, la segunda persona de singular adquiere un significado ligeramente molesto e imperativo» [Lenz, p. 263].

Судя по данным Р. Ленца, в конце XIX в. чилийское *voseo* уже обладает тем набором черт, которые описывают его современное состояние: «La forma genuinamente popular en conversación amistosa, por ejemplo entre niños, parientes y amigos, en vos, [...] que se construye con la segunda persona del plural; pero todos los pronombres referidos a vos se tornan de la segunda persona del singular» [Lenz, p. 262–263].

Исследователи испанского языка Чили в XX веке связывают *voseo* с речью представителей низших слоев населения, а *tuteo* – с речью среднего и высшего класса. Р. Орос в работе 1966 года «La lengua castellana en Chile» также отдельно подчеркивает экспрессивный эффект, который имеет использование этой формы: «Hay, en Chile, dos usos paralelos, el *voseo* y el *tuteo*; el primero es el predominante en las clases populares urbanas y entre los campesinos y mineros: vos tenís; vos querís; etc.; el segundo, es el corriente en la clase media y alta: tú tienes,

etc. [...] El vulgo recurre casi siempre al vos, en los estados de enojo o de amenaza» [Oroz, p. 296].

Позднее А. Рабаналес в работе 1981 года «*Perfil lingüístico de Chile*» описывает феномен *voseo* в Чили как морфосинтаксическое явление в речи необразованного населения, но добавляет, что глагольные формы, связанные с *vos*, используют образованные чилийцы в неформальном регистре общения: «*El pronombre vos alterna con el tú, y las formas verbales con que concuerdan son casi siempre las que en el español estándar se usan con “vosotros”, ligeramente modificadas en la pronunciación, como en la norma culta informal (tú o voh cantái, cantabai, cantaríh, etc.)*» [Rabanales, p. 459].

Исследователи рубежа XX–XXI вв. также свидетельствуют о присутствии в испанском языке Чили наряду с нормативным *tuteo* феномена *voseo* и связывают его с просторечием: «*Uno de los fenómenos más característicos en el español actual de Chile es el voseo que afecta al sistema pronominal y al verbo [...] vos es popular, vulgar; en lengua informal tú puede conjugarse con cualquiera de las dos formas verbales, pero preferentemente con la canónica*» [Sáez, p. 31].

В заключении подведем итоги.

В момент открытия и покорения Нового света в испанском языке для обращения к собеседнику существовала трёхчастная система, состоящая из местоимений *tú*, *vos*, *vuestra merced* и связанных с ними глагольных форм. Местоимение *vos* в силу своей многозначности оказалось наиболее употребительной формой в эпоху конкисты и начала колониального периода. Как следствие, *voseo* закрепилось в речи конкистадоров, креолов, метисов и индейцев.

В исследованных частных письмах XVI–XVII вв. отсутствуют формы на *tú*, авторы писем используют либо формы *vuestra merced* при обращении к адресату, занимающему более высокую социальную позицию, либо *vos* – в условиях общения с равными. Дневник Урсулы Суарес XVIII в. свидетельствует о присутствии в речи представителей высшего сословия *voseo mixto* и о сосуществовании *vos* и *tú* в этот период. Тем не менее формы *vos*, утвердившиеся в Чили, как мы видели, с началом колонизации для обращения к равному в условиях доверительного общения или нижестоящему, не были впоследствии полностью вытеснены *tú*, как это произошло в Испании и на территориях, имеющих прочные контакты с метрополией, в силу периферийного положения данной зоны и удалённости от культурных центров империи.

В XIX в. присутствие *tuteo* становится заметно в речи образованного городского населения и обусловлено стремлением образованных слоев населения обособиться от широких необразованных масс, в том числе лингвистически, что фактически приводит к складыванию в регионе двух норм – просторечной *voseo*, и городской, ориентированной на пиренейскую норму, предписывающей *tuteo*. Эта ситуация сохраняется до сих пор.

Для разговорной речи современных носителей чилийского национального варианта характерно использование во всех временных формах *voseo mixto verbal*. Первые свидетельства о таком положении дел датируются второй половиной XIX в.

Отличительной чертой глагольных форм чилийского *voseo* является утрата конечной фонемы [s] в окончании -áis, в результате фактическая реализация принимает формы *estáí*, *queráí*, *cantábai*.

Литература

1. Карпова Ю. А., Стефанчиков И. В. О происхождении уругвайского *voseo* // Litera. – 2021. № 12. С. 1–14. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.12.37094 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37094 (дата обращения: 25.01.2024).
2. Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. URSS. М.: 2022. С. 208.
3. Aleza Izquierdo M., Enguita Utrilla J. M. La lengua española en América: normas y usos actuales. Valencia: Universidad de Valencia, 2010. P. 653.
4. Bello A. Advertencias sobre el uso de la lengua castellana dirigidas a los padres de familia, profesores de los colegios y maestros de escuelas // Obras completas, vol. 5, Santiago de Chile: Pedro G. Ramírez, 1884. P. 468–486.
5. Bello A. Gramática de la lengua castellana. Octava edición. Buenos Aires: Sopena, 1970. 476 p.
6. Ferreccio M., Rodríguez M. Úrsula Suárez (1666–1749). Relación autobiográfica. Santiago de Chile: Biblioteca Antigua Chilena, 1984. 278 p.
7. Fontanella de Weinber M. Fórmulas de tratamiento en el español americano (siglos xvi y xvii) // El español en el Nuevo Mundo: estudios sobre historia lingüística hispanoamericana. Oea/Oas, Interamer: 1994. P. 7–31.
8. Kany C. Sintaxis hispanoamericana. Madrid: Gredos, 1969. 550 p.
9. Lapesa R. Historia de la lengua española. Madrid: Gredos, 1981. 353 p.
10. Lapesa R. Las formas verbales de segunda persona y los orígenes del *voseo* // Actas del III Congreso Internacional de Hispanistas, México: El Colegio de México, 1970. P. 519–531.
11. Lenz R. Sobre la morfología del español de América // El español de Chile, Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1940. P. 259–268.

12. *Morales F.* Panorama del voseo chileno y rioplatense // Boletín de Filología de la Universidad de Chile. Tomo XXXVII. Estudios en honor de Ambrosio Rabanales, volumen 2. Santiago, 1998–1999. P. 835–848.
13. *Oroz R.* La lengua castellana en Chile. Santiago: Facultad de Filosofía y Educación, Universidad de Chile, 1966. 545 p.
14. *Otte E.* Cartas privadas de emigrantes a Indias (1540–1616). Sevilla: Junta de Andalucía, 1981. 611 p.
15. *Penny R.* Gramática histórica del español. Barcelona: Ariel, 1998. 365 p.
16. *Rabanales A.* Perfil lingüístico de Chile // Logos Semantikós. Studia Linguistica in Honorem Eugenio Coseriu, V, 1921–1981. Madrid: Gredos, 1981. P. 447–464.
17. *Rona J. P.* Geografía y morfología del voseo. Pôrto Alegre: Pontifícia Universidades Católica do Rio Grande do Sul, 1967. 116 p.
18. *Rosenblat A.* Las ideas ortográficas de Bello // Andrés Bello, obras completas. V. 5. Caracas: La Casa de Bello, 1981. P. IX–CXXXVIII.
19. *Sáez L.* El español de Chile en las postrimerías del siglo XX. Santiago: Ediciones del Bachillerato en Ciencias y Humanidades, Universidad de Santiago de Chile, 1999. 57 p.
20. *Torrejón A.* Acerca del voseo culto de Chile. *Hispania* 69(3), 1986. P. 677–683.

Anastasia V. Kutkova

Lomonosov Moscow State University
a.kutkova@philol.msu.ru

¿Cómo estai?: Diachronic Research on Voseo in Chilean Spanish

Abstract: *Voseo may be defined as the use of the pronoun corresponding to the etymological second person plural and its corresponding verbal inflections to address a singular interlocutor. Although no longer present in Peninsular Spanish, it is spread over about two thirds of Hispanic America, often in complex social and regional variation with its standard counterpart, *tuteo*. The present study is a proposal on the historical development of voseo in Chilean Spanish in some texts from the XVI, XVII and XVIII centuries. The goal of this diachronic research on voseo in Chilean Spanish is to describe and analyze the processes involved in linguistic change through consistent empirical data. An attempt to analyse the use of xvi-xix centuries address forms and their relationship to pragmatic, sociolinguistic and cultural factors is presented.*

Key words: *voseo; *tuteo*; forms of treatment; address forms; diachrony; Chilean Spanish.*

УДК 811.134

Н. Ф. Михеева
РУДН имени П. Лумумбы

КОНТАКТЫ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Аннотация: Контакты диалектов – это одна из самых важных мотиваций в развитии лингвистических изменений. В связи с этим интересна мысль В. Лабова о том, что «сельские» или региональные диалекты трансформируются в городские диалекты в результате контактов диалектов, как результат миграции.

Ле Паж проанализировала пути развития различных диалектов в результате их контактов: от «срашивания» до «размывания». «Срашивание» – это слияние диалектов на основе сохранения нормы. «Размывание» означает потерю нормы в результате «смешения» разнообразных диалектов. Согласно точке зрения указанного ученого, в случае городской миграции коммуниканты, как правило, владеют нормами разговорной речи. Однако в процессе демократизации языка указанные нормы «размываются».

Ключевые слова: контакты языков, языковое планирование, билингвальное образование, кодификация нормы.

Процесс выбора одного или нескольких национальных языков и развития выбранных языков для использования в административных или образовательных целях – это вопросы языковой политики и языкового планирования.

Языковое планирование «сталкивается» сегодня с сосуществованием языков в различных регионах и с разной степенью билингвизма. Проанализируем контакты самых широко распространенных языков в ряде стран и регионов Латинской Америки.

Например, в Аргентине имеют место контакты языков. Важным выступает влияние туземных групп пампас или керанди, в зоне Рио де ла Плата. На юге сосуществование имеет место между различными группами Патагонии: гэнакен, чоник, ямана. «Мапуче или арауканский ярче всего представлен в зоне южнее Неукена, где проживают билингвы (мапуче – испанский – 4,5%), у которых наблюдаются случаи фонетической интерференции (различия между палатальными, боковыми и центральными), инверсия (quiere la madre mi hermano), лексические заимствования» [Donni de Mirande, 1992, p. 396].

На северо-западе, в Корриентес, Мисьонес имеет место контакт с гуарани, которым можно объяснить присутствие назальных гласных; контрастирующую интонацию; отсутствие согласования в роде. Присутствие кечуа отмечается на северо-востоке.

Исторический микропроект Х. М. Лопе Бланча, с результатами работы над которым он отчитывался на первом собрании иберо-романской комиссии по лингвистике иialectологии, которая проходила в Боготе в 1967 г., был ориентирован на 4 фундаментальные и связанные друг с другом линии: изучение индейских языков в XVI веке (основываясь на данных словарей и грамматиках); «проникновение» и «жизнеспособность» индихенизмов (в первую очередь, в Мексике); контакт языков, уделив особое внимание туземным языкам и их существованию с кастильским, также прежде всего относительно языковой ситуации в Мексике; анализ других лингвистических систем, туземных и африканских, отдавая предпочтение Карибской зоне.

Х. Л. Риварола [Rivarola, 2001] анализирует, с исторической точки зрения, контакты языков в зоне Анд и описывает постепенное распространение испанского, через процессы, часто конфликтные, лингвистической и культурной адаптации, которые во многих случаях объясняют образование региональных разновидностей.

Так, в районе центральных и юго-западных Анд существует диалект кастильско-аймара или кастильско-кечуа, который позволяет выделить 4 региона: Альтiplano, с Ла Пас и частью Оруро и Пotosí с билингвизмом кастильский-аймара; район долины с Кочабамба, Чукисака, часть Оруро и Пotosí и север Ла Пас, с билингвизмом кастильский-кечуа; оставшаяся зона Оруро и Пotosí с вариантом кастильский-аймара-кечуа; и на севере – зона Юнгас и юге – Ла Пас, с сильным влиянием аймара, которое сохраняется до наших дней. Некоторые характеристики, как, например, сохранение *-d-* в положении между двумя гласными, сокращение трех степеней контрастивного распределения испанской системы вокализма, сохранение имплозивной *-s-*, удвоение притяжательных местоимений и т. д. демонстрируют степень интерференции в этих зонах языков, где как кечуа, так и аймара широко используются населением.

Вторая диалектная зона, регион равнин (Planos) севера и востока, с влиянием гуарани, подразделяется также на 4 района: департамент Пандо, со все возрастающим влиянием португальского (наравне с влиянием гуарани); департамент Бени, с влиянием гуарани и усиливающимся воздействием кечуа; департамент Санта Круз,

с взаимовлиянием гуарани и амазонских языков, кроме того, здесь отмечается и присутствие кечуа; и провинция Вальегранде, с кечуа, чане (группа араваков) и гуарани. Третья зона, территория центральных долин юга страны, включает департамент Тариха, с сильным влиянием кечуа, и матаако и гуарани.

«В Колумбии не столь заметно влияние автохтонных языков, хотя наблюдается присутствие индейского населения гуахиро, чибча, кечуа (среди других), которые влияют на вероятный билингвизм среди индейского населения» [Montes Giraldo, 1996, p. 140].

«Возможно, произношение с придыханием глухих окклюзионных, что отмечается в Кундинамарке, Бойакá и Сантандере, происходит по причине влияния муисков; также влиянием автохтонных языков можно объяснить редукцию гласных, закрытие *e* > *i*, *o* > *u*» [Montes Giraldo, 1992, p. 505].

Наибольшее влияние на лексику в Колумбии из туземных языков оказывает кечуа, особенно на юго-западе.

В Колумбии наблюдаются африканские интерференции, особенно в портах Картагена, Портобело (куда прибывали рабы) и креол в Сан-Базилио де Паленке, с фонологическими характеристиками, очень похожими на средиземноморские говоры, хотя с особыми предназначальными согласными (*ndo*, *dos*). В общем, грамматический и лексический уровни сильно отличаются от испанской системы¹.

Влияние туземных языков имеет место в Коста-Рике, где наблюдается «ограниченное» влияние языков чибча, науатль и чоротега. Однако для островнойカリбской зоны, Кубы, Пуэрто-Рико и Доминиканской Республики наиболее сильно африканское влияние, которое «покрывает» возможные интерференции языков таино или арауаков. При этом на Кубе влияние последних имеет место в восточной части острова.

В Чили туземные этнические меньшинства говорят на испанском как втором языке и «используют» аймара и кечуа на севере страны, паскуэнсе – на острове Пасча и мапуче – на юге, с меньшей интерференцией.

В странах зоны Анд влияние кечуанизмов сегодня не столь значительно по причине возрастающей доли билингвов.

В Эквадоре следует отметить влияние канарис.

¹ Подробнее по данному вопросу см.: Montes Giraldo, 1992, p. 519–522.

Именно по причине влияния автохтонных языков в Перу многие лингвистические явления являются субстратными: сокращение до трех вокалических сегментов, присутствие глухих окклюзивных, монофтонгизация и альтерация дифтонгов, отсутствие согласования артиклей с существительными и др. Среди них наибольшее влияние оказывают аймара и кечуа. Однако в подобных ситуациях билингвизма победу одерживает кечуа.

Зоной исторического влияния науатль выступает Мексика и Центральная Америка. В Сальвадоре его влияние прослеживается в Кускатлане, с поселением пипиль, влиянием майя на западе и севере, а также ленка – на востоке.

Присутствие суффикса *-есо* для производных от существительных или прилагательных можно считать грамматическим влиянием науатль в Мексике и Центральной Америке: *chapanесо* (толстый и приземистый – о человеке); *cacareсо* (самка носорога; неуклюжая как носорог). Туземные группы в Гватемале делятся на носителей языка науатль и майя-кечуа.

В Мексике майя проживают, прежде всего, на Юкатане, на юго-востоке – миштеки, сапотеки, тотонаки, уастеки; на севере – отомй; в окрестностях города Мехико обитают тарасканы, а на северо-западе – яки.

В Никарагуа присутствуют носители науатль и мисумальпа; на западе – шонгали, чоротеги, никараос.

Некоторые ученые (Гр. Корвалан, Херман де Гранда) полагают, что существует «особый язык Парагвая», с обилием терминов из гуарани (гуараньол или хопара), другие думают, что он не отличается от испанского Аргентины или Уругвая. Специальные исследования о ситуации официального билингвизма в Парагвае доказывают, что более 40% населения здесь – монолингвы (с автохтонным языком), которые испытывают серьезные трудности с использованием испанского языка, особенно в сельской местности [Corvalán y Germán de Granda, 1982]; лишь 6,5% являются монолингвами в испанском; оставшаяся половина населения (по переписи) владеет испанским и гуарани [Germán de Granda, 1992а, р. 649–674; Germán de Granda, 1992б, р. 675–690].

По утверждению Гр. Корвалан [Corvalán, 1996], мирное сосуществование двух языков, испанского и гуарани, привело к «возрастающему» билингвизму в городской зоне (73,2%) с увеличением доли гуарани в сельской местности (63,3%). Использование автохтонного

языка наблюдается как в разговорной речи, так и в выступлениях политиков, СМИ, в образовании.

Факты, которые приводит М. Альвар, он получил при проведении опросов при составлении Атласа Парагвая. Они отражают лингвистические «предпочтения» парагвайцев: 78,52% относят себя к билингвам, из них 31,29% предпочитают говорить на гуарани; 21,4% говорят только на испанском, а из билингвов лишь 5,6% выбирают испанский язык.

Безусловно, говорит М. Альвар, «в городах наблюдается престижная оценка испанского языка (прежде всего, исключительная) городских жителей и людей высокого культурного уровня» [Alvar, 2002, р. 23]. Лингвистическая парагвайская реальность демонстрирует интенсивный процесс трансференции собственных черт гуарани как основного языка сельских районов, а административной элиты – на испанском. Так, фрикативизация «ch»; реализация как одноударного «г» в начале слова; глottальная предвокальная или межвокальная окклюзия; замена начального «b» на «mb»; замена «ld» на «rt»; диминутивы и суперлативы исторически свидетельствуют о влиянии гуарани либо как интерференция, либо конвергенция. «Ведь если сохранение «ll», альвеолярное произношение финальной «n», *leísmo*, зияние гласных и т. д. являются знаками консервативной вариантности кастильского, другие вышеуказанные черты указывают на влияние автохтонного языка» [Germán de Granda, 1992а, р. 652–653].

Факты, изложенные ранее, а также описанные в «*La Bibliografía española de las lenguas indígenas de América*» А. Товаром [Tovar, 1964], доказывают диалектную раздробленность американского континента и ставят вопрос о проблемах американского билингвизма, который влияет как на отношения между двумя континентальными культурами, так и на взаимопонимание между туземцами различных культур. Эта сложная ситуация выдвигается на передний план особенно с того момента, когда принимается решение планировать, какому языку и стандарту обучать, создавая таким образом «престижную норму», «идеальную норму».

Но этот межкультурный контакт между кастильским и туземными языками «погружен» в другие процессы сосуществования испанского с африканскими и другими европейскими и даже – азиатскими языками, образуя мозаику лингвистических вариантов, что усиливает сложную билингвальную ситуацию в определенных зонах американского континента. Следует учитывать «африканское влияние»

на Кубе, где афроиспанцы составляют 40% населения и где прослеживается влияние йоруба и папьямента из Кюрасао. Папьямента – это креольский язык, который превратился в единственный язык культуры и национального сознания на островах Кюрасао, Бонайре и Арубы, а также некоторых Нидерландских островов. Здесь 80% говорят на папьямента, на нем пишут СМИ, говорят на радио и по телевидению; 10,6% – англоговорящие; 6,1% – на голландском, 3,5% – на испанском. Его лингвистическая система имеет 10 гласных и большее количество (по сравнению с кастильским) фрикативных нёбных, губно-зубных и значительное число случаев назализации; грамматику, которая контрастирует с испанской, и лексику голландского и испанского происхождения [Munteanu, 1992].

Появление рабов в Венесуэле привело к тому, что это население стало превалирующим в колониальную эпоху. Африканская иммиграция в Буэнос-Айрес перемещается в зону Уругвая, в первую очередь, в столицу Монтевидео. Афроиспанос составляют 25% населения Эквадора. Африканское население есть и в Боливии, в тесном соседстве с туземным населением, в зоне Юнгас, поселении аймара.

Несмотря на афроиспанское существование, влияние африканских языков не было значительным на территории других латиноамериканских стран, хотя представители негроидной расы есть в Никарагуа (Карибская зона), Гватемале (Ливингстон и Пуэрто-Барриос), Мексике (Веракрус, Пуэбла и Акапулько, Мехико), Перу (зона Потоси́ дель Куско).

Среди языков, оказавших наибольшее влияние на формирование испано-американской лексики, мы должны отметить именно африканские. В общей сложности около 1,5 млн. рабов из Африки прибыли на Новые Земли, прежде всего – на Карибское побережье и Антильские острова.

Из французского «пришли» слова, которые можно отнести к общеспанскому фонду: *afiche* «cartel»; *buró* «mesilla» (México); *chifonier* «cómoda» (Costa Rica); *contraloría* «oficina de control del gasto público»; *chance* «oportunidad»; *decolar* «despegar un avión» (Chile); *liceo* «instituto»; *tricotá* «prenda de punto» (Argentina y Uruguay) [Alvar, 1996].

М. Альвар в Луизиане «находит» некоторые галицизмы: *brasié* «sujetador», *calié* «collar», *gartmansé* «aparador», *sosa* «salsa», *tablié* «delantal» и т. д. Не удивляет присутствие этих заимствований в Доминиканской Республике (в первую очередь, по причине

географического положения и определяющих социо-исторических факторов, начиная с XVIII века).

Херман де Гранда также приводит некоторые узульные термины: *minuete* «*baile*», *fusil*, *derechos del hombre*, *filántropo*, *patriótico*, *farándola* «*falsedad*», etc., наряду с другими словами, которые встречаются лишь в отдельных документах и потеряли свою актуальность: *habitación* «*hacienda rural*», *sursa* (de source) «*manantial*», *azucarería* «*ingenio para la caña de azúcar*», *índigo* «*añil*», *cábala* «*conspiración*» (на острове Гаити, рядом с Республикой Гаити – бывшей колонией Франции) [Germán de Granda, 1990].

Через устье Рио-де-ла-Плата в XIX веке в Аргентину прибывали эмигранты, в первую очередь, итальянцы. Итальянская иммиграция в XIX – начале XX века вызывает появление большого количества слов, которые «насыщают» жаргон лунфардо и «разговорный язык Буэнос-Айреса». В этой лексической группе находятся слова, которые относятся (почти без исключения) к бытовой сфере, такие, как *bambino* «*niño*»: *bochar* «*suspender un examen*»; *capo* «*jefe*»; *capuchino* «*café con leche*»; *feta* «*rebanada*»; *lungo* «*alto*»; *mufa* «*mal humor*»; *nono/a* «*abuelo/a*»; *pibe* «*muchacho joven*» и т. п.

Изучение лунфардо показало, что это – дополнительная лингвистическая система, продукт слияния заимствований из разных языков, в первую очередь, итальянского (amurar «*abandonar*»; bacán «*persona rica que mantiene a una mujer*»; cachar «*tomar*»; vento «*dinero*» и т. п.) и, конечно, на испанской базе [Fontanella de Weinberg, 1987].

Немецкие, португальские, итальянские, французские и ливанские иммигранты, начиная с конца XIX века, «привнесли» свои особенности в испанский язык Парагвая. В Перу отмечается влияние китайского языка.

Нельзя отрицать все возрастающее влияние английского языка в Пуэрто-Рико; побережье Панамы; англицизмов (попадающих в речь кубинцев на востоке острова) с военной базы США в Гуантанамо; в Санто-Доминго, где имеет место смешение испанского, английского с креольским или французским патуа; на полуострове Самана; в Гондурасе; в Венесуэле и в испанском языке самих США. Так, Х. М. Лопес Моралес констатирует «укоренение» на Антильских островах герундияльной конструкции в значении прилагательного (а не в значении существительного), хотя обе структуры не принимаются социумом. Такая же реакция – на употребление инфинитива в конце предложения и с подлежащим, выраженным личным местоимением. Эти структуры

менее узуальны и менее «осуждаемы». Наконец, он отмечает предпочтение, которое отдается изъявительному наклонению взамен сослагательного, особенно в речи билингвов, чьим первым языком выступает английский. «Неудивительно, ведь технический прогресс и развитие торговли способствуют расширению сферы использования английского языка, особенно в спорте, одежде и питании» [López Morales, 1992, p. 310–312]. Некоторые исследования по данному вопросу¹ показывают совпадение англицизмов на Пиренеях и в Латинской Америке как в области технологий, так и в разговорной речи: *barman, bate, beicon, béisbol, clip, cóctel, líder, manager, máster, nylon, show, sport, stop, tenis, ticket, vagón, whisky, etc.* Менее узуальны: *elevador, parquear, reversa, lobby, lipstick, magazine, zipper, etc.*

Со существование приводит к билингвизму, а отсюда «вытекает» интеграция или принятие (адаптация) лингвистических форм другого языка, с разной степенью диглоссии. При этом Х. Х. Монтес Хиральдо подчеркивал необходимость различать концепты «диоматическая политика» (характерная для данного языка) и «лингвистическая политика», имея в виду, что первая подразумевает прежде всего аспекты «внешней» лингвистики, т. е. социоисторические аспекты, а не структуры того или иного языка. Таким образом, подход к преподаванию испанского языка и критерии стандартной нормы требует внимательного изучения реальных ситуаций, в которых находится каждое «сообщество» носителей языка, особенно билингвов. К ситуации со существования с туземными языками также добавляется степень «расширенного» билингвизма, когда индивиды владеют более, чем одной нормой, которые бы оценивались одинаково [Lope Blanch, 1999].

Известно, что испанский язык является официальным во всех испаноязычных латиноамериканских государствах. В то же время существуют различия со стороны наличия/отсутствия в стране других официальных языков. Их всех латиноамериканских испаноязычных государств в 5 странах (Парагвае, Перу, Пуэрто-Рико, Боливии, Мексике) такой статус, параллельно с испанским, имеют гуарани (в Парагвае), кечуа, аймара (в Перу и Боливии), 67 индейских языков (в Мексике) и английский (в Пуэрто-Рико).

Безусловно, данный вопрос требует многочисленных специальных исследований.

¹ См.: López Morales, 1992; Lope Blanch, 1979; Quilis, 1984; Haensh, 1995.

Литература

1. *Alvar M.* Los Estados Unidos, Paraguay // Manual de dialectología hispánica. Español de América / coord. M. Alvar. Barcelona: Ariel, 1996. P. 90–100, 197–208.
2. *Alvar M.* El español en Paraguay. Estudios, encuestas, textos. Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá – La Goleta Ediciones, 2002. 175 p.
3. *Corvalán G.* Los dilemas del bilingüismo. Acción, 1996. P. 16–21.
4. *Corvalán G. & Germán de Granda.* Sociedad y lengua: bilingüismo en el Paraguay. Asunción, 1982. 250 p.
5. *Donni de Mirande N.* El español hablado en Argentina // Historia y presente del español de América / coord. Hernández Alonso C. Valladolid: Junta de Castilla y León, 1992. P. 383–411.
6. *Fontanella de Weinberg M. B.* El español bonaerense. Cuatro siglos de evolución lingüística (1580–1980). Buenos Aires: Hachette, 1987. P. 138–143.
7. *Germán de Granda.* Galicismos léxicos en el español dominicano de la segunda mitad del siglo XVIII. Lexis, 1990. Vol. XIV / Ch. 2. P. 197–219.
8. *Germán de Granda.* Hacia la historia de la lengua en el Paraguay. Un esquema interpretativo // Historia y presente del español de América / coord. Hernández Alonso C. Valladolid: Junta de Castilla y León, 1992a. P. 649–674.
9. *Germán de Granda.* El español del Paraguay. Distribución, uso y estructuras // Historia y presente del español de América / coord. Hernández Alonso C. Valladolid: Junta de Castilla y León, 1992b. P. 675–690.
10. *Germán de Granda.* Quechua y español en el noroeste argentino. Una precisión y dos interrogantes. De nuevo sobre quechua y español en noroeste argentino. Reexamen de algunos temas // Español y lenguas indoamericanas en Hispanoamérica. Estructuras, situaciones y transferencias. Valladolid: Universidad de Valladolid, 1999. P. 107–120, 121–129.
11. *Haensh G.* Anglicismo y galicismo en el español de Colombia // Lenguas en contacto en Hispanoamérica / ed. K. Zimmermann. Madrid: Iberoamérica, 1995. P. 217–253.
12. *Lope Blanch J. M.* Investigaciones sobre dialectología Mexicana. México: UNAM, 1979. 250 p.
13. *Lope Blanch J. M.* La lenta propagación de la lengua española por América // Estudios de historia de la lengua española en América y España / ed. Milagros Aleza Izquierdo. Valencia: Universidad de Valencia, 1999. P. 89–102.
14. *López Morales H.* Panorama del español antillano de hoy // Historia y presente del español de América / coord. Hernández Alonso C. Valladolid: Junta de Castilla y León, 1992. P. 295–331.
15. *Montes Giraldo J. J.* El español hablado en Colombia // Historia y presente del español de América / coord. Hernández Alonso C. Valladolid: Junta de Castilla y León, 1992. P. 519–522.

16. *Montes Giraldo J. J.* Colombia. El palenquero // Manual de dialectología hispánica. Español de América / coord. Manuel Alvar. Barcelona: Ariel, 1996. P. 100–195.
17. *Munteanu D.* El papiamento, origen, evolución y estructura. Bochum: Brockmeyer, 1992. 137 p.
18. *Quilis A.* Anglicismos en el español de Madrid // Athlon, Satura Grammatica in honorem Francisci Adrados. 1984. Vol. VI. P. 413–422.
19. *Rivarola J. L.* El español de América en su historia. Valladolid: Universidad de Valladolid, 2001. P. 55–68.
20. *Tovar A.* Español y lenguas indígenas. Algunos ejemplos // Presente y futuro de la lengua española. Madrid: OFINES, 1964. Vol. II. P. 245–257.

Natalia F. Mikheeva

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
mikheeva_rudn@mail.ru

Language Contacts and Language Planning

Abstract: *Dialect contacts are one of the most important motivations in the development of linguistic change. In this regard, the idea of V. Labov is interesting that «rural» or regional dialects are transformed into urban dialects as a result of dialect contacts, as a result of migration.*

Le Page analyzed the ways in which various dialects developed as a result of their contacts: from «splicing» to «blurring». «Splicing» is the merging of dialects on the basis of maintaining the norm. «Blurring» means the loss of the norm as a result of the «mixing» of various dialects. According to the point of view of this scientist, in the case of urban migration, communicants, as a rule, master the norms of colloquial speech. However, in the process of language democratization, these norms are «washed out».

Key words: *language contacts; language planning; bilingual education; norm codification.*

УДК 811.134

А. А. Невокшанова

МГУ имени М. В. Ломоносова

АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАННИХ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СЛОВАРЕЙ ЛОКАЛИЗМОВ

Аннотация: Данная статья посвящена авторским особенностям первых латиноамериканских словарей национальной лексики. Изучение лексикографических изданий, созданных на раннем этапе становления национальных традиций, является важным аспектом латиноамериканистики: такие издания в значительной степени отражают социолингвистическую ситуацию, сложившуюся к концу XIX века в испаноязычных странах Латинской Америки, фиксируют особенности речи носителей языка в разных регионах. В то же время при работе с этими словарями необходимо учитывать, что каждый из них является уникальным авторским текстом: отсутствие единогообразия в структуре и содержании словаря, характерного для более поздних этапов лексикографии, дают большую свободу в составлении такого рода работы, а сам словарь часто невозможно оценивать без учета личности автора.

Ключевые слова: лексикография; испанский язык в Латинской Америке.

Латиноамериканские словари локализмов разных периодов – один из интереснейших объектов изучения для исследователя-испаниста. Помимо отражения национальной языковой картины мира, они позволяют получить, в большинстве случаев, достаточно полное представление о состоянии испанского языка в стране в тот или иной период и сделать целый ряд социолингвистических выводов об изменениях языковой ситуации в регионе.

Прежде всего, необходимо уточнить, что объектом настоящего исследования являются первые созданные в испаноязычных странах Латинской Америки словари национальной лексики, или, как их принято называть в отечественной традиции, словари локализмов и/или словари вариантизмов (если локализмами считать не только национальные, но и региональные лексические особенности). При этом важно, что не всегда ранний этап развития латиноамериканской лексикографии можно анализировать с опорой на один словарь в одной

национальной традиции: есть целый ряд регионов, где необходимо рассматривать ранние лексикографические издания в комплексе.

Авторам этих словарей традиционно уделяется совсем немного внимания в испанистике, особенно в испанистике неиспаноязычной, прежде всего, в сравнении с изучением истории европейской лексикографии, прежде всего доакадемической: здесь лексикографический труд оказывается неотделим от фигуры автора и привычно анализируется с учетом авторской точки зрения. В то же время первые словари локализмов принято рассматривать как группу работ, любопытных, но лишь предваряющих «основной», более поздний этап в лексикографии и академической науке латиноамериканских стран. Принято выделять ряд общих для этих работ черт, но вот разницу между ними, в том числе разницу авторского подхода, стиля и метода можно увидеть только в отдельных лексикографических трудах, очень редко в сравнительном ключе. Одной из подобных работ является «Общая лексикография испаноязычной Америки», написанная в 2010 году Франсиско Х. Пересом.

Для ранних латиноамериканских словарей локализмов как группы традиционно выделяется несколько общих характеристик. Как правило, это время издания – речь в большинстве случаев идёт о рубеже XIX–XX веков; знаковая фигура автора – высокообразованного, эрудированного, опытного филолога или философа; а также прескриптивный, пурристский характер работы. При этом, допуская определенные обобщения для создания общей картины становления национальных лексикографических традиций, важно остановиться также на примерах лексикографических трудов, выходящих за рамки привычного представления о ранних словарях национальной лексики и иллюстрирующих необходимость рассмотрения каждой подобной работы как авторского текста, в том числе вне стандартных обобщений.

Итак, что касается времени издания, ранние словари локализмов издаются, как правило, через несколько десятилетий после обретения независимости от метрополии. Издание первого словаря национальной лексики во многих случаях становится (часто вопреки воле автора), как и учреждение национальных Академий испанского языка, одним из символов новой истории независимых латиноамериканских государств.

Выход этих филологических трудов традиционно относится к интервалу между 1875 и 1930 гг. или более поздним датам, но в данном случае речь идет, как правило, о странах, получивших независимость

в первой половине XIX века, прошедших период становления национального самосознания, период так называемого «споря о языке», стремления к языковой независимости и, в то же время борьбы с языковой эманципацией, установление новой системы образования и проч.

Однако, ситуация может быть и совсем другой: так, первый известный словарь национальной лексики был опубликован на Кубе в 1836 году, за шестьдесят лет до получения независимости от Испании – работа получила название *Diccionario provincial de voces cubanas*. Автор словаря, географ, юрист, писатель и лексикограф Эстебан Пичардо (1799–1879) родился на Эспаньоле, в Доминиканской республике, но уже через два года семья эмигрировала на Кубу, где Пичардо получил образование.

Словарь Пичардо играет в кубинской лексикографии особую роль, существенно более значительную, чем та, которую обычно отводит научное сообщество первому словарю, часто становящемуся памятником эпохи, но перестающему быть актуальным справочным изданием. Очевидно, этому послужила активная работа самого автора со словарем (переиздания первого словаря кубинской лексики, после значительной переработки, выходили при жизни автора в 1849, 1862 и 1875), впрочем, после его смерти словарь уже не актуализировался в такой степени. Следующие кубинские лексикографические труды будут опубликованы только в 1920-е гг., почти через сто лет после выхода словаря Пичардо, значительно опередившего своё время, а в 1953 году кубинская Академия испанского языка выпустит в Гаване дополненное издание *Pichardo novísimo, o Diccionario provincial casi razonado de voces y frases cubanas, Novísima edición corregida y ampliamente anotada por el Dr. Esteban Rodríguez Herrera*, которое по сей день является одним из актуальных инструментов филологических исследований.

Таким образом, говоря о хронологии, представляется невозможным в этом вопросе сделать столько-нибудь значимое обобщение. Помимо этого, возникает вопрос о том, почему подобные словари не появляются во время (и как результат) спора о языке, когда их появление было бы обосновано и естественно. Не имея четкого ответа на этот вопрос, возможно только сформулировать ряд предположений, среди которых недостаточный уровень научного осмысливания проблемы в этот период, весьма умеренный энтузиазм в научной среде (в отличие от острой социальной дискуссии), оценка языкового материала как

нерепрезентативного или не заслуживающего научного интереса и описания.

Другой важнейшей (и, на первый взгляд, бесспорной) характеристической ранних словарей локализмов является их туристский, прескриптивный характер. Подавляющее большинство лексикографических изданий этого периода можно отнести к так называемым словарям варваризмов, мы знаем их как *diccionarios correctivos*, *diccionarios de barbarismos*, *incorrecciones*, *defectos*, *vicios lingüísticos*, и они, безусловно, в большинстве случаев призваны, как минимум на этапе создания, бороться с «порчей языка», остановить происходящие в языке изменения.

Однако существуют и другие примеры (пусть нам и следует, как представляется, все же воспринимать их как исключение, подтверждающее правило). Одним из таких исключений можно считать *Vocabulario criollo-español sud-americano* (1910) – у этого словаря, в отличие от многих других первых словарей национальной лексики разных испаноамериканских территорий, была несколько иная цель – показать отличие и разнообразие американских форм испанской речи, минуя достаточно традиционную фазу осуждения дефектов, защиты языка от порчи.

Автором этого труда был Сиро Байо, и прежде всего важно отметить, что он был испанцем (есть сведения о том, что он родился в Мадриде в 1859 году) – для истоков национальной лексикографии испаноязычных стран Латинской Америки это не вполне типично. Также сложно назвать его филологом в общепринятом понимании, точнее следует сказать, что филологом он не был – в середине 1870-х годов он изучал в Барселоне медицину и, позже, право, но учебу не окончил. В семнадцать лет Сиро Байо впервые ненадолго оказался в Америке (на Кубе), а Южную Америку посетил во втором своем путешествии, продлившемся тринадцать лет. В это время Сиро Байо обнаруживает писательский талант, описывает свои приключения в рассказах (за которые даже получает литературную премию, не спасшую, впрочем, его от забвения как писателя) и издает два достаточно масштабных для того времени лексикографических труда. Это *Vocabulario de provincialismos argentinos y bolivianos* (1906) и, собственно, *Vocabulario criollo-español sud-americano* (1910). По сути, как свидетельствуют многие боливийские исследователи, второй словарь является незначительно доработанной версией первого и изменение названия на более громкое не вполне

оправдано, однако известен этот словарь стал именно под этим названием.

В целом, словарь Сиро Байо представляет собой результат полевых исследований. В него входит более двух тысяч лексем, словарная статья содержит информацию о происхождении слова, толкование, в ряде случаев краткий комментарий автора и примеры употребления, при этом не встречается комментариев о соответствии или не соответствии функционирования описываемых единиц испанской языковой норме, а комментарий носит скорее заинтересованный, доброжелательный характер.

Сама личность Сиро Байо опровергает и еще одну традиционную характеристику ранних словарей локализмов – их авторы не всегда профессиональные филологи. История боливийской лексикографии, например, изобилует географами, среди авторов словарей наряду с лингвистами, историками, философами, литературоведами и писателями в разных странах встречаются политики и дипломаты, представители точных наук.

Фактически работа такого рода на рубеже XIX–XX вв. всегда в некотором роде конфликт между «патриотическим» сбором уникальных национальных слов и выражений, описанием национальных особенностей испанской речи и пониманием, что все это своеобразие на самом деле характерно для речи простых людей, малограмотных или вовсе неграмотных. Решением этого своеобразного конфликта для одних авторов становится борьба за чистоту родного языка, а для других – принятие языкового своеобразие и переоценка найденных языковых особенностей.

Один из очень показательных примеров пурристской лексикографической традиции – чилийские словари. В Чили в 1875 году выходит один из самых ранних словарей национальной лексики. Автор его – Соробабель Родригес (1839–1901), человек крайне разносторонний и эрудированный (как и многие его современники – адвокат, политик, журналист, писатель, лексикограф). О многогранности его интересов говорит, в частности, тот факт, что филология знает его как крупнейшего чилийского лексикографа и одного из первых членов Чилийской Академии испанского языка, а современники гораздо более значительными его достижениями считали тот факт, что, поработав в разные годы депутатом в разных провинциях, последние десять лет он служил начальником таможни в Вальпараисо.

В своей работе Родригес исходил из соображения, что всеми локальными особенностями (по его собственному утверждению, *incorrecciones en el habla popular*) испанский язык в Чили обязан недостаткам системы среднего образования. Он утверждал, что работа по стандартизации испанского языка, проведенная Андресом Бельо, может не принести плодов, если не предпринять дополнительных усилий. Главной целью создания словаря автор называл идентификацию и устранение подобных особенностей речи, особенно у молодых носителей.

Издание оказалось принято очень по-разному, Родригеса много критиковали, вокруг словаря разгорелась активная научная (и околонаучная) полемика. Как отмечали впоследствии исследователи, этот словарь полностью соответствовал филологическим настроениям эпохи – так называемому *culto al correcto decir*, языковому пуританству, который, по мнению современников, мог бы удивить и заставить по-завидовать RAE (в частности, об этом пишет Хосе Т. Медина, историк, филолог, юрист и исследователь, один из критиков работы Родригеса – позже, в 1925 году он сам станет автором словаря чилийской лексики).

Встречается и более категоричная критика первого словаря чилинизов – так, другой современник автора, Фиделис Солар упрекает Родригеса в орфографических ошибках, неполноте словарника, и, прежде всего, недостаточно ясно оговоренном подходе к отбору чилинизов – в упрек автору ставится тот факт, что отобранные особенности являются, по большей части, американismами, а не особенностями чилийского национального варианта испанского языка.

В 1893 году в Чили выходит новый лексикографический труд – *Diccionario manual de locuciones viciosas*. Автор его, Камило Ортусар, был священнослужителем и писателем. В сравнении с этим автором Родригес перестает казаться пуристом, потому что Ортусар оказывается крайне радикальным в своих суждениях (уже из названия труда следует, что автор не имеет цели издать собственно словарь, но скорее пособие, которое поможет научить, а точнее переучить чилийцев, воспитать у молодёжи (буквально) отвращение к тем чертам, которые оскорбляют само существование испанского языка).

В то же время важно отметить, что встречаемые в работах современников замечания о пуританстве, иногда избыточном, авторов ранних словарей практически никогда не свидетельствуют о более мягкой позиции самого критика. Мнение, что региональные особенности следует воспринимать как неотъемлемую особенность речи жителей того

или иного региона, высказывали очень немногие мыслители этого периода. Одним из них был коста-риканский филолог Альберто Бренес Кордоба (Кордоба не был лексикографом, однако сформулировал свою позицию в полемике, в частности, с автором первого словаря коста-риканской лексики, Карлосом Гахини Чаваррией). Кордоба пишет о том что локализмы не просто не должны подвергаться цензуре, но должны быть приняты, хотя бы в тех случаях, когда они обозначают объект, не имеющий в испанском языке другого названия, или когда они могут способствовать большей выразительности речи и созданию качественного текста. такая позиция, в целом не слишком радикальная и достаточно осторожная, сделала Кордобу первым и одним из наиболее известных коста-риканских сторонников защиты языкового своеобразия испаноамериканских регионов. Впрочем, большую популярность такая точка зрения не набрала: в 1892 году в Прологе к своему словарю Гахини будет говорить о том, что ошибки, заимствования, неологизмы и прочие изменения делают речь носителей испанского языка во многих регионах лишь карикатурой на язык великой испанской литературы.

Можно говорить о том, что подобная полемика, как и критика первых словарей локализмов в целом становится стимулом дальнейших лексикографических изысканий. Авторы критических работ часто или сами обращаются к лексикографическим изысканиям, или в значительной мере способствуют развитию американской филологической мысли в этом направлении.

Безусловно, при проведении сколько-нибудь серьезного лексикографического исследования необходимо анализировать микро- и макроструктуру словаря, критерии отбора лексем, объем словарника, место словаря в национальной и региональной традиции. Однако свойственная раннему этапу лексикографии неунифицированность изданий делает анализ любого такого словаря как авторского текста одним из важных этапов работы с подобного рода изданиями и позволяет в ряде случаев сделать дополнительные выводы.

Литература

1. *Alvar Ezquerra, M.* De antiguos y nuevos diccionarios del español. Madrid, 2002. 483 p.
2. *Bayo C.* Vocabulario criollo-español sud-americano Madrid, 1910. 356 p.
3. *Gagini C.* Diccionario de Barbarismos y Provincialismos de Costa-Rica. Sheridan, 2023. 608 p.

4. *Medina J. T.* Chilenismos // Apuntes lexicográficos. Santiago de Chile, 1928. 383 p.
5. *Ortúzar C.* Diccionario manual de locuciones viciosas y de correcciones de lenguaje. Santiago, 1893. 320 p.
6. *Pastor del Solar F.* Reparos al Diccionario de Chilenismos del Señor Don Zorobabel Rodriguez (Classic Reprint). Londres, 2018. 201 p.
7. *Pichardo E.* Diccionario provincial de voces cubanas. Cádiz, 1836. 273 p.
8. *Pérez F. J.* La metalexicografía en Hispanoamérica. https://www.asale.org/sites/default/files/La_metalexicografia_en_Hispanoamerica._Fco_Javier_Perez.pdf (дата обращения: 15.12.2023).
9. *Rodríguez Z.* Diccionario de chilenismos. Edición facsimilar a la de 1875. Valparaíso, 1985. 487 p.

Anastasia A. Nevokshanova

Lomonosov Moscow State University

nevokshanova@gmail.com

Author's Features of Early Latin American Dictionaries of National Vocabulary

Abstract: This article is devoted to the author's features of the first Latin American dictionaries of national vocabulary. The study of early lexicographic publications is an important aspect of Latin American studies: such publications largely reflect the sociolinguistic situation by the end of the 19th century in the Spanish-speaking countries of Latin America and record the speech characteristics of native speakers in different regions. However, when working with these dictionaries, it is necessary to take into account that each of them is a unique author's text: the lack of uniformity in the structure and content of a dictionary, characteristic of the later stages of lexicography, gives more freedom in compiling this type of work, and the dictionary is often impossible to evaluate without taking into account the personality of the author.

Key words: lexicography; Spanish in Latin America.

УДК 1751

Г. В. Ровенских
РУДН имени П. Лумумбы

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ АНТРОПОНИМОВ В БРАЗИЛИИ

Аннотация: В статье анализируются бразильские антропонимы. Многогнациональность и этническое разнообразие Бразилии предоставляют широкое поле для изучения, анализа бразильских антропонимов: личных имен, фамилий бразильцев. Интерес к антропонимам определяется междисциплинарностью данного раздела языкознания. Антропонимика обращается не только к филологии, но и к культурологии, истории, этнографии, антропологии, психологии. Важно проанализировать влияние исторических, социокультурных, языковых факторов на формирование и развитие антропонимов в Бразилии. Стоит отметить, что антропонимика, как и ономастика в целом, не являются столь исследуемыми областями языкознания в России.

Ключевые слова: антропоним; бразильский вариант португальского языка; Бразилия; имя собственное; бразильская нация; ономастика.

Антропонимика – это наука, изучающая антропонимы, то есть различные наименования человека – имена, фамилии, отчества, прозвища, псевдонимы. Это раздел ономастики, который является междисциплинарной областью и изучает происхождение, историю и употребление имен. Говоря об ономастике, мы подразумеваем географические названия, клички животных, названия небесных тел и даже названия периодических изданий.

В последние годы наблюдается растущий интерес к антропонимике в связи с антропоцентрической парадигмой современной лингвистики. Этот подход предполагает анализ лингвистических явлений, таких как личные имена, чтобы лучше понять людей, которые их используют.

Антропонимы – это лексические единицы, которые служат для идентификации и индивидуализации конкретного человека. Среди прочего они могут предоставить информацию о национальности человека. Имена известных личностей в политической и общественной жизни заслуживают особого внимания, поскольку они часто признаются и оцениваются широкой общественностью.

В то время как антропонимика изучалась веками, достижения в области технологий и анализа данных привели в последние годы к новым взглядам и открытиям. Например, исследователи использовали анализ больших данных, чтобы выявить закономерности в присвоении имен детям в разных культурах и периодах времени.

В дополнение к традиционным подходам к антропонимике, таким как этимология и история, исследователи также изучают социальные и культурные факторы, влияющие на выбор личных имен. Например, исследования показали, что определенные имена могут быть более распространены среди определенных социально-экономических групп.

В целом, изучение антропонимики дает представление о сложном взаимодействии языка, культуры и идентичности. Анализируя личные имена, исследователи могут получить представление о людях, которые их используют, а также об обществах и культурах, в которых они существуют.

Цель исследования: изучить особенности формирования и развития антропонимов в Бразилии. Предмет: исследование антропонимов в Бразилии, комплексный подход к изучению имён в этой стране, включающий в себя не только лингвистические, но и культурологические и социологические аспекты. Методы исследования: конкретизация, изучение, обобщение, индукция, дедукция, анализ литературы.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в России практически отсутствуют работы, посвященные бразильским антропонимам.

Каждый этнос в каждую эпоху имеет свой антропонимикон – реестр личных имен. Совокупность антропонимов называется антропонимией. Антропонимика выделилась из ономастики в 60-е – 70-е гг. XX века, однако целый ряд проблем рассматривается комплексно. До 60-х гг. XX века вместо термина «антропонимика» использовался термин «ономастика».

Вернемся к Бразилии. Население этой страны неоднородно. Различается по расовому, этническому признакам. Изучать бразильскую антропонимику невозможно без рассмотрения вопросов истории, культурологии, этнографии Бразилии. В Бразилии можно встретить антропонимы различного происхождения: португальского, индейского, японского, немецкого, итальянского, славянского, арабского. Это связано с тем, что население страны составляют потомки европейцев, потомки африканских рабов, завезенных в Бразилию португальцами, коренное население (особенно заметна группа индейских

народов тупис-гуарани). Также имеется значительное количество японцев, в основном в штатах Сан-Паулу и Парана. Соответственно, японские антропонимы встречаются довольно часто. Примеры японских антропонимов в Бразилии: Daniele Suzuki, Tizuka Yamasaki, Poliana Okimoto, Rodrigo Tabata. Многие немецкие фамилии были адаптированы в Бразилии. Например, Meng – Mengue, Meyer – Maia, Schlitzer – Silistre, Wilvert – Vicente, Zimmermann – Simão. Особенно часто немецкие антропонимы встречаются на юге Бразилии – в штатах Rio Grande do Sul (Риу Гранди ду Сул) и Santa Catarina (Санта-Катарина).

Около 30 миллионов бразильцев имеют итальянское происхождение. Итальянские фамилии и имена встречаются очень часто (Felipe Bortolucci, Raphael Botti, Juliana Baroni, José Bustani).

Отдельного внимания заслуживают антропонимы индейского происхождения. Например, можно встретить имена: Abayomi, Apuana, Caramuru, Cobé и другие.

С момента колонизации Бразилии бразильское население формировалось в основном за счет иммигрантов и их потомков, а также в результате их контактов с коренными народами, которые уже населяли регион. Вначале это были португальцы, затем, помимо людей африканского происхождения, которые были завезены на бразильскую территорию принудительным путем, поскольку они были порабощены, также пришли голландцы, французы и испанцы. В XVIII и XIX веках прибыли мигранты различного происхождения, среди них немцы и итальянцы в поисках плодородных земель. Позже, с политическими и экономическими изменениями, которые сопровождали Первую и Вторую мировые войны, огромные волны европейских иммигрантов прибыли в порт Santos (Сантус) в штате São Paulo (Сан-Паулу). Последний поток иммигрантов пришелся на 40-е и 50-е годы, когда Бразилия приняла людей, покинувших Старый Свет после окончания войны. В тот же период прибыли ливанцы, сирийцы, японцы и китайцы. В настоящее время в Бразилию приезжают корейцы, венесуэльцы, перуанцы, колумбийцы, гаитяне.

Как правило, когда иммигранты прибывают в страну назначения, они попадают в культурный и языковой контекст, к которому им необходимо адаптироваться. Эта потребность в адаптации характеризует иммигранта как индивида, оказавшегося на переходном этапе между разрывом с обществом, которое он покинул, и ассимиляцией в новом обществе.

В Бразилии недавние иммигранты, такие как итальянцы, немцы, евреи и японцы, обычно дают своим детям только фамилию своего отца. Это не требуется по закону, но это обычная практика из-за процесса ассимиляции, который происходит с течением времени. В результате в последующих поколениях многие семьи перенимают португальскую модель ношения как имени, так и фамилии. Это означает, что многие бразильцы разного происхождения, включая испанцев, арабов, французов и итальянцев, сегодня носят португальские фамилии. Португальские фамилии: Silva, Santos, Fernandes, Rodrigues, Mendes, Oliveira, Silveira, Ferreira, Pereira, Souza – считаются одними из самых распространенных. Встречаются и похожие испанские фамилии, которые можно отличить по суффиксу -ez: Mendez, Fernandez, Rodriguez, Lopez, Gomez.

Сегодня можно найти людей, которые используют две итальянские фамилии (например, Garde Bianchini) или две японские фамилии (Sugihara Sayuri). Данная практика необычна для Италии и полностью отсутствует в Японии. Наличие двух фамилий разного непортугальского происхождения также не редкость, например, у бразильской знаменитости Сабрины Сато Рахал (порт. Sabrina Sato Rahal) японского и швейцарско-ливанского происхождения. Также распространены немецко-итальянские сочетания (например, Becker Bianchini), особенно в Rio Grande do Sul (Риу Гранди ду Сул) – штате со значительным немецким и итальянским населением.

Среди потомков иммигрантов XX века сложилась особая модель: они используют только фамилию своего отца и два личных имени, первое – португальское личное имя, а второе – личное имя из страны происхождения их отца. Эта модель наиболее часто используется среди детей и внуков японских и сирийско-ливанских иммигрантов. Таким образом, можно найти такие имена, как Paulo Salim Maluf, где Paulo – португальское личное имя, Salim – арабское личное имя, а Maluf – фамилия его отца; или Maria Heiko Sugahara, где Maria – португальское личное имя, Heiko – японское личное имя, а Sugahara – фамилия ее отца. Эта практика позволяет человеку быть признанным как Paulo Maluf или Maria Sugahara в большом бразильском обществе и как Salim Maluf или Heiko Sugahara в их иммигрантском социальном сообществе.

Если говорить о влиянии антропонимов, об ономастике в целом, то от некоторых имен бразильцев были образованы наименования зданий, компаний, торговых марок. Так, например, в Сан-Паулу

расположено известное 28-этажное здание Марчинелли (порт. Edifício Martinelli), спроектированное предпринимателем итальянского происхождения Джузеппе Марчинелли. Также известна компания по производству бумаги Klabin – наименование произошло от фамилии семьи еврейских иммигрантов из Литвы, основавшей компанию в 1899 году [6, 3].

Особенно интересно исследование бразильских ученых-филологов Эдуарду Амарала и Марсии Сеиджи. В своей работе «Personal names: an introduction to Brazilian anthroponymy» они подробно разбирают бразильские антропонимы японского и литовского происхождения. За основу были взяты антропонимы, встречающиеся в штате Парана. Авторы исследования приходят к интересному выводу, что все литовские фамилии имеют одинаковые морфемы, независимо от того, является ли их носитель мужчиной или женщиной. Например, согласно грамматическим правилам литовского языка, женские фамилии должны иметь соответствующее окончание -date или -e, если они замужем, или -te, если они не замужем. Однако, за исключением одного случая, в выборке фамилии не претерпели такого изменения, поэтому нет чередования морфемы, используемой для обозначения семейного положения женщин. Такое поведение по сохранению одинаковой формы для всех носителей фамилии следует морфосинтаксическому функционированию португальского языка, а не литовского языка, поскольку в этом языке это нормально и ожидаемо, что окончание фамилии меняется в зависимости от семейного положения носителя. Таким образом, в собранной выборке есть одно исключение, подтверждающее правило: фамилия Jakaite. Это единственная фамилия, в которой используется морфема, обозначающая семейное положение женщины [5, 202].

Таким образом, исследования в области антропонимики и ономастики нуждаются в большем объеме распространения. Как мы поняли, антропонимы, или личные имена, играют важную роль в культурном, социальном и языковом ландшафте Бразилии. Бразилия, будучи обширной и разнообразной страной с богатой историей и многочисленными культурными влияниями, имеет уникальную систему соглашений об именовании, которые отражают ее сложное прошлое и разнообразное население. Обсудим особенности формирования и развития антропонимов в Бразилии.

Бразилия была колонией Португалии до 1822 года, и португальские соглашения об именовании оказали значительное влияние

на антропонимику страны. В колониальный период бразильские соглашения об именовании отражали систему отчеств португальцев, которые использовали имя отца в качестве фамилии. Однако в XIX веке бразильское законодательство внесло изменения в систему наименований, сделав ее более гибкой.

Обширная территория Бразилии и мультикультурное общество привели к появлению богатого и разнообразного набора личных имен. Коренное население страны, африканские рабы и европейские иммигранты – все это повлияло на бразильскую антропонимику. Африканское влияние отражается в использовании таких личных имен, как Matunde, Thabo, Kumi, Mazi, Tab, Abidemi. Напротив, европейское влияние можно увидеть в широком использовании таких имен, как Ana, Maria, Pedro, João, Roberto, Guilherme, Diego.

Говоря о региональном многообразии антропонимов, стоит отметить, что на северо-востоке страны часто можно встретить именно африканские имена. На юге – итальянские, немецкие, японские, польские имена и фамилии (Paulo Leminski, Ariane Lipski, Filipe Luís Kasmirski).

В Бразилии личные имена часто сокращаются или изменяются для удобства, привязанности или юмора. Прозвища и аббревиатуры обычно используются для обозначения отдельных лиц, и многие бразильцы используют свои прозвища чаще, чем настоящие имена. Мужские имена: Francisco – Chico; José – Zé; Antônio – Tonho; Carlos Eduardo – Cadu; José Carlos – Zeca; Roberto – Beto; Fernando – Nando; Leonardo – Léo. Женские имена: Beatriz – Bia; Eduarda – Duda; Heloísa – Helô; Helena – Lena; Isabela – Isa; Cristina – Cris.

Прозвища могут быть ласковыми или комическими, а некоторые бразильцы даже предпочитают использовать свои прозвища в качестве официальных имен: Edson Arantes do Nascimento – Pele; Valdir (Waldyr) Pereira – Didi; Ricardo Izecson dos Santos Leite – Kaká.

Религия также сыграла значительную роль в бразильской антропонимике. Многие бразильские имена происходят от имен католических святых, таких как Antonio, Francisco, João. Нередко можно встретить имя Aparecida, ведь Богоматерь Апаресидская – покровительница Бразилии. Влияние африканских верований также можно увидеть в использовании таких имен, как Yemanja (от имени африканской богини моря и плодородия) и Oxum (от имени богини любви у африканского племени йоруба).

В Бразилии личные имена часто отражают пол и социальный статус. Обычно девочкам дают такие имена, как *Maria*, *Ana*, причем имя *Ana* дается чаще всего в сочетании с другими именами, например: *Ana-Maria*, *Ana-Lyvia*. Мальчикам дают такие имена, как *Pedro*, *João*. Социальный статус также может быть отражен в личных именах, причем более состоятельные семьи выбирают более элегантные и утонченные имена, такие как *Arlette*, *Clarinda*, *Constanta*.

В заключении стоит отметить, что формирование и развитие антропонимов в Бразилии являются результатом сложного исторического, культурного и социального процесса, который происходил в течение долгих лет. Такие особенности Бразилии как огромная территория и мультикультурное общество привели к появлению богатого и разнообразного набора личных имен. Бразильская антропонимика отражает сложное прошлое страны и многообразие населения, что делает ее увлекательным предметом изучения как для лингвистов, так и для историков и этнографов.

Литература

1. Гарагуля С. И. Антропонимия в лингвокультурном и историческом аспектах. М., 2018.
2. Ермакова М. А., Мартыненко Ю. Б. Лингводидактический потенциал антропонимов в иностранной аудитории // Преподаватель XXI век. 2021. №4. Часть 2. М., 2018.
3. Рылов Ю. А., Корнева В. В., Шеминова Н. В., Лопатина К. В., Варнавская Е. В. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов // под ред. проф. Ю. А. Рылова. М., 2019.
4. Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации. М., 2006.
5. Amaral, Eduardo Tadeu Roque, Seide, Márcia Sipavicius PERSONAL NAMES: an introduction to Brazilian anthroponymy. Araraquara Lettraria, 2022. 202 p.
6. <https://klabin.com.br/en/nossa-essencia/memoria-klabin/linha-do-tempo> (дата обращения 23.04.2023).

Georgy V. Rovenskikh

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
g.v.rovenskikh@yandex.ru

Features of the Formation and Development of Anthroponyms in Brazil

Abstract: *The article analyzes Brazilian anthroponyms. The multinational nature and ethnic diversity of Brazil provide a wide field for the study and analysis of Brazilian anthroponyms: personal names, surnames of Brazilians. The interest in anthroponyms is determined by the interdisciplinarity of this section of linguistics. Anthroponymy refers not only to philology, but also to cultural studies, history, ethnography, anthropology, and psychology. It is important to analyze the influence of historical, socio-cultural, and linguistic factors on the formation and development of anthroponyms in Brazil. It is worth noting that anthroponymy, as well as onomastics in general, are not such studied areas of linguistics in Russia.*

Key words: *anthroponym; Brazilian version of the Portuguese language; Brazil; proper name; Brazilian nation; onomastics.*

Ibero-Romance Studies: Volume 21: Academic Articles / Editor-in-chief Y. L. Obolenskaya; technical editor M. S. Snetkova. – Moscow: MAKS Press, 2024. – 212 p.

ISBN 978-5-317-07149-3

<https://doi.org/10.29003/m3806.ibero-romance-21>

The articles follow three International Conferences held by the Ibero-Romance Department of the Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University in 2023: VIIIth Camões Readings (March 24–25, 2023), VIIth International Workshop on Catalan Language and Culture (April 21–22, 2023), IInd Latin American Readings (November 23–24, 2023), to commemorate the 270th anniversary of Lomonosov Moscow State University. The articles embrace a wide range of issues in Ibero-Romance studies, including language and literature studies, fine arts, historical and cultural studies.

For specialists in Romance studies, journalists, historians, philosophers, researchers in fine arts and cultural studies. The articles are copy-edited by their authors.

Key words: Ibero-Romance languages, regional varieties, literature, history, culture, Iberian Peninsula, Latin America.

Научное издание

ВОПРОСЫ ИБЕРО-РОМАНИСТИКИ

Выпуск 21

Сборник статей

Подготовка оригинал-макета
и компьютерная верстка: *М. С. Снеткова*

Обложка: *А. В. Кононова*

В оформлении обложки использован рисунок *А. Д. Федосеевой*

Издание доступно на платформе elibrary

Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Напечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 05.03.2024 г.

Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 13,25.

Тираж 22 экз. Заказ 028.

Издательство ООО “МАКС Пресс”
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ имени М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/93. Тел./Факс 8(495)939-3891

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

